

Э. Маккей

ДРЕВНЕЙШАЯ
КУЛЬТУРА
ДОЛИНЫ
ИНДА

Аэрофотоснимок Мохенджо-Даро, 9 декабря 1928 г. Ориентирован на северо-северо-запад. Лагерь экспедиции (наверху налево) разбит на месте древнего русла реки Инд.

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

*

Э. МАККЕЙ

ДРЕВНЕЙШАЯ
КУЛЬТУРА
ДОЛИНЫ
ИНДА

Перевод с английского
М. Б. ГРАКОВОЙ - СВИРИДОВОЙ
Под редакцией и с предисловием
академика В. В. СТРУВЕ

1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

E. MACKAY

EARLY INDUS CIVILIZATIONS

LONDON

1948

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советская наука, неизменно приветствующая появление новых научных данных о древнейшей национальной культуре стран колониального Востока, с интересом встретила сообщения о крупных археологических открытиях, сделанных индийскими учеными в начале двадцатых годов в долине Инда.

В 1921 г. Рай Бахадур Дайя Рам Сахни обнаружил в Хараппе в округе Монтгомери (Пенджаб) остатки древнейшей, до того неизвестной культуры. К сожалению, древние кирпичные здания в Хараппе были варварски использованы для позднейших строительных работ, и потому воссоздать на основании раскопок план этого древнего города и его жилых домов оказалось невозможно.

Раскопки другого индийского ученого, Р. Д. Банерджи, произведенные в 1922 г. на холмах Мохенджо-Даро в округе Ларкана (центральная часть Синда), приблизительно на расстоянии 600 км к югу от Хараппы, обогатили науку новыми, чрезвычайно ценными сведениями. Изучая обнаруженные здесь остатки буддийского святилища (так называемой ступы и монастыря), относящиеся, вероятно, к Кушанской эпохе (II в. н. в.), Банерджи открыл древнеиндийский город и многочисленные памятники материальной культуры. Было установлено, что под святилищем находится поселение глубокой древности, обожженные кирпичи которого были впоследствии использованы буддийскими монахами. Начавшиеся здесь в том же году раскопки продолжались в течение ряда лет, расширяясь и захватывая все новые и новые части обширного поселения. В результате этих успешных раскопок была вновь открыта забытая древняя культура Северной Индии. Ее непосредственная связь с культурами Восточного Средиземноморья не вызывает сомнений.

Богатые результаты раскопок в Мохенджо-Даро и Хараппе встретили в советской науке должный отклик: в 1926 г. появилась обстоятельная статья проф. Б. Л. Богаевского «Восток и Запад в их древнейших связях (по поводу новейших открытий в Индии)»¹.

¹ Новый Восток, № 12 (1926 г.), стр. 214 и сл.

Говоря о значении для исторической науки раскопок в Мохенджо-Даро и Хараппе, Б. Л. Богаевский называет эти города «индийскими Микенами и Тиринфом». Конечно, он не имел возможности обобщить материал в целях определения общественного строя древнейшей индийской цивилизации, так как его статья была написана до появления подробного отчета об открытиях в Мохенджо-Даро; отчет этот, содержащий полное описание найденных здесь памятников материальной культуры, был издан только в 1931 г.

На Западе первая попытка научного обобщения результатов работ археологических экспедиций в Мохенджо-Даро и Хараппе была предпринята Э. Маккеем в 1935 г. в монографии «Культура Инда». Автор — один из археологов, производивших раскопки в Мохенджо-Даро — сумел в живой, доступной форме дать сжатую и в то же время достаточно подробную характеристику наиболее существенных памятников, открытых в долине Инда.

На протяжении всего лишь 130 страниц он дает описание архитектурных памятников, одежды, украшений, домашней утвари, орудий, оружия, искусства, памятников религиозного культа и развлечений древних жителей Мохенджо-Даро и Хараппы. Значение книги Маккея как ценного научного пособия для изучения древнейшей культуры Индии отметил в своей рецензии на эту книгу и покойный профессор А. В. Мишулин¹. Настоящий перевод сделан со второго, уже посмертного, издания монографии Э. Маккея, опубликованного в 1948 г. под несколько видоизмененным заголовком — «Древнейшая культура долины Инда». Во втором издании были использованы результаты раскопок, проводившихся после 1934 г. в Пенджабе, Синде, Белуджистане и в особенности в Чанху-Даро, к югу от Мохенджо-Даро.

Собранный Э. Маккеем большой фактический материал о древнейшей культуре Индии делает его книгу интересной и для советских историков. В результате раскопок наших археологов в течение двух последних десятилетий были открыты в Средней Азии, Закавказье, на Украине и в Молдавии многочисленные очаги древних (от конца IV до II тыс. до н. э.) земледельческих культур. Эти земледельческие культуры, родственные современной им культуре долины Инда, охватывали огромную территорию от Хенаня и Шаньси (Северный Китай) — на востоке, где они представлены керамикой Ян-Шао, до Балканского полуострова на западе (поселения в Сескло, Димини). Характерная черта их — распространение глиняной крашеной посуды, монохромной или полихромной, превосходные образцы которой дают, например, поселения Триполья или Анау.

¹ Вестник древней истории, 1938, № 1, стр. 121—123.

Чем объясняется подобная близость — сходством развития социально-общественных форм и производственной деятельности земледельческих народов или же связями между этими народами — сказать пока трудно. Вероятнее всего, эта близость между древними земледельческими культурами объясняется как сходством в развитии производительных сил, так и сношениями между этими культурами. Однако, чтобы дать на поставленный нами вопрос более убедительный и обоснованный ответ, нужно провести огромную работу по изучению и систематизации всего добытого материала и установить недостающие звенья в цепи этих культур. Над разрешением этих задач в настоящее время успешно работают наши археологи. Не вдаваясь в подробности этой важнейшей для древнейшей истории СССР проблемы, укажем на некоторые очаги земледельческих культур на территории СССР, наиболее близкие к городам долины Инда и родственные им по форме памятников материальной культуры, языка и религии.

Керамика культуры Амри, предшествующей по времени культуре Хараппы, близка к керамике Анау (III тыс. до н. э.). За последние годы в Средней Азии были определены еще пункты распространения керамики этого типа, например, в предгорьях Копет-Дага, около Ашхабада (в ауле Маныш), в горах Багир-Дага (Туркменская ССР)¹, около Хакулабада (Узбекская ССР)².

Открытые С. П. Толстовым так называемые кельтеминарская и сургайская культуры обнаруживают следы непосредственных сношений со странами, прилегающими к Индийскому океану. «Кремневый инвентарь Кельтеминара также находит много параллелей с ... пока малоизученными микролитическими орудиями стоянок неолита Северной Индии»³. Керамика Кельтеминара близка к керамике Анау, «связанной в свою очередь с широким кругом древних переднеазиатских культур с крашеной керамикой»⁴. Теперь нет никакого сомнения, что в этот круг должны быть включены и Хараппа, и Чанху-Даро, и Мохенджо-Даро.

Э. Маккей указывает на существование непосредственных связей между Индией и Центральной Азией, шедших через

¹ См., напр., А. А. Марущенко, Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Известия Туркменского Государственного научно-исследовательского института, № 1, стр. 14—17, Ашхабад, 1935.

² Известия Государственной академии истории материальной культуры, выпуск 110. Археологические работы на новостройках, т. 2, стр. 141—142, М.—Л., 1935.

³ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 72, М., 1948.

⁴ С. П. Толстов, Древность Верхнего Хорезма. Вестник древней истории, 1941, № 1, стр. 158.

Белуджистан. Так, например, оттуда получался жадеит, а из Афганистана — ляпис-лазурь.

Более того, можно говорить о «...несомненно существовавших в отдаленном прошлом культурных связях предков угорских и доиндоевропейских индийских народов, связях, заставляющих предполагать территориальный контакт этих народов... Они должны быть отнесены не позднее чем к IV—III тыс. до н. э., ко времени, когда создатели кельтеминарской культуры выступают в качестве наиболее вероятного посредствующего звена этих связей...»¹. Кельтеминарцы и суярганцы принадлежали, вероятно, к той группе народов, к которой относятся современные кавказские народы, т. е. к восточной ветви народов кавказской системы языков. Как известно, в нее входили и прото-хетты, и шумерийцы, и древнейшие обитатели Сирии. Б. Грозный усматривает в надписях на печатях из Мохенджо-Даро следы кавказского (азианического) языка; в таком случае носители культуры Хараппы должны быть включены в ту же группу народов. Для всех этих в основном земледельческих народов характерна «культура крашеной керамики».

В своих исследованиях² я прихожу к выводу, что собственные имена в надписях на печатях Мохенджо-Даро являются хурритскими. Если это так, то значение древних культур долины Инда приобретает для нас, историков Советского Союза, еще большее значение. Субарейцы или хурриты-митанийцы создали во II тысячелетии огромное государство, объединив под своим господством почти все страны Переднего Востока. Центр Митанийского государства находился в Северном Двуречье, и оно, естественно, имело тесные связи с племенами Закавказья. В самом деле, отмечалось «родство господствующего языка в стране Урарту с хурритским, письменные памятники которого в свою очередь обнаруживаются раскопками последнего десятилетия в Месопотамии и Сирии (Мари), и другие местные языковые следы, ведущие даже к ранней шумерийской эпохе, территориально же, если считать попытку Б. Грозного прочесть печати Мохенджо-Даро убедительной, вплоть до Индии»³. Б. А. Куфтин подчеркивает роль дравидийских элементов в языках Кавказа, например в картвельских языках⁴.

Эта близость сказалась и в памятниках материнской культуры. Маккей обращает внимание на то, что некоторые изделия из бронзы (булавки с загнутыми концами, топоры), обнару-

¹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 72, М., 1948.

² В. В. Струве, Дешифровка протоиндийских писем. Вестник Академии наук СССР, 1947, № 8, стр. 51—58.

³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 124, Тбилиси, 1941.

⁴ Там же, стр. 126—127.

женные в Мохенджо-Даро, находят ближайšie аналогии на Кавказе. Подобного рода примеры можно было бы умножить. Однако в настоящем предисловии мы не имеем возможности углубляться в рассмотрении этих важных и требующих глубокого изучения проблем. Наша цель — лишь указать на актуальность изучения культуры древних поселений долины Инда для уточнения далекого прошлого многих областей нашей родины.

Однако книга Маккея, содержащая большой, в общем хорошо отобранный фактический материал, далеко не свободна от пороков, присущих всей буржуазной историографии в целом. Самым серьезным недостатком обоих изданий монографии Э. Маккея является чисто вещеведческий характер изложения — недостаток, свойственный трудам всех буржуазных археологов. В этом отношении целая пропасть отделяет буржуазную археологию от археологии советской, основанной на широком применении марксистско-ленинского метода изучения истории. Советские исследователи подходят к археологическому материалу как к историческому источнику и потому умеют на основании методически добытого материала с помощью строго научного анализа воссоздавать адекватное представление о тех обществах, которым принадлежат раскопанные ими памятники. Советские археологи-историки намного опередили буржуазных археологов-антикваров. Замечательные исследования советских археологов, многие из которых были удостоены Сталинских премий, ставят своей основной задачей, как правило, определение типа производственных отношений изучаемых ими древних обществ.

Преимущества метода археологов-марксистов и пороки, присущие буржуазной науке, особенно рельефно проявляются при сопоставлении трудов советских ученых с трудами их зарубежных коллег. И Э. Маккей, несомненно, крупный специалист, посвятивший столько лет своей жизни изучению культуры и цивилизации древних обитателей долины Инда, отнюдь не представляет собой исключения в этом отношении. Он также не считает нужным специально остановиться на проблеме общественного строя древнейшей Индии.

Насколько «несущественным» считает Маккей вопрос о характере изучаемого общества, видно хотя бы из того, что в указателе к своей книге он не включил ни одного социального термина. Социальная терминология его чрезвычайно нечетка: так, в некоторых случаях (например, на стр. 55) он говорит о рабах, а в других — о «слугах» (стр. 51). В одном месте (стр. 55) мы находим у него упоминание о «торговом классе», и «более крупной группе ремесленников». Не поставив перед собой задачи определения общественного строя древних поселений Мохенджо-Даро и Хараппы, автор все же неизбежно должен был коснуться социальных проблем при описании памятников культуры этих поселений. При этом он обнаружил все

типичные пороки буржуазного историка. Так, модернизация проскальзывает иной раз в терминологии Маккея (например; в термине «муниципальные служители», стр. 53), иной раз в перенесении весьма сложных явлений религии современной Индии в далекое прошлое, когда существовала культура Хараппы (стр. 80).

Подобно большинству буржуазных историков, Э. Маккей готов видеть в теории миграций универсальную отмычку для открытия всех «тайн» в культуре любого древнего народа. Так, говоря о керамике более ранней культуры, нежели культура Хараппы, так называемой культуры Амри (стр. 30), он безоговорочно утверждает, что эта расписная двухцветная керамика, поскольку она и по формам и по геометрическому орнаменту существенно отличается от глиняных изделий Хараппы, «несомненно, является изделием другого народа». Ниже (стр. 106), упоминая керамику культуры, сменившей культуру Хараппы, так называемой культуры Джжукара, он также категорически заявляет, что эта керамика, отличающаяся от хараппской как по технике, так и орнаменту, «принадлежит, несомненно, совершенно другому народу». Таким образом, автор исключает самую естественную и наиболее вероятную возможность, что изменения в технике и орнаменте керамики могут быть результатом внутреннего развития общества, а не смены его каким-либо другим пришлым обществом. Не допускает автор и возможности вторичного, самостоятельного изобретения в различных обществах, стоящих на одинаковых ступенях развития, какого-либо технического усовершенствования, как, например, наведения глазури на глиняные изделия (стр. 116). Такая установка поκειται на господствующем в буржуазной историографии положении об «инертности» человечества, неспособного преодолеть «лень мысли», чтобы заново сделать какое-либо открытие, уже сделанное другим обществом.

Книга Маккея, не только не дающая ответа на вопрос о социальном строе древних жителей Мохенджо-Даро и Хараппы, но даже и не ставящая этого вопроса, не безупречна и как чисто вещеведческий справочник, ибо она не дает вполне адекватного представления о материальной культуре этих городов. Так, автор не обратил внимания на найденные в Хараппе фрагменты двух статуэток — торс мужчины, сделанный из красного песчаника, и торс танцовщицы — из темносерого шифера¹. Обе статуэтки свидетельствуют о высоком искусстве и техническом мастерстве древнеиндийских ваятелей, сумевших передать линии человеческого тела даже в таком трудно поддающемся обработке материале, как твердый камень. Включив эти статуэтки в число анализируемых им памятников круглой скульптуры, автор имел бы

¹ Вестник древней истории, 1940, № 2, стр. 21, рис. 5. Рис. 6 на той же странице дает реконструкцию статуэтки.

основание дать еще более полную оценку изобразительному искусству древней Индии.

К числу недостатков второго издания книги Маккея следует отнести и то обстоятельство, что в нем не учтены полностью все исследования и открытия за период, отделяющий второе издание от первого. Так, во втором издании совершенно не отмечена предложенная Б. Грозным¹ попытка дешифровки найденных в поселениях долины Инда протоиндийских надписей.

Не соответствует современному уровню науки и хронология культуры долины Инда, даваемая автором как в первом, так и во втором изданиях книги. К сожалению, она не лишена противоречий, поскольку в основном тексте книги оставлена по существу без изменения хронологическая схема первого издания, в котором не могли быть учтены результаты раскопок конца тридцатых годов в Сирии, в городах Алалах и Угарит, в поселениях долины реки Хабур, а также данные списка ассирийских царей из Хорсабада, опубликованного в 1942—1943 г. В дополнении указанный материал использован, но лишь формально и поверхностно, без должного анализа, без решения вопроса о ценности свидетельства хорсабадского царского списка по сравнению с данными археологических раскопок, согласованных с соответствующими астрономическими датами.

Заканчивая характеристику книги Э. Маккея, необходимо остановиться на одном отрицательном моменте, который сопутствует работе весьма многих буржуазных археологов, но является не столько их виной, сколько их бедой. Я имею в виду скудость средств, предоставляемых в капиталистическом мире археологическим экспедициям. Действительно, на страницах этой книги неоднократно встречаются проникнутые глубокой горечью упоминания о материальных затруднениях, препятствовавших продолжению до того успешно протекавших работ археологов. Даже в те годы, когда археологам, изучавшим поселения долины Инда, предоставлялись некоторые средства, последние были слишком скудны для проведения необходимых, но дорогостоящих работ, как, например, исследование древнейших слоев Мохенджо-Даро, при котором требовалось дорогое оборудование для откачивания воды. Недостаток средств парализует археологические изыскания ученых капиталистических стран не только в Индии, но и в такой стране, как Египет, где уже на протяжении многих десятков лет производились многочисленные раскопки. Так, в 1949 г. известное английское Общество по изучению Египта (The Egypt Exploration Society) вынуждено было отказаться от дальнейших работ ввиду их большой стоимости и ограничиться изучением лишь тех памятников, которые находятся

¹ Б. Грозный, Протоиндийские письма и их расшифровка (Вестник древней истории, 1940, 2, стр. 15—34); см. также Archiv Orientalni, т. 12 (1940), стр. 192—259, и т. 13 (1942), стр. 1—102.

на поверхности земли. Только в Советском Союзе, в условиях социалистического общества, благодаря громадным средствам, отпускаемым правительством, археологи могут повсеместно производить систематические раскопки, открывая в недрах земли бесчисленные памятники далекого прошлого нашей необъятной родины.

* * *

Как мы уже видели, Э. Маккей оказался не в состоянии разрешить вопрос о характере общественного строя древних городов долины Инда. Между тем это основной вопрос, который встает перед историком, знакомящимся с результатами раскопок названных городов. Поэтому нам придется взять на себя решение этой сложной и ответственной задачи на основании имеющегося в нашем распоряжении материала. Однако прежде чем перейти к определению общественного строя этих древних городов, мы должны остановиться на другом вопросе, который непосредственно связан с первым и на который Маккей также не дал удовлетворительного ответа, — вопросе о хронологических рамках истории этих городов.

Некоторые исходные данные для определения хронологии древних городов долины Инда предоставили исторической науке раскопки в Южном Междуречье, в поселениях Вавилонии. Найденные здесь печати-амулеты, несомненно, или непосредственно вышли из мастерских древних городов долины Инда, или же имитируют их изделия. Большая часть этих предметов не поддается датировке вследствие своеобразия условий места, где они были найдены, однако две печати могут быть все же включены в определенную историческую среду. На одну из них обратил внимание Б. Грозный в своих исследованиях, посвященных дешифровке протоиндийского письма¹. Согласно Грозному, клинописная надпись на этой печати по стилю своих знаков датируется эпохой до Саргона, царя Аккада, вступившего на престол около 2320 г. до н. э.; в таком случае данную печать следует отнести приблизительно к XXV в. до н. э. Поскольку индийские печати-амулеты, послужившие образцом для изготовления печати, найденной в Уре, были раскопаны в древнейших слоях Мохенджо-Даро, начало культуры Мохенджо-Даро и Харалпы также следует относить примерно к XXV в. до н. э. Эта датировка подтверждается отмеченной Маккеем находкой в Телль-Асмаре (Ашнуннаке) индийской печати в слое, относящемся примерно к 2400 г. до н. э. Датировка древних слоев Мохенджо-Даро и Харалпы XXV в. до н. э. подтверждается и находками здесь и в Телль-Асмаре сосудов определенных типов. В этом отношении большой интерес представляет одно наблюдение автора, сравнивающего

¹ К оценке дешифровки Б. Грозного см. В. В. Струве, Протоиндийские надписи (Индийский сборник, 1948 г., изд. Тихоокеанского института, стр. 113 и сл.).

откопанную в древнем слое Мохенджо-Даро орнаментированную бусину из карнелиана (табл. XXIV, 5) с такими же бусинами, найденными в царских гробницах в Уре, которые зарубежные археологи датируют примерно 2500 г. до н. э. Следуя хронологической традиции писцов Ура, я отношу их к концу XXV в. до н. э.

Хуже обстоит дело в книге Э. Маккея с обоснованием датировки поздних слоев культуры Хараппы. Последние определяются XVII в. до н. э. с указанием на то, что эта дата единодушно принята всеми археологами. Установив для конца Мохенджо-Даро дату XVII в. до н. э., автор не мог поставить в связь катастрофу, постигшую город в последний период его истории, со вторжением племен арнев, деяния которых восхваляются в Ригведе, ибо вторжение этих племен имело место около 1500 г. до н. э. (стр. 35). Поэтому он полагал, что враг, напавший на Мохенджо-Даро в поздний период его истории, явился из Белуджистана.

Я считаю, что последние археологические изыскания дают основания для более естественного предположения о тождестве нашествия, засвидетельствованного раскопками поздних слоев Мохенджо-Даро, с событиями, описанными в Ригведе. Действительно, в связи с раскопками некрополей Хараппы в 1946 г. представляется весьма вероятной датировка конца культуры Хараппы 1500 годом до н. э.; указанная датировка подкрепляется опубликованным в 1948 г. исследованием С. Пиггота, посвященным некоторым предметам художественного ремесла, которые были найдены в Мохенджо-Даро и Чанху-Даро¹. Решающим аргументом в пользу отнесения конца культуры Хараппы к середине II тысячелетия до н. э. является результат спектрографического анализа сегментированных бус из синего фаянса, найденных в Кноссе на Крите в III слое среднеминойского периода, и нескольких бусин такого же вида, раскопанных в поздних слоях Хараппы. Поскольку указанные бусы обнаружены в Хараппе лишь в ничтожном количестве, мы имеем полное основание предполагать, что они не были изготовлены на месте, но попали в Хараппу в результате обмена. Тщательный анализ бус из Кносса и из Хараппы показал абсолютное тождество их состава, а это свидетельствует, что они происходят из общего источника, т. е. из мастерских Кносса. В Кноссе эти бусы были найдены, как отмечалось, в слое среднеминойского периода, завершившегося около 1550 г. до н. э., вместе с египетскими предметами эпохи XVIII династии, воцарившейся к 1584 г. до н. э. Таким образом, кносские сегментированные бусы из синего фаянса относятся примерно к периоду от 1584 до 1550 г. до н. э.

¹ S. Piggot, *Ancient India IV* (1948), p. 20. Цит. по исследованию J. F. S. Stone, A second fixed point in the chronology of the Harappa Culture (*Antiquity*, December, 1949, p. 201—204).

Следовательно, эту же приблизительную дату (вернее несколько более позднюю, если учесть, что для доставки бус из Кносса в Хараппу также могло потребоваться немало времени) следует принять и для позднего слоя Хараппы, в котором были найдены кноссские бусы. Такая датировка делает, во всяком случае, вполне допустимой догадку, что Хараппа погибла в результате вторжения в долину Инда племен ариев, т. е. около 1500 г. В дополнении указывается та же датировка на основании хорсабадского списка ассирийских царей; впрочем, ценность этого списка весьма незначительна.

То, что сообщают песни Ригведы о древнем населении долины Инда, может быть хорошо согласовано со сведениями, которыми обогатилась наука в результате раскопок древних городов Северной Индии. Отнюдь не все враги ариев в этих песнях описываются как отсталые дикари. Часть их живет в укрепленных городах и своим богатством вызывает зависть составителей песен Ригведы. Последние характеризуют жителей этих городов как народ хитрых купцов, всемерно стремящийся к обогащению, торгующий как продуктами земледелия, так и предметами ремесла. Такая характеристика очень подходит к обитателям Мохенджо-Даро и Хараппы, в жизни которых торговля, как мы увидим в дальнейшем, играла очень большую роль. Далее, великий бог ариев Индра называется «разрушителем крепостей». Боги древнего населения в традиции Ригведы являются по отношению к вторгнувшимся племенам злыми демонами, вызывающими засуху и другие бедствия. Поэтому вполне допустимо, что виновниками повреждений, нанесенных глиняным фигуркам божеств Мохенджо-Даро, были завоеватели арии, отомстившие таким образом ненавистным богам своих врагов. Наконец, согласно традиции Вед, лошадь была введена в Индию ариями; между тем в позднейших слоях городов долины Инда мы уже встречаем кости лошади. Можно предположить, что древнее население этих городов в течение некоторого времени спасалось за их мощными стенами от натиска вторгнувшихся кочевых племен и в этот период начало использовать наряду с другими, давно уже известными домашними животными и лошадь.

Ожесточенную борьбу между древним населением долины Инда и вторгнувшимися племенами, называвшими себя «ариями», вся буржуазная историография объявляет расовой борьбой между «арийцами», т. е. восточной ветвью индоевропейской расы, и древним неиндоевропейским населением Северной Индии. Эта теория опровергается хотя бы тем, что вопрос об этническом составе ариев является в науке отнюдь не решенным. Согласно одному из наиболее правдоподобных толкований, термин «арий» восходит к слову «харри» — названию многочисленных неиндоевропейских племен, разбросанных на большой территории и подвергавшихся в течение веков сильнейшему

воздействию со стороны различных племен и смешивавшихся с ними. Если это лингвистическое истолкование правильно, из него следует, что племена ариев, пребывавшие некогда в близком соседстве с племенами «харри», настолько смешались с ними, что приняли их этническое название, хотя и сохранили свою языковую систему. Но в таком случае арии Вед не могут претендовать на «честь» быть представителями чистой, несмешанной расы. Точно так же неправильно считать представителями чистой расы и носителей древнейшей известной нам культуры Индия. Раскопанные в поселениях долины Инда костные останки свидетельствуют о таком расовом смешении в этот период истории Северной Индии, датируемый XXV—XV веками до н. э., что какие-либо определенные антропологические выводы о расовой принадлежности древнего населения Хараппы и Мохенджо-Даро невозможны. Специалисты относят обнаруженные здесь костные останки к четырем антропологическим типам: протоавстралоидному, средиземноморскому, монголоидному и альпийскому.

Хотя в древнеиндийских надписях ряд имен богов, по мнению Б. Грозного, восходит к харрийскому (хуррийскому) пантеону, из этого не следует, что языком древнеиндийского населения был один из харрийских племенных языков. Этому противоречит уже то обстоятельство, что, следуя методу дешифровки Грозного, в протоиндийских надписях можно найти и имена шумерийских богов, как, например, Эа, и имена богов, не имеющих отношения к переднеазиатскому пантеону, например имя бога танцев — Nataja.

Выводы, которые можно сделать на основании древнеиндийского эпиграфического материала, дают основание утверждать, что о какой-то расовой противоположности между коренным населением долины Инда и вторгнувшимися племенами, называвшими себя «ариями», говорить нельзя. Хотя население древних городов Северной Индии и не называло себя «ариями», все же в его этногенезе, судя по именам ряда богов, принимали участие и харрийские племена, с которыми, весьма возможно, смешивались когда-то и вторгнувшиеся в Индию арии. Поэтому мы не можем объяснить ожесточенную борьбу между этими двумя до известной степени родственными народностями расовыми моментами. Вероятнее всего, это было обычное столкновение между кочевниками и оседлым населением, борьба между которыми велась обычно и с той и с другой стороны с большой жестокостью. Борьба еще более обострялась вследствие того, что в этих двух обществах мы находим различные типы производственных отношений.

Установив приблизительно хронологические рамки культуры древних поселений долины Инда и этнический состав их населения, попытаемся хотя бы в общих чертах — большего не

позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники — определить социальный, экономический и политический строй этих давно исчезнувших городов. Для этого прежде всего необходимо решить вопрос об уровне развития производительных сил древнеиндийского общества, ибо «каковы производительные силы, — таковыми должны быть и производственные отношения»¹.

В древнеиндийском обществе переход от каменных орудий к металлическим был осуществлен в глубокой древности. Уже в самых низших из раскопанных слоев как в Хараппе, так и в Мохенджо-Даро были найдены металлические орудия. Заслуживает внимания и то, что даже в этих слоях были обнаружены наряду с медными и бронзовые орудия. Обилие изделий из металла определенно указывает, что они были местного, а не иноземного происхождения, причем металлургия достигла достаточно высокого уровня.

Были найдены бронзовые и медные топоры двух видов, бронзовые пилы, долото, крючки для рыбной ловли, четыре вида бритв. Заслуживает внимания и оружие: два медных меча или кинжала, бронзовые и медные наконечники стрел и копий. Следует отметить, что металлурги древней Индии, подобно металлургам Вавилонии и Египта, были знакомы с литьем по восковой модели. Таким способом, например, изготовлена прекрасная бронзовая статуэтка танцовщицы (стр. 97 и табл. XXI, рис. 7). Ювелиры городов долины Инда применяли при изготовлении изделий из золота и серебра спайку; на раскопанных до сих пор предметах из бронзы следов спайки пока не установлено. Люди культуры Хараппы знали, наряду со сплавом меди и олова (бронза), еще и сплав из меди и мышьяка, при котором получался металл, не уступавший по твердости бронзе.

Раскопками установлено наличие в долине Инда развитого скотоводства: найдены кости овец, свиней, буйволов, зебу, верблюдов. Имеется указание на приручение слонов. Как уже было упомянуто, в верхних слоях поселений обнаружены кости лошади.

Для установления характера и степени развития земледелия большой интерес представляет высказанное Маккеем предположение, что древние обитатели долины Инда были знакомы с водочерпательным колесом, так называемой сакиз. Если эта догадка справедлива, она определенно указывает, что это население имело развитую систему ирригации. Однако раскопками до сих пор не было установлено каких-либо следов каналов для распределения воды, так что до появления новых археологических данных вопрос о наличии в древних городах Синда ирригационной системы остается открытым.

Население было знакомо с возделыванием ячменя и пшеницы (эммера), с хлопководством и огородничеством (дыни). Существовали финиковые сады.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 118.

Значительного развития достигли различные ремесла. Многочисленность раскопанных пряслиц для веретен из различного материала указывает на то, что прядение нитей занимало не последнее место среди ремесел древней Индии. Раскопками были обнаружены следы лишь хлопчатобумажных тканей; следов полотняных и шерстяных тканей пока не найдено.

Пряслица, сделанные из обожженной глины, подводят нас к гончарному производству, которое достигло в древнеиндийских поселениях сравнительно высокого уровня, — все найденные сосуды изготовлены на гончарном круге. Большая часть сосудов отличается хорошим обжигом. Обжигание производилось в благоустроенных гончарных печах. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что в древних городах долины Инда ремесло уже отделилось от земледелия. К достижениям гончарного производства культуры Хараппы следует отнести и сравнительно раннее появление поливной посуды. Среди гончарных изделий особенно интересен глиняный подсвечник (стр. 100 и табл. XXVI, 5), являющийся древнейшим в археологической науке свидетельством о применении свечей.

Ювелирные изделия, раскопанные в поселениях долины Инда, говорят о значительных достижениях в области прикладного искусства; характерно многообразное применение слоновой кости. Подобные успехи ремесленного производства возможны были лишь в таких обширных и многолюдных поселениях, какими были раскопанные города долины Инда. Здания Хараппы и Мохенджо-Даро построены из обожженного кирпича, в то время как в древних городах Ирака и других стран древнего Востока строительным материалом служил кирпич-сырец. Из обожженных кирпичей воздвигались не только укрепления и общественные здания, но и частные дома. Раскопаны общественные, очевидно храмовые, бани, предназначавшиеся для ритуальных омовений. В больших домах также имелись помещения для омовения, снабжавшиеся водой из глубоких кирпичных колодцев круглой формы. Наряду с большими домами обнаружены и совсем маленькие, в которых жило, очевидно, более бедное население. Благоустроенная канализационная система обслуживала и отдельные дома и весь город. В ряде городов долины Инда, начиная с тридцатых годов, была раскопана мощная сеть укреплений. Так, в Хараппе, самом крупном из поселений Северной Индии, хотя и сравнительно плохо сохранившемся, в 1946 г. было открыто кольцо крепостных сооружений. В Мохенджо-Даро раскопан к северу от холма с буддийской ступой отрезок городской стены толщиной около 9 м. Подобные укрепления открыты и в Южном Междуречье, с той только разницей, что там их сооружали в основном из кирпича-сырца, здесь же, в долине Инда, — почти целиком из обожженного кирпича. В Синде между береговой полосой Инда и границей Белуджи-

стана раскопаны два поселения эпохи культуры Хараппы, которые окружены массивными каменными укреплениями. Вероятно, это были крепости, охранявшие древние города долины Инда от нападений племен Белуджистана. Городские стены и крепости защищали древнее население от нападений жителей соседних городов-государств и варварских племен, как в эпоху расцвета культуры Хараппы, так и в эпоху вторжения ариев. Богатства, накопленные благодаря торговле в городах долины Инда, вызывали вождения воинственных варваров.

Данные раскопок свидетельствуют о том, что одним из основных занятий жителей древних городов, открытых в долине Инда, была торговля. Так, в Мохенджо-Даро, несколько южнее холма с буддийской ступой, было раскопано, впервые в истории древнего Востока, большое здание, представлявшее собой, по всей вероятности, обширный крытый рынок с расположенными вдоль проходов рядами постоянных прилавков. О значительном удельном весе торговли в жизни городов Северной Индии говорит и громадное количество найденных гирь разнообразной формы. Следует вместе с тем отметить, что система весов, определенная с помощью последних, не восходит к вавилонской. Некоторые исследователи сближают древнеиндийскую систему весов с эламской. В связи с торговлей в городах, вероятно, всегда проживало много пришлого люда как из окрестных селений, так и из других индийских городов и других стран. Для обслуживания их, очевидно, предназначались раскопанные в Мохенджо-Даро карчевни с помещением для кухни и с комнатой для посетителей.

Развитие торговли привело, повидимому, к появлению в некоторых областях долины Инда, как, например, в Синде, некоторой специализации в ремесленном производстве между расположенными недалеко друг от друга городскими поселениями. Возможно, что в Чанху-Даро, небольшом поселении на левом берегу Инда, к югу от Хараппы, изготовлялись преимущественно бусы и игрушки.

Хотя высказанное автором предположение о том, что изображенное на глиняном черепке судно с мачтой посередине предназначалось для морского транспорта, представляется маловероятным (стр. 132), не следует думать, что жители Мохенджо-Даро и Хараппы не были мореходами и не могли сами на своих кораблях вести торговлю с Эламом и Шумером. Вместе с тем при современном уровне знаний о культуре Хараппы является столь же закономерным и предположение о наличии посредников в торговле между древними городами долины Инда, с одной стороны, и Эламом и Шумером — с другой. Конечно, и при существовании посреднической торговли отдельные представители древних городов Синда могли побывать в городах Шумера и, наоборот, шумерийские купцы могли увидеть мощные стены и

богатства Мохенджо-Даро. Вероятно, одному из таких купцов и принадлежит найденное в Мохенджо-Даро погребение, тождественное с шумерийскими погребениями Ура и Киша III тысячелетия до н. э. (см. стр. 84).

Археологическими изысканиями установлено, что ремесленники долины Инда получали необходимые для производства металлы и минералы из различных частей Индии, Афганистана и Белуджистана. Самое же ремесленное производство, формы изделий, быт населения свидетельствуют о наличии связей доарийского общества Северной Индии с культурами Передней Азии. Прослежены некоторые связи с Эламом, Египтом, Троей, Кавказом и даже Европой, и в первую очередь довольно интенсивные связи с Шумером. Отмечен целый ряд общих черт в материальной культуре Шумера и Мохенджо-Даро. В наибольшей степени близость между культурой Шумера и древней Индии проявляется в письме обеих стран. В отличие от шумерийских писцов писцы древней Индии, повидимому, использовали в качестве обычного материала для письма не глину, а пальмовые листья, ткани, т. е. материалы, которые погибли в сырой, пропитанной солями почве. Писали древние писцы долины Инда чернилами или тушью. Догадка Э. Маккея о том, что найденная в Чанху-Даро небольшая глиняная баночка служила чернильницей, представляется весьма правдоподобной.

Эта близость, сходство и аналогии в самых различных областях цивилизации Южного Междуречья и Индии древнейшей эпохи были несомненно до известной степени обусловлены сравнительно интенсивными торговыми сношениями. Одним из последствий оживленных торговых сношений древних городов Северной Индии с окружающими странами было, надо полагать, то расовое смешение, которое, как упоминалось выше, устанавливается на основании костных останков, раскопанных в поселениях долины Инда. Основным же результатом торгового обмена, как внутригородского, так и внешнего, было, конечно, развитие социального неравенства, подобно тому как это имело место в некоторых городах-государствах древнего Шумера.

Рассмотрев состояние производительных сил древнего общества Северной Индии, мы приходим к выводу, что оно достигло такого уровня, который уже далеко не соответствовал характеру производительных сил первобытно-общинного строя. В самом деле, древнеиндийское население пользовалось металлическими орудиями, знало скотоводство, а может быть, и развитое ирригационное хозяйство, имело известные достижения в ремесленном производстве, которое в крупных поселениях, несомненно, уже освободилось от неразрывной связи с земледелием. Наконец, оживленная торговля внутри города, а также с другими городами и странами создавала предпосылки для усиления социального неравенства. Подобное состояние производительных сил

древнего доарийского общества можно полностью сопоставить с состоянием производительных сил, соответствующих, согласно определению, данному И. В. Сталиным, рабовладельческому строю: «Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов»¹. Э. Маккей сам мимоходом указывает на рабовладельческий характер открытого им и другими индийскими и английскими археологами древнего общества долины Инда: «...в ходе этих раскопок было расчищено множество жилых домов, как больших, так и малых, доказывающих, повидимому, существование богатого правящего и торгового класса, более крупной группы ремесленников и множества рабов» (стр. 55).

Мимоходом брошенное Маккеем замечание о наличии в Мохенджо-Даро «множества рабов» вполне соответствует состоянию производительных сил общества времени существования культуры Хараппы. Наличие большого количества рабов в поселениях древней Индии может быть доказано рядом других обстоятельств, установленных с помощью раскопок. Первое и самое существенное из них заключается в том, что уже в самых древних раскопанных слоях поселений долины Инда мы находим орудия и оружие из меди и бронзы. Вследствие обилия металла потребность в камне была невелика, и потому техника обработки камня стояла невысоко. Совершившаяся же в древнейшую эпоху истории общества долины Инда замена каменных орудий металлическими должна была вызвать переход к новому способу производства, хотя представители этих древних племен, разумеется, отнюдь не стремились сознательно к изменению своего общественного строя. Вспомним яркую иллюстрацию, которую приводит И. В. Сталин в подтверждение своего указания на то, что люди не задумываются над результатами, которые может иметь для общества улучшение того или иного орудия производства: «Когда некоторые члены первобытно-общинного общества постепенно и ощупью переходили от каменных орудий к железным орудиям, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким общественным результатам приведет это новшество, они не понимали и не сознавали того, что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что он приведет

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 119.

в конце концов к рабовладельческому строю, — они просто хотели облегчить свой труд и добиться ближайшей осязаемой выгоды, — их сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной личной выгоды»¹.

В городах древней Индии, в условиях развитой торговли, рабы, надо полагать, рекрутировались, как и в государствах Вавилонии, не только из числа военнопленных, но и из числа сограждан, ставших рабами-должниками. Число рабов было, наверное, не малым. На основании археологического материала можно полагать, что их труд применялся в самых различных областях. Несомненно, рабы использовались при сооружении канализационной системы городов и, конечно, рабами являлись те лица, которые занимались прочищением засоренных каналов и которых автор называет «муниципальными служителями» (стр. 53). Как известно, в Вавилонии и в Египте все здания воздвигались руками рабов; вероятно, в долине Инда в эпоху Хараппы рабы также привлекались к строительству и к изготовлению кирпичей. Если в поздних слоях в Мохенджо-Даро нет прежней великолепной кирпичной кладки (стр. 41), то это, очевидно, обусловлено тем, что тогда древнее общество долины Инда уже пребывало в состоянии упадка и количество рабов в нем значительно уменьшилось.

В древних поселениях долины Инда рабы, вероятно, выполняли в самих городах работы, которые в Египте и в Шумере выполнял вьючный скот, преимущественно ослы. Последние в доарийской Индии, кажется, не были известны, так как костей осла в древних поселениях долины Инда до сих пор не обнаружено. Поскольку улицы в городах древней Индии в большинстве были настолько узки, что колесницы и арбы по ним передвигаться не могли, в этих городах должна была особенно остро ощущаться потребность в большом количестве рабов-носильщиков. Повидимому, в древней Индии широко применялся труд рабынь для размола муки. Об этом свидетельствует и большое количество найденных здесь зернотерок. Можно предположить, что часть рабынь, размалывавших зерно, трудилась, как и в Шумере, в царско-храмовом хозяйстве, часть же входила в состав челяди богатых семейств, владевших, по мнению автора, большим количеством слуг, т. е. домашних рабов.

Раскопки в Мохенджо-Даро и Хараппе дали ряд указаний на весьма неравномерное распределение хозяйственных ценностей между отдельными представителями населения этих городов. Один уже факт резкого различия величины жилых домов доказывает расслоение населения древнеиндийских городов на богатых и бедных. Кроме того, весьма правдоподобно предположение автора, что беднейшее население городов долины Инда (как и

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 124.

население Шумера) ютилось за городом в жалких лачугах из тростника и глины. Имущественное неравенство населения нашло свое выражение и в применении в более бедных частях города иной, более дешевой, системы канализации, нежели в домах богатей. Ярко проявилось оно и в факте, на который обратил внимание автор, не сумев, однако, его объяснить: описывая наконецники копий, применявшихся в городах долины Инда, он отмечает чрезвычайную экономию металла, использованного на их изготовление, по сравнению с щедрым применением меди и бронзы на другое оружие (стр. 95). Причина подобного явления оставалась для автора «предметом догадок», хотя установить ее и не так трудно. Она, очевидно, заключается в том, что копье в древнеиндийском обществе служило оружием простолудинов, а такое оружие, как, например, меч, употреблялось знатью.

Имущественное неравенство отразилось не только в оружии, но и в украшениях; знатные и богатые жители носили украшения из золота, серебра, слоновой кости, драгоценных камней, а бедняки довольствовались украшениями, изготовленными из глины, раковин и простой кости.

Следуя общей тенденции буржуазной историографии, автор стремится затушевать классовые противоречия и в далеком прошлом Индии. Так, например, он догматически утверждает, что к колодцам, имевшимся в крупных зданиях и в жилых домах, «часто допускалось и более бедное население». Э. Маккей высказывает, как вполне естественное, предположение, что колодцы, являвшиеся частной собственностью, открывались в связи с ростом населения «для общественного пользования». Подобное явление, если оно и имело место, могло быть осуществлено, конечно, лишь в результате классовой борьбы.

Вообще, социальное неравенство должно было грозить тяжкими потрясениями внутреннему миру этих богатых городов-государств. Бедняки, недовольные своим экономическим положением, могли поднять массу рабов на ожесточенную борьбу с господствующей рабовладельческой знатью. Действительно, в истории тех длительных смут, описанных в «Речениях Ипувера», которые положили в Египте конец так называемому периоду Среднего царства, ведущую роль играли не рабы, а «бедняки». В их числе были не только бедные ремесленные слои крупных поселений, но и представители сельских общин, разрушавшихся вследствие эксплуатации их богатыми и знатными рабовладельцами. И в древнеиндийские города-государства входили, конечно, сельские общины, жители которых обрабатывали поля в окрестностях городов. О них упоминает и автор, говоря о расположенных по соседству с городом поселениях земледельцев; поселения эти, по его мнению, мало чем отличались от современных индийских деревень (стр. 52). Эксплуатация земледельцев господствующим рабовладельческим классом, вероятно, осложняла клас-

совую борьбу в древних городах долины Инда, которую лишь до некоторой степени можно проследить на основании скудных указаний, добытых в результате раскопок. Одним из таких указаний являются находки в Мохенджо-Даро кладов. Необходимость сокрытия драгоценностей порождается обычно опасностью, грозящей со стороны внешнего или внутреннего врага. Другим свидетельством существования открытых социальных противоречий служит уже упомянутый переход некоторых колодцев, являвшихся первоначально частной собственностью, в общественное пользование. Подобное явление, конечно, могло иметь место, как указано выше, лишь в результате классовой борьбы. Возможно, что вторгнувшиеся в долину Инда арии, найдя в долине, согласно свидетельству песен Ригведы, на уровне первобытно-общинного строя, обретаали за мощными стенами древних городов долины Инда желанного союзника в лице массы бедняков и рабов.

На основании всего сказанного мы можем с достаточным основанием утверждать, что общество Хараппы было обществом рабовладельческим, близким к обществу Шумера. Эта близость становится еще более очевидной, если принять во внимание замечание автора об отсутствии каких-либо доказательств того, что в период существования Хараппы в городах долины Инда была кастовая система (стр. 110).

Определив социальный строй городов долины Инда, мы можем поставить вопрос и об их политической организации. Автор затрагивает этот вопрос мимоходом, когда в главе об архитектуре он дает описание большого здания с лабиринтом помещений, раскопанного в Мохенджо-Даро; по его мнению, подобное здание могло служить резиденцией царя или его наместника. Из планировки города, осуществлявшейся, очевидно, по заранее установленной схеме, Э. Маккей делает вывод о наличии сильной власти, следившей за соблюдением порядка в городском строительстве. Но он оставляет открытым вопрос о том, «имелся ли в Мохенджо-Даро правитель или какая-то группа правящих лиц» (стр. 61). Придя к выводу, что громадное здание, раскопанное под буддийским святилищем, представляло собой храм, а окружающие его более мелкие здания — жилища жрецов, он находит возможным говорить о наличии в древнем Мохенджо-Даро «большой жреческой корпорации». Мы, со своей стороны, можем лишь, основываясь на уже не раз отмечавшейся близости между древними городами долины Инда и древним Шумером, высказать предположение, что политический строй этих городов также был близок к политическому строю Шумера.

Появление сравнительно большого количества рабов должно было ускорить возникновение рабовладельческого государства, которое родилось здесь, как в Египте и в Шумере, уже тогда, когда устои первобытно-общинного строя еще не были полностью изжиты. Поэтому государство, возникшее в столь раннее время

в долине Инда, легко могло принять форму деспотии, аналогичной деспотиям Египта и Шумера.

Как известно, египетские и шумерийские деспоты объединяли в своем лице и авторитет руководителя племени и власть правителя эпохи классового общества. Здесь уместно вспомнить указание Энгельса о том, что «недавний слуга общества выступал то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой князек, то как кельтский глава клана и т. д.»¹. Повидимому, то же следует сказать и о природе власти правителей древних городов долины Инда.

Остается теперь сопоставить предлагаемую характеристику базиса и политической надстройки древнеиндийского общества с его религией и другими доступными изучению проявлениями идеологии. Остановиться на вопросе о религиозных представлениях населения доарийской цивилизации долины Инда следует уже потому, что в советской историографии была выдвинута не совсем правильная догадка об отсутствии в Мохенджо-Даро зданий храмового типа, а из этого был сделан вывод, что его население не имело публичного культа. Если, действительно, в начальный период раскопок в Мохенджо-Даро можно было высказать предположение о полном отсутствии здесь храмов, то теперь это предположение должно быть отвергнуто в связи с результатами последующих археологических изысканий, ибо ряд веских данных говорит в пользу того, что громадное здание под буддийской ступой было храмом. Сооружения, раскопанные поблизости от этого здания (стр. 56—58), также, повидимому, носили сакральный характер и могли предназначаться, как при храме вавилонского города Сиппара, для жительства жрецов или жриц и для совершения определенных обрядов. Интересную параллель к сакральным сооружениям Шумера представляет вполне раскопанный большой двор к северу от большого храма под буддийской ступой. По своему расположению этот двор напоминает большой двор между набережной и храмом Наннара в Уре. По мнению автора, оба двора, как в Уре, так и в Мохенджо-Даро, служили местом приема храмовых сборов, вносящихших натурой.

На печатях из Мохенджо-Даро имеются изображения, чрезвычайно напоминающие шумерийских витязей Гильгамеша и Энкиду. Подобно последним, и герои, изображенные на древнеиндийских печатях, борются с хищными зверями, только с той разницей, что на печатях из Мохенджо-Даро львы степей Ирака заменены тиграми джунглей Индии. Столь поразительное сходство иконографии героев и мифологического сюжета в высшей степени убедительно говорит о значительной близости между религией Шумера и древних городов долины Инда. О той же

¹ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 168, ОГИЗ, 1948 г.

близости свидетельствует сакральное значение трехлепестковой розетки как в древних городах долины Инда, так и в Шумере.

На большой высоте стояла культура древних городов долины Инда и в области изобразительного искусства. Об этом говорят и чудесные статуэтки, о которых уже упоминалось выше, и печати-амулеты, отличающиеся нередко очень тонкой работой. Свое мастерство в области техники доарийское население Северной Индии проявило в строительстве городов, пожалуй, даже более благоустроенных, нежели города Шумера.

Таким образом, в результате анализа данных, полученных исторической наукой в результате раскопок в долине Инда, можно сделать вывод, что культура древнего доарийского населения Северной Индии стояла не ниже культуры городов-государств Шумера IV—III тысячелетий до н. э.; при этом следует особо отметить замечательное сходство между религией Шумера и городов Инда. Необходимо подчеркнуть, что древнеиндийская культура, называемая условно «культурой Хараппы» по имени поселения, где впервые были обнаружены ее памятники, охватывала значительную территорию в области Пенджаба, Синда и даже Белуджистана. Поэтому историк имеет основание усмотреть в населении Северной Индии, создавшем эту широко распространенную культуру, уже не разрозненную группу почти не связанных между собой отдельных племен, а народность, подобно шумерийской или древнеегипетской народностям.

Несомненно, эта народность оказала упорное сопротивление напору вторгнувшихся племен ариев. Конечная победа языка ариев над языком народности, создавшей культуру Хараппы, была достигнута уже тогда, когда языки «арийских» племен переросли в язык «арийской» народности.

Разумеется, многолюдная народность, сложившаяся между XXV и XV вв. до н. э. в Северной Индии, не исчезла бесследно в результате вторжения ариев. Ее язык и культура обогатили словарный состав языка и культуру победителей. Связь религии культуры Хараппы с индуизмом стала очевидной, когда на печатях-амулетах было установлено изображение бога Шивы и были раскопаны своеобразные фаллические символы, так называемые «линги». Ритуал очищения с помощью воды играл в далекие дни культуры Хараппы столь же существенную роль, что и в позднейшей религии индуизма. Преемственную связь между доарийской культурой долины Инда и культурой современной Индии можно увидеть в костюме женщин и мужчин, в украшениях для носа, в ножных браслетах, в гребнях, характерных формах для печения, в использовании одних и тех же лекарств и целебных средств и, наконец, в играх (игральные кости) и развлеченьях (бой петухов).

Установление связи между культурой древних городов Северной Индии и современной индийской культурой доказывает, что

в создание высокой многогранной индийской культуры внесла свой вклад и народность, сложившаяся в глубокой древности в долине Инда. Эта народность покрывала Пенджаб и Синд сетью многолюдных поселений, окруженных мощными стенами, задолго до вторжения племен — творцов песнопений Ригведы, еще недавно считавшихся древнейшим источником истории индийского народа. К племенам и народностям, из которых сложилась современная индийская нация, следует теперь причислить и древнюю народность — носительницу цивилизации, открытой заступом археолога под холмами Хараппы и Мохенджо-Даро. Несомненно, некоторые элементы культурного наследия древних городов долины Инда разовьются в новых, высших формах тогда, когда индийский народ завершит окончательной победой свою национально-освободительную борьбу.

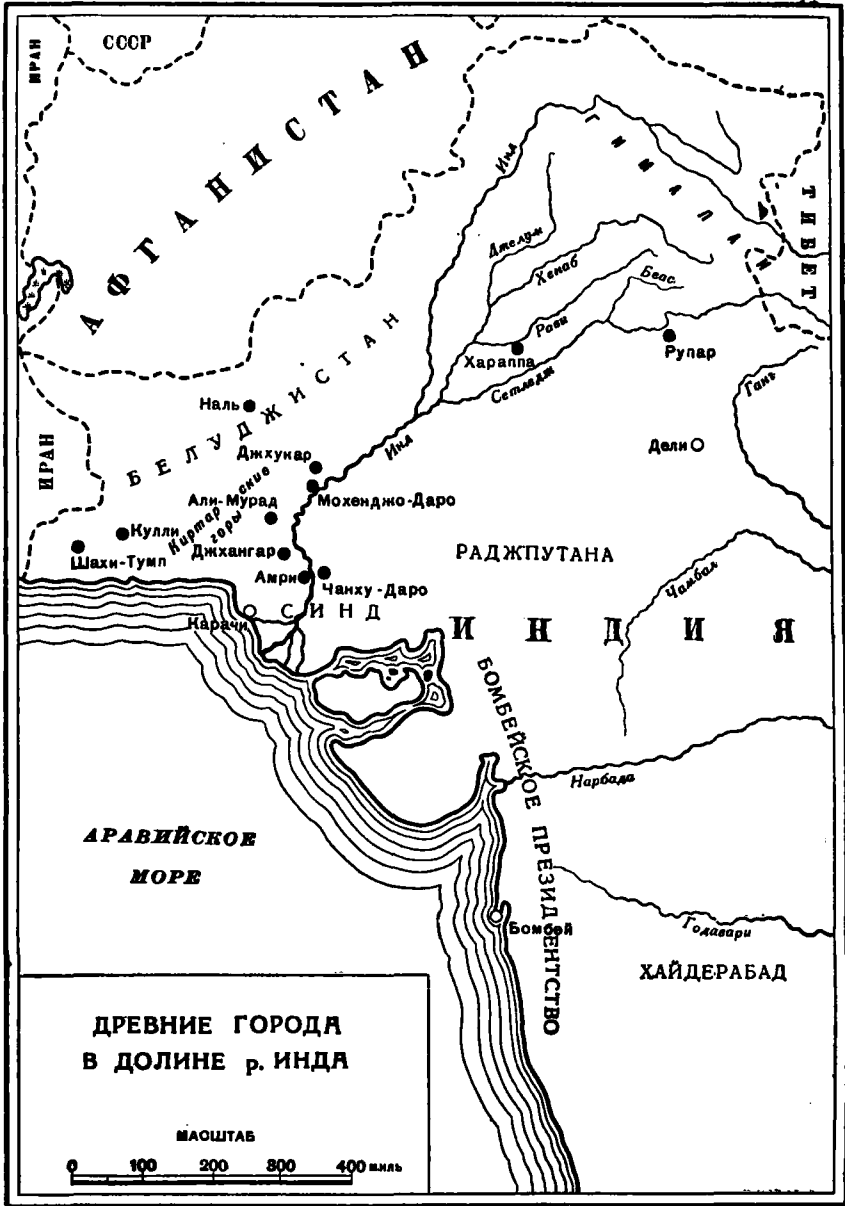
* * *

Перевод книги Маккея сделан почти без всяких сокращений. Полностью сохранены все иллюстрации и карты. Библиография составлена заново. В нее включены труды классиков марксизма-ленинизма, относящиеся к проблемам истории обществ древних городов долины Инда, и советская литература, а также некоторые публикации, появившиеся в зарубежной печати после выхода в свет нового издания книги Э. Маккея.

Академик В. В. Струве.

Э. МАККЕЙ

ДРЕВНЕЙШАЯ
КУЛЬТУРА
ДОЛИНЫ
ИНДА

Глава I

ДРЕВНИЕ ГОРОДА ДОЛИНЫ ИНДА

Остатки древнего города Хараппы расположены в округе Монтгомери в Пенджабе, неподалеку от прежнего русла реки Рави. В течение последних десятилетий на месте этого крупного поселения время от времени находили печати (см. табл. XVII), причем давно уже высказывалось предположение, что эти печати, на большинстве которых имеется резное изображение какого-нибудь животного, а над ним несколько пиктографических знаков, относятся к глубокой древности; Каннингхем высказал даже предположение, что индийский алфавит брахми произошел от этого неизвестного письма; это мнение разделял и С. Лангдон.

К сожалению, до последнего времени трудно было составить ясное представление о плане жилых домов и других зданий Хараппы, представлявшей собой единственное поселение, где сохранились следы древней, тогда еще совершенно неизвестной индийской культуры, так как Хараппа служила местом добывания кирпича для соседних городов и деревень и балласта для железной дороги. В связи с этим Маршалл, занимавший в то время должность главного руководителя археологическими раскопками в Индии, решил найти другое поселение, где можно было бы исследовать остатки этой культуры, и, наконец, остановил свой выбор на холмах Мохенджо-Даро, километрах в сорока к югу от Ларканы, в центральной части Синда.

Доисторический характер Мохенджо-Даро определен Р. Д. Банерджи, который случайно обнаружил следы этого прекрасного поселения в 1922 г. при раскопках буддийской ступы и буддийского монастыря, воздвигнутых приблизительно между 150 и 300 гг. н. э. Все эти буддийские здания, за исключением барабана ступы, сложенного из сырцового кирпича, были построены из обожженного кирпича (табл. I, 1). Они находились на самом возвышенном месте поселения — на холме, образованном, как установил Банерджи, остатками кирпичной кладки и другими материалами, сохранившимися от значительно более ранней культуры, в настоящее время известной под названием культуры Хараппы. Даже обожженные кирпичи, которыми пользовались

буддийские монахи, относятся к тем древним временам; через двадцать шесть веков их выкопали и снова пустили в дело. Известия из Мохенджо-Даро были настолько многообещающими, что Джон Маршалл принял решение провести там более обширные работы, особенно после того, как в 1921 г. раскопки Рай Бахадур Дайя Рам Сахни в Хараппе показали, что этот город относится во всяком случае к глубочайшей древности. К тому же он был крупнее Мохенджо-Даро и, возможно, являлся главным городом большого народа.

В связи с этим зимой 1923/24 г. в Мохенджо-Даро был послан для проведения дальнейшего обследования М. С. Ватс, а в следующем сезоне там провел новые раскопки К. Н. Дикшит. В 1925/26 г. увеличение ассигнований на эту работу дало Маршаллу возможность расширить личный состав экспедиции; благодаря этому удалось добыть большое количество интереснейшего материала и восстановить планы многих зданий.

Следующей осенью Рай Бахадур Дайя Рам Сахни и автор настоящей книги совместно продолжили раскопки в других пунктах этого обширного поселения; с указанного времени и до 1931 г., когда финансовые затруднения положили конец археологическим исследованиям в Индии, руководство раскопками оставалось в руках автора. Между тем работы в Хараппе продолжались, хотя и в меньших масштабах, под руководством М. С. Ватса, а Н. Д. Маджумдар занимался поисками новых поселений в Синде. Поиски эти оказались весьма успешными: поселения, относящиеся к древним культурам, были открыты во многих местах провинции, начиная от современного города Хайдерабада на юге почти до самого Джакобабада на севере. Они образуют длинный ряд холмов, тянущийся между современным течением Инда и предгорьем Киртарского хребта в Белуджистане; близ восточного берега Инда было обнаружено одно очень крупное поселение, выстроенное из необожженного кирпича. Даже при беглом обследовании этих холмов в некоторых из них были обнаружены следы еще более древней культуры. Эти следы были найдены под памятниками, оставшимися от людей культуры Хараппы после того, как они покинули поселения, жизнь в которых, следует заметить, в более поздние времена уже не возобновлялась. Об этой более ранней культуре, названной культурой Амри (по имени селения в Синде, возле которого она была впервые обнаружена), мы знаем очень мало, но ее расписная двухцветная керамика и по формам и по своему геометрическому орнаменту коренным образом отличается от керамики Хараппы и, несомненно, принадлежит совершенно другому народу.

В 1935 г. было возобновлено исследование древних городов долины Инда. Раскопки были начаты в Чанху-Даро (табл. III—V), небольшом поселении, расположенном в ста тридцати километрах к юго-востоку от Мохенджо-Даро и в девятнадцати

километрах к востоку от Иида; в состав экспедиции входили участники раскопок в Мохенджо-Даро, уже обладавшие известным опытом и с нетерпением стремившиеся продолжить работу. Важным результатом работ этого сезона (1935/36 г.) явилось установление последовательности культур, которые располагаются вплоть до уровня подпочвенных вод в следующем порядке (каждая культура носит название того места, где впервые были обнаружены её следы):

Культура Джангара (верхний слой)

Культура Джжукара

I период культуры Хараппы

II период культуры Хараппы

III период культуры Хараппы

?

Подпочвенные воды, но не материк

Огромное значение установления этой последовательности, помогающей восполнить исторический пробел между моментом, когда города культуры Хараппы по какой-то таинственной, до сих пор не объясненной причине были оставлены населением, и приходом ариев, который условно датируется 1500 г. до н. э., было совершенно очевидно. Теперь же, когда Сидней Смит датирует города культуры Хараппы еще более ранним временем, установление этой последовательности культур приобретает еще большее значение, так как в настоящее время конец Мохенджо-Даро можно почти с полной уверенностью отнести к XVII в. до н. э.¹ — последнему столетию I вавилонской династии², падение которой произошло в тот смутный период, когда Вавилония подверглась вторжению касситов, Египет — вторжению гиксосов, а Иран испытал первый натиск индо-иранских народов, так называемых ариев. До сих пор нам мало известно о людях культуры Джжукара, и мы совершенно не знаем, откуда они пришли. Однако существует поразительное различие в характере культур сменивших друг друга народов Хараппы и Джжукара, особенно заметное, пожалуй, в керамике (табл. XXVII, XXVIII) и в печатях (табл. XVII, XVIII). Создается какое-то странное впечатление отдаленного родства между печатями времен Джжукара из Чанху-Даро и каппадокийскими печатями несколько более раннего времени; это родство проявляется в отсутствии каких бы то ни было письменных знаков и в форме двух печатей

¹ По вопросу о датировании конца культуры Хараппы см. предисловие, стр. 13—14. (Прим. ред.)

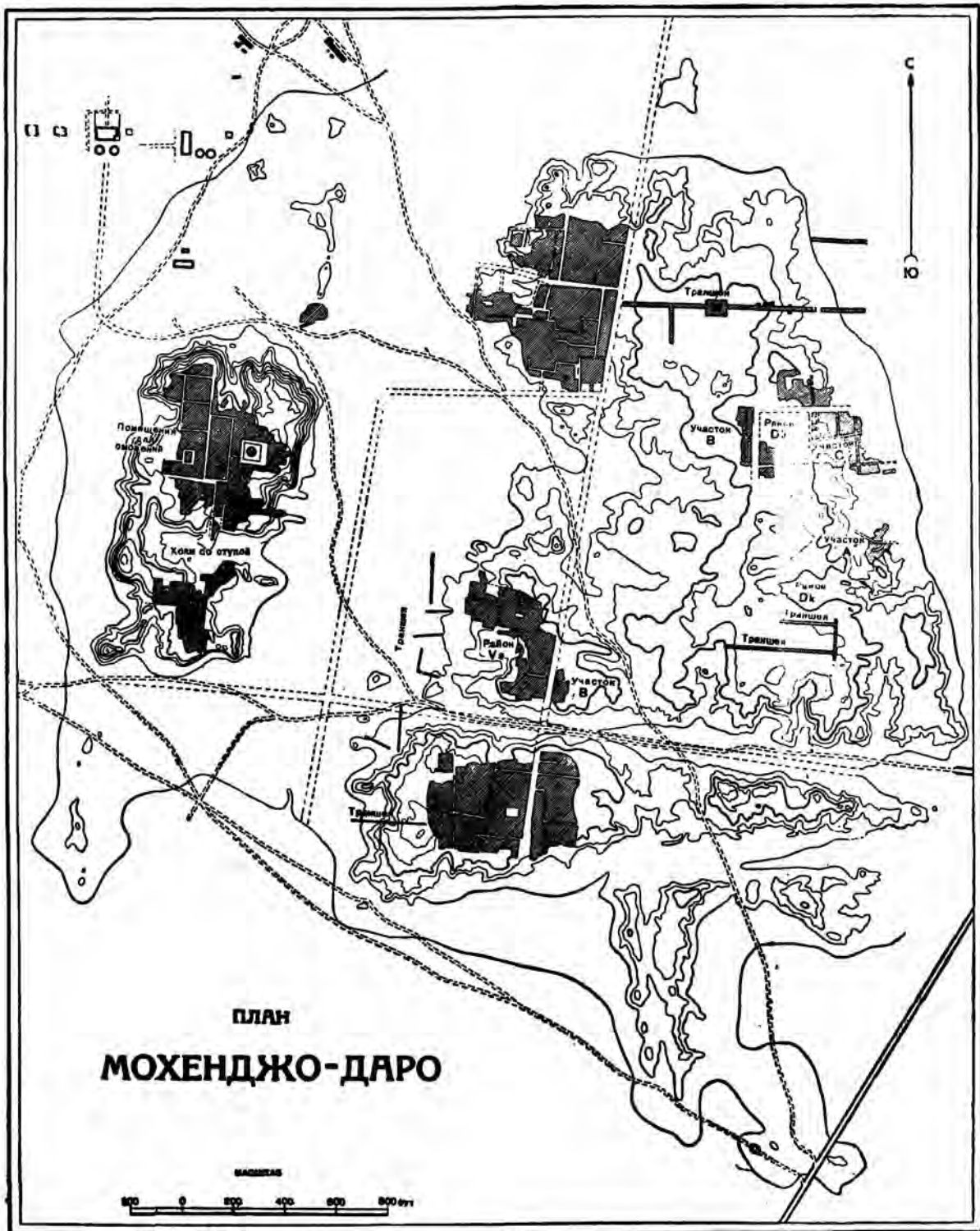
² I вавилонская династия, шестым царем которой был Хаммурапи (1792—1750 г. до н. э.), правила с 1894 по 1595 г. до н. э. Она пала в результате нашествия хеттов, а не касситов, которые находились в Вавилонии, в ее северо-восточной части, в период правления I вавилонской династии (см. В. В. Струве, Хронология I вавилонской династии, Вестник др. истории, 1947 г., № 1). Завоевание Египта гиксосами произошло около 1710 г. до н. э. Их господство продолжалось более столетия. (Прим. ред.)

тей — печати-пуговицы и печати-штампы с ручками. Возможно, что люди культуры Джжукара были предшественниками ариев. Единственным памятником, сохранившимся от народа культуры Джжангара, который, возможно, представлял собой небольшое кочевое племя, является лощеная серая глиняная посуда с нарезным орнаментом (табл. XX, 11).

В 1925 г. Харгривс в числе других древних поселений обследовал большой холм близ Наля в княжестве Калат Северного Белуджистана и нашел там следы древней культуры; еще не установлено, имела ли эта культура связь с культурой народа Хараппы. Два года спустя Штейн обследовал Северный и Южный Белуджистан с целью установить, проникала ли культура Хараппы в эти районы, и в результате двух трудных разведок обнаружил в Периано-Гундае, Суктаген-Доре, Кулли и других местах большое количество предметов, сходных с памятниками культуры Хараппы.

Следы того же самого народа, который населял Хараппу и Мохенджо-Даро, открыты также близ Рупара, небольшого селения на Сатледже, недалеко от холмов Симлы; не может быть сомнений, что рано или поздно места подобных поселений будут обнаружены еще дальше к востоку и к югу от Хараппы. Д. Маршалл считает, что эта культура распространялась до долины Ганга, даже если самые поселения и не заходили так далеко. Как известно, Хараппа расположена на расстоянии более 640 км к северо-востоку от Мохенджо-Даро; керамика несомненно хараппского типа была найдена и в некоторых древних поселениях Южного Белуджистана, в 240 км к западу от Мохенджо-Даро; однако эти находки не могут служить доказательством того, что культура народа, создавшего Мохенджо-Даро и Хараппу, проникала в сколько-нибудь значительной степени в Белуджистан; вопрос этот может быть решен лишь после проведения в этой засушливой местности дальнейших раскопок. Известно, что люди культуры Хараппы вели широкую торговлю со своими соседями, и нет ничего невероятного в том, что они вывозили некоторые продукты в глиняных сосудах, нашедших свое последнее пристанище в мусорных кучах поселений Белуджистана. Во всяком случае, можно предполагать, что эта культура долины Инда распространялась далеко во всех направлениях от Хараппы; как указывает Чайлд, она должна была охватывать значительно бóльшую площадь, чем Египет или Шумер.

Мохенджо-Даро был, повидимому, меньше Хараппы, но даже и в этом случае площадь его едва ли составляла менее 260 гектаров. Вероятно, в древности он занимал еще бóльшую площадь, чем в настоящее время, поскольку окраины города погребены под илистыми отложениями Инда. Так как из этих двух городов Мохенджо-Даро сохранился значительно лучше, материал для данной книги был собран преимущественно там: однако не

следует забывать, что, за исключением некоторых предметов несомненно более позднего времени, находки в Хараппе обнаруживают полное сходство с находками в Мохенджо-Даро. Например, керамика этих двух городов почти неотличима как по формам, так и по расписному орнаменту; печати-амулеты с вырезанными на них изображениями животных и знаками совершенно одинаковы в обоих городах, и, хотя и создается впечатление, что Хараппа несколько древнее Мохенджо-Даро, имеется слишком мало точных данных, чтобы его обосновать. Письмо, повидимому, не изменялось на протяжении всего существования обоих городов, сохраняя свой пиктографический характер.

Вследствие того, что русло Инда с течением веков поднялось на шесть метров, если не больше, исследовать древнейшие слои Мохенджо-Даро без очень дорогого оборудования для откачивания воды невозможно; предметы, найденные на глубине двенадцати метров под поверхностью одного из основных холмов, обнаруживают полное сходство с памятниками более поздних периодов. Далее этого предела копать невозможно, хотя очевидно, что стены уходят еще глубже в пропитанную в настоящее время водой почву, и нет никакого сомнения, что следы первоначальных сооружений города находятся ниже доступных раскопкам слоев; однако у нас нет никаких причин предполагать, что основатели Мохенджо-Даро имели значительно более примитивную культуру, чем люди, населявшие его в последующие века. В самых нижних из раскопанных слоев были найдены бронзовые и медные орудия; в этом нет ничего удивительного, так как в Шумере бронза широко применялась уже пять тысяч лет тому назад. Но памятников неолита обнаружено не было, и нет оснований считать, что поселение возникло еще в каменном веке. Автор полагает также ошибочным применение к древней культуре Мохенджо-Даро и Хараппы названия халколитической («медно-каменный век»), несмотря на то, что как в том, так и в другом поселении были найдены каменные орудия. Это просто узкие кремневые пластинки, служащие ножами (табл. XXIV, 8); подобные ножи вместе с нуклеусами, от которых они были отколоты, встречаются в большинстве домов; такой нож, несомненно, был дешевле и, вероятно, служил не хуже для хозяйственных и иных целей, чем металлический. Другой тип каменных орудий имеет прямоугольное поперечное сечение и по форме обнаруживает некоторое сходство с кельтом¹; вероятно, это был лемех, но орудия этого типа очень редки.

Мохенджо-Даро, что на синдском языке означает «Место мертвых», состоит из одного очень большого холма, протяжением около 1 200 м с севера на юг и около 600 м с востока на запад;

¹ Кельт — каменный топор, который в русской археологической терминологии обычно называется клиновидным топором или теслом. (Прим. перев.)

к северу и к востоку расположено еще несколько более низких холмов. Приблизительно в 180 м к западу от него возвышается другой холм, не такой большой, как первый, но выше его; размеры этого холма — приблизительно 400 м с севера на юг и 300 м с востока на запад. С северной, южной и юго-западной стороны его также возвышается ряд небольших холмов.

Нельзя определенно сказать, не составляли ли эти два больших холма первоначально один, так как глубоких раскопок на пространстве между ними еще не производилось; в настоящее время они стоят совершенно обособленно. Случайному наблюдателю большой восточный холм представляется сложной системой низких холмов, разделенных оврагами. В действительности же это не овраги, а древние большие улицы, с течением времени превратившиеся в стоки для дождевой воды — дожди, как правило, выпадают в Синде в летние месяцы. Одна из этих улиц, Восточная, проходящая с востока на запад, используется в настоящее время; во время раскопок эта улица служила основной дорогой к лагерю с железнодорожной станции Докри, расположенной примерно в двенадцати километрах от места раскопок.

Холмы Мохенджо-Даро имеют светлокрасный оттенок, который приятно сочетается с синевой неба и желто-серым фоном окружающей равнины. Здания и Хараппы и Мохенджо-Даро, построенные почти целиком из обожженного кирпича, так сильно пропитались солью, что под действием потоков дождя в наружных слоях кирпича откладывается большое количество кристаллов, разрушающих поверхность вновь обнажающихся стен. То же явление наблюдается и при морозах, которые изредка случаются в Синде. В результате выветривания высота холмов медленно, но верно уменьшается, в то время как площадь их соответственно увеличивается по мере передвижения строительного мусора. Кирпичные стены, находящиеся примерно на глубине 30 см под поверхностью холмов, конечно, не подвергаются разрушению, так как кирпич в зависимости от условий постоянно находится или только в сухом, или только во влажном состоянии. Когда ветер, дождь или лопата археолога уничтожают внешний покров из раскрошившегося кирпича и обнажают еще одну кирпичную кладку, последняя начинает постепенно разрушаться.

В те времена, когда Мохенджо-Даро был населенным городом, кирпич разрушался не так быстро, ибо стены над поверхностью земли могли впитывать лишь небольшое количество солей, тогда как погребенные под землей стены более раннего времени, служившие фундаментами, никогда не просыхали. Это происходило потому, что в те времена равнина, простирающаяся вокруг города, обильно орошалась и разрушительное действие солей было ограничено, хотя, как это известно, здания и нуждались в частом ремонте. С тех пор климат в Синде постепенно стал

более сухим и поверхностные отложения солей соразмерно увеличились.

В настоящее время мы имеем возможность датировать культуру Хараппы с большей точностью, так как некоторые предметы, найденные при более поздних раскопках в Месопотамии, были признаны за индийские изделия. Ниже этот вопрос будет освещен более подробно. Пока достаточно сказать, что ранний период Мохенджо-Даро, возможно, соответствует по времени концу III раннединастического периода Шумера, т. е. относится приблизительно к 2500 г. до н. э. Таким образом, нижние из достигнутых слоев, предметы в которых, как это ни странно, немногим отличаются от предметов более поздних слоев, вполне возможно, отделены от этих поздних слоев целым тысячелетием. Такая датировка древних городов долины Инда (подробнее о ней говорится в главе VIII и в дополнении) в настоящее время принята многими исследователями; однако не следует забывать, что она зависит от хронологии Месопотамии, так что всякое изменение в последней должно повлечь за собой соответствующее изменение датировки памятников долины Инда.

Кто же были те люди, которые построили Мохенджо-Даро и Хараппу? В настоящее время на этот вопрос нельзя дать определенного ответа; несомненно, что они принадлежали к какой-то доарийской расе, так как их города процветали еще за тысячу лет до того, как первые люди, говорившие на языке ариев, вступили в пределы Индии, что произошло, согласно последним хронологическим данным, около 1500 г. до н. э. Возможно, что люди культуры Хараппы в свою очередь были завоевателями; на это указывает то обстоятельство, что до сих пор все их поселения были обнаружены в северо-западной части Индии. Но во всяком случае к тому времени, как они начали строить свои города, они, повидному, достигли уже высокого уровня культуры — возможно, что их культура превосходила даже культуру Элама или Шумера.

Некоторые ученые отмечали, что пиктографическое письмо людей культуры Хараппы, представленное на их печатях (табл. XVII), имеет близкое сходство с протоэламским письмом; но из этого еще не следует, что оба народа должны были обязательно говорить на одном языке. Бартон и Шпейзер высказали предположение, что позднее население Вавилонии включало три расы — протоэламитян, шумерийцев и семитов, или аккадцев, из которых первые являлись древнейшим и, возможно, коренным населением Вавилонии. К тому же некоторые знаки шумерийского письма имеют сходство со знаками хараппской письменности; но так как протоэламитяне были предшественниками шумерийцев в Двуречье, возможно, что их письмо оказало влияние на письмо пришельцев. В связи с этим следует отметить еще один интересный факт, а именно, что некоторые черепа, найденные

в Мохенджо-Даро, принадлежат к тому же типу, что и черепа очень раннего времени, найденные в Месопотамии. На этом основании можно высказать предварительное предположение, что протовламиты, жители выстроенных из обожженного кирпича древних городов долины Инда, и, возможно, также шумерийцы имели общих предков, но нельзя идти дальше этого предположения до тех пор, пока не будут исследованы другие древние поселения в Индии, Белуджистане и на Персидском нагорье и получены новые сведения о происхождении и путях развития этих древних народов.

Прежде чем перейти к следующему вопросу, следует заметить, что дошедшие до нас надписи людей культуры Хараппы очень кратки; они встречаются лишь на печатях и амулетах и изредка — на орудиях и оружии (табл. XIII, 2). Письмо на всех этих предметах выглядит одинаковым вне зависимости от того, были ли они раскопаны в верхних или нижних слоях обоих городов; это дает основание предполагать, что со времени прихода этих людей в Индию их культура претерпела лишь незначительные изменения. Конечно, для повседневных нужд мог применяться и другой вид письма, более близкий к рукописному, хотя никаких подтверждающих это данных в настоящее время не имеется. Полное отсутствие каких-либо длинных текстов заставляет предполагать, что наиболее распространенным материалом для письма была кора, хлопчатобумажная ткань, кожа или листья пальмы, т. е. такие материалы, которые давно погибли в сырой, пропитанной солями почве.

Каково бы ни было происхождение людей культуры Хараппы, очевидно, что к моменту, к которому относятся наши первые сведения о них, они уже прожили в Индии немало времени. Об этом свидетельствует не только исключительно высокая техника строительства их городов, но и различные элементы их религии, включавшей культ деревьев и животных и употребление фаллических символов — черты, не свойственные западным культурам того времени.

Надо полагать, что население Мохенджо-Даро и Хараппы жило спокойной жизнью, не испытывая постоянной необходимости бороться за свое существование; в этих городах, в отличие, например, от Шумера, не найдено никаких следов, указывающих на частые грабежи и пожары. С другой стороны, не следует забывать, что значительное количество кирпича в обоих городах было использовано на более поздние нужды, причем в первую очередь, вероятно, разбирали городские стены и укрепления. В Мохенджо-Даро цепь небольших холмов, непосредственно примыкающих с севера к холму со ступой, обнаруживает следы исключительно толстой стены и чего-то вроде ворот; но прежде чем можно будет прийти к окончательному заключению о наличии

укрепления, в этом месте должна быть еще произведена очень большая работа (см. также стр. 61).

При раскопках Мохенджо-Даро в 1925/26 г. было найдено несколько групп скелетов: одна, состоящая из четырнадцати скелетов — в большом помещении, и другая, из шести — на улице. Все покойники, среди которых есть женщины и дети, лежат в весьма неестественных положениях — очевидно, люди умерли насильственной смертью. Раскопки последующих лет в разных местах города обнаружили еще группы скелетов, из которых одна представляет особенный интерес. Покойники этой группы лежат у подножия лестницы, ведущей с улицы вниз к колодцу; только одна женщина вскарабкалась вверх, почти до уровня улицы, но скончалась на верхней ступеньке (табл. I, 2). Вначале думали, что эти люди погибли от какой-то эпидемии, но впоследствии, когда были обнаружены две группы скелетов, в каждой из которых по меньшей мере по одному человеку было обезглавлено, от этой теории пришлось отказаться.

Создается определенное впечатление, что по крайней мере один раз на протяжении позднего периода своей истории Мохенджо-Даро подвергся нападению врагов. Кто были эти враги, точно не установлено, но автор весьма склонен думать, что они явились из Белуджистана, который, вероятно, тогда, как и каких-нибудь сто лет тому назад, был населен беспокойными, воинственными племенами. Предгорья Киртарского хребта на границе с Белуджистаном находятся всего в шестидесяти пяти километрах от Мохенджо-Даро, откуда их ясно видно в холодную погоду, хотя большую часть года они окутаны пеленой пыли и зноя. Вполне возможно, что эти племена начали нападать на Мохенджо-Даро только в более поздние годы, когда общий упадок города сделал его более уязвимым для атак врагов, ибо описанные выше скелеты, все без исключения, были обнаружены в позднейших слоях.

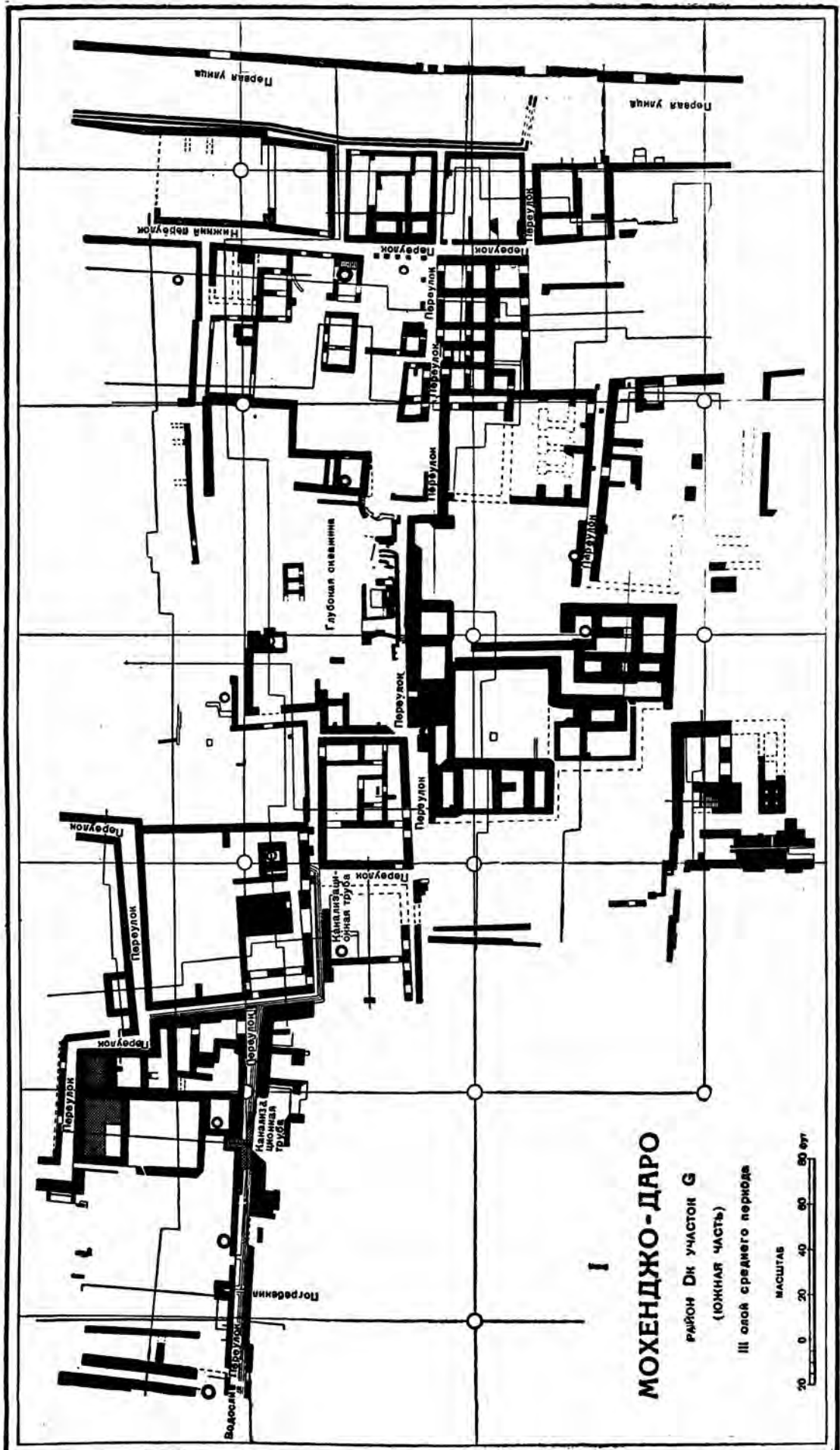
Кроме неприятельских племен, осаждавших Мохенджо-Даро в поздний период существования, у города, быть может уже с первых дней его основания, был другой, более серьезный враг, с которым приходилось вести постоянную борьбу. Это был Инд. В 1928 г. эта река протекала в пяти километрах к востоку от города, в настоящее время находится уже на расстоянии около $1\frac{1}{2}$ км, а в прошлом, несомненно, находилась еще ближе. Инд имеет свойство во время летних наводнений менять свое русло; уровень воды начинает повышаться с первых дней июня и в июле — августе обычно достигает своего максимума. Такие явления, как слишком быстрое таяние снегов и льдов в верховьях, прорыв ледяной плотины или избыток дождей в Синде или Белуджистане могли вести, и часто действительно вели, к большим наводнениям, предвидеть наступление которых в древности не умели. Оседание стен и внутренней облицовки колодцев в двух различных слоях города, из которых один расположен гораздо

ниже другого, говорит о том, что одно наводнение в Мохенджо-Даро произошло в ранний период истории города, а другое в период, когда он уже начал приходить в упадок. В обоих случаях жители на некоторое время покидали город, а когда вода спадала, снова возвращались в свои дома.

Однако не следует думать, что наводнения в Мохенджо-Даро представляли собой серьезные бедствия. Благодаря постоянным перестройкам город был расположен значительно выше окружающей его равнины, и жителям не грозила опасность утонуть, хотя вода, вероятно, разливалась на километры вокруг и связь с внешним миром на несколько месяцев прекращалась. Для населения это было настоящим бедствием, так как уже самый характер зданий указывает на то, что город был оживленным торговым центром. В связи с этим следует упомянуть два особенно интересных сооружения; одно из них, по мнению автора, служило большим рынком с длинными рядами постоянных прилавков, а другое, в Хараппе, повидимому, представляло собой грандиозный склад.

О политическом строе Мохенджо-Даро известно немного. Правда, было обнаружено одно большое здание с лабиринтом помещений, которое могло являться дворцом (табл. XI, 12; XXXI—XXXIV); однако вполне возможно, что оно и не было царской резиденцией, так как управление городом, который уступал по величине Хараппе, могло находиться в руках наместника. Это здание могло служить одновременно и жилищем наместника и центром административного управления, так как наряду с караульными помещениями, комнатами для слуг и несколькими продовольственными кладовыми здесь имеются обширные залы. Возможно, что и другие большие и важные строения являлись центрами административного управления. В результате недавних раскопок в Хараппе также было обнаружено сильно укрепленное центральное здание, служившее, возможно, цитаделью, что, несомненно, свидетельствует о наличии организованной власти, духовной или светской.

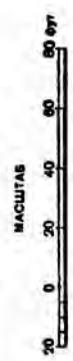
В обоих городах поражает полное, повидимому, отсутствие храмов, хотя, конечно, там могли быть небольшие, разбросанные в разных местах святилища, не отличавшиеся по плану от обычных домов. Известно, однако, что буддийская ступа (табл. I, 1) и монастырь, расположенные в западной части Мохенджо-Даро, на самом высоком холме, на высоте около восемнадцати метров над уровнем окружающей равнины, построены над остатками какого-то сооружения, которое вполне могло быть храмом. В настоящее время это строение исследовано только частично, так как возможность проведения пробных траншей во дворе ступы была очень ограничена, и полное исследование возможно лишь в том случае, если снести целиком всю ступу. Очевидно, что здание под ступой было воздвигнуто на искусственной платформе

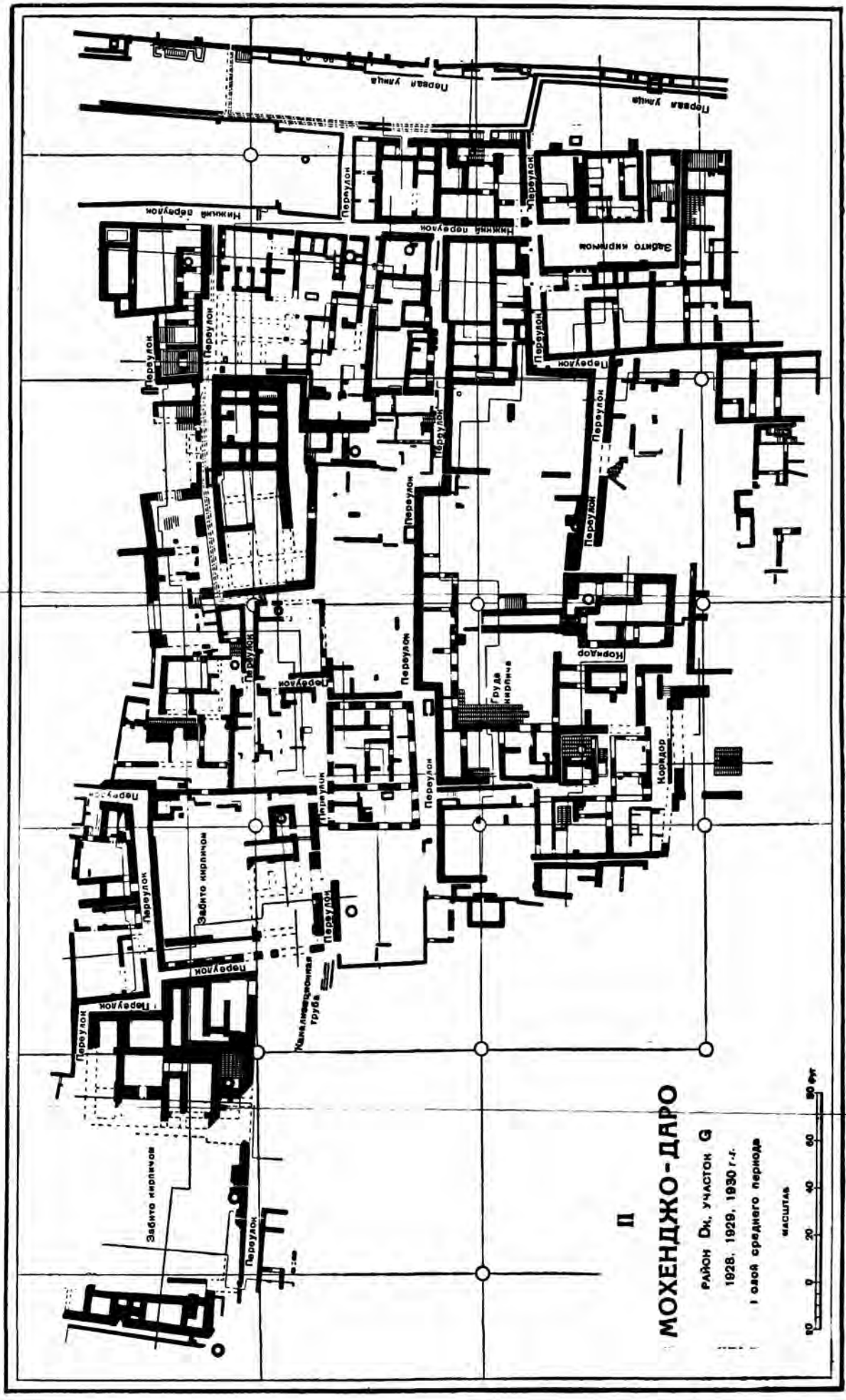

МОХЕНДЖО-ДАРО

район Дк участок G
(южная часть)

III олол среднего периода

II
МОХЕНДЖО-ДАРО

РАЙОН ДИ, УЧАСТОК G

1928, 1929, 1930 г.г.

1 олов среднего периоде

МАСШТАБ

высотой около шести метров, сложенной из сырцового кирпича — материала, который применялся и для других подобных же платформ, найденных в различных местах поселения. Повидимому, назначением этих платформ было поднять здания на большую высоту и сделать их таким образом недостижимыми для наводнений; но, учитывая высоту платформы, поддерживающей здание под ступой, можно высказать предположение, что она предназначалась не только для защиты здания от наводнения, но также и для того, чтобы придать ему более внушительный вид. Весьма вероятно, что дальнейшие раскопки дадут лишнее подтверждение той аксиомы, что место, которое когда-то стало священным, сохраняет свой культовый характер даже в том случае, если впоследствии оно окажется занятым последователями какой-либо иной религии.

Другое здание, раскопанное в 1925/26 г. Д. Маршаллом, дает, повидимому, дальнейшее подтверждение того, что сооружение, на развалинах которого стоит ступа, служило религиозным целям. Это второе строение расположено несколько к западу от первого и состоит из большого бассейна (табл. II, 1), окруженного аркадами. Неподалеку от северного конца здания находится комплекс из восьми небольших комнат для омовения (табл. II, 2). Повидимому, купанье входило, как и у современных индусов, в число религиозных обрядов жителей Мохенджо-Даро, а большой бассейн служил местом совершения этого обряда. Что касается восьми небольших комнат для омовения, то ими, возможно, пользовались жрецы, в ведении которых находилось здание. Это предположение, повидимому, подтверждается тем, что над каждой комнатой имеется келья. Подробное описание этих зданий дано ниже.

Мохенджо-Даро и Хараппа были окончательно покинуты приблизительно в одно и то же время; причиной ухода жителей из Хараппы явилось, очевидно, перемещение русла реки Рави, на берегу которой стоял город. Неизвестно, что побудило жителей Мохенджо-Даро окончательно оставить свой город; возможно, что решающей причиной было изменение течения Инда. Но каковы бы ни были причины этого, город так и оставался стоять в развалинах до II или III века н. э., когда, как мы уже видели (см. стр. 30), небольшая часть его была временно заселена людьми иного происхождения и иной веры.

Что Чаиху-Даро по меньшей мере дважды также подвергался наводнению, указывают слои чистого ила в стенках глубокого разреза, прорытого до уровня почвенных вод (табл. V). В настоящее время расстояние от города до берега Инда равняется девятнадцати километрам.

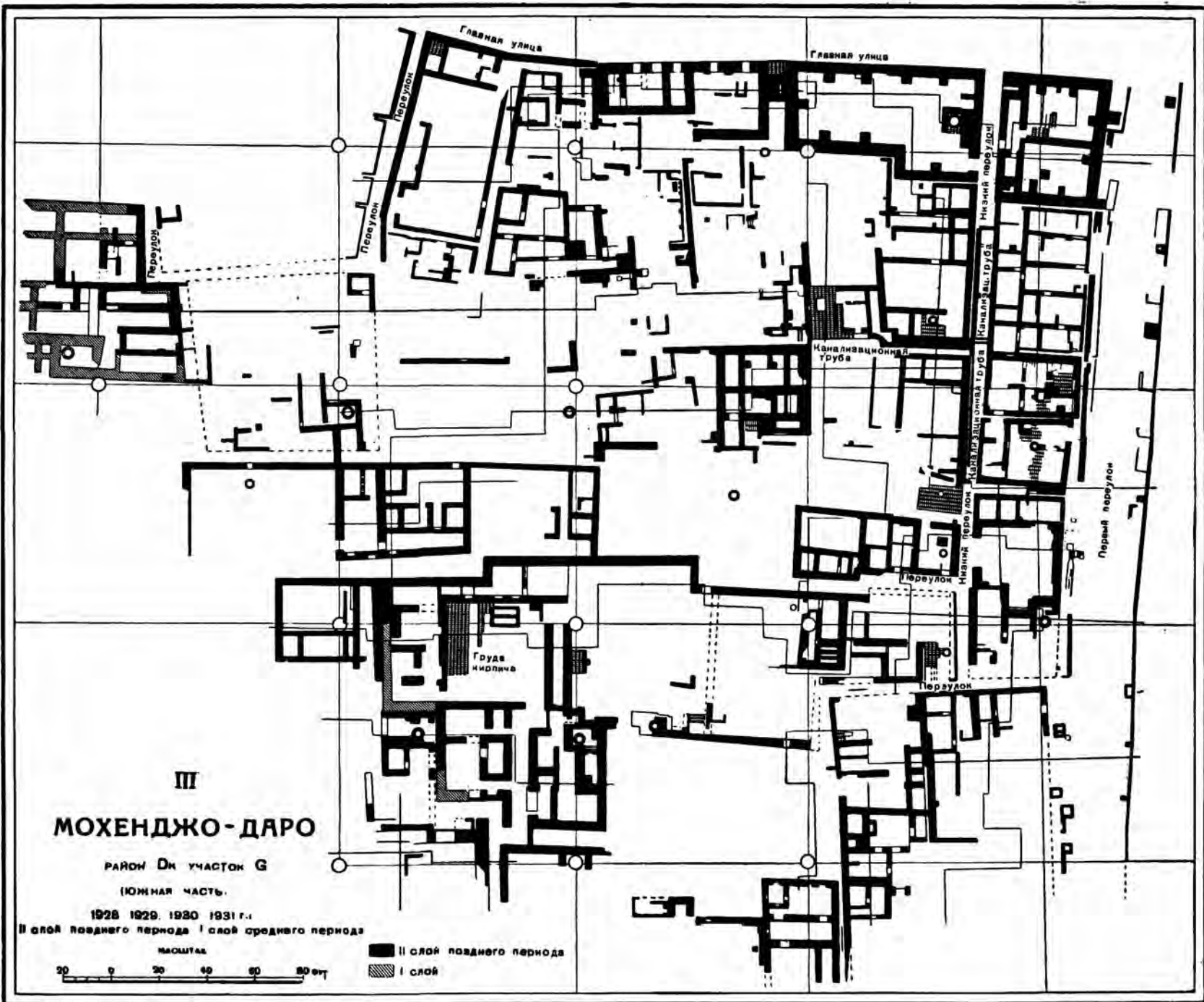
Глава II

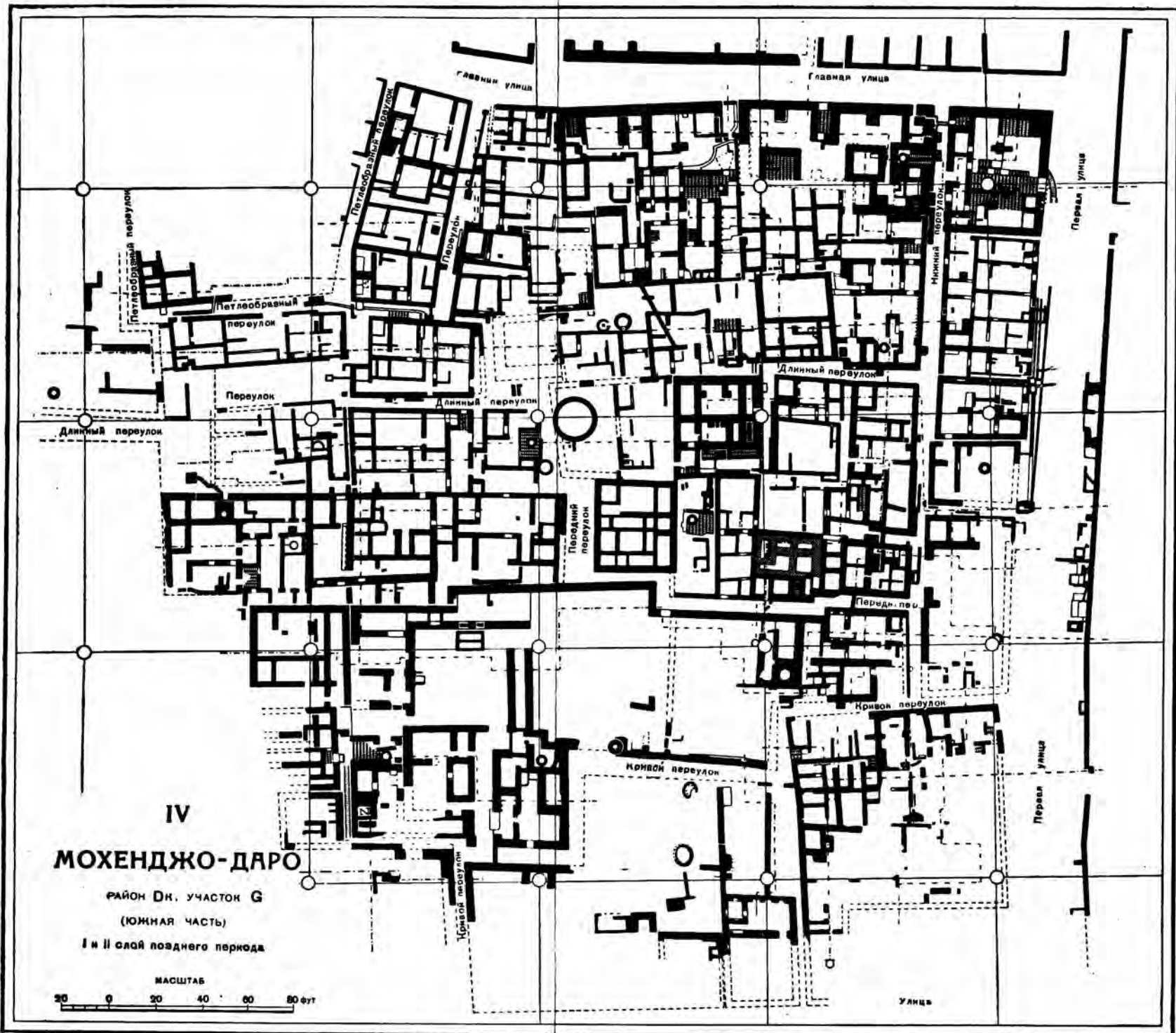
АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО

Города долины Инда, повидимому, с самого начала планировались по какой-то заранее установленной схеме, характер которой легче уяснить на примере Мохенджо-Даро, сохранившегося лучше, чем Хараппа. Улицы здесь тянутся правильными параллельными линиями, пересекающимися под прямым углом; некоторые неточности, которые можно кое-где обнаружить, а в нескольких случаях даже заметное отклонение от прямого направления, представляются вполне естественными, если принять во внимание глубокую древность города. Несмотря на эти значительные отклонения, совершенно очевидно, что в городе существовали какне-то определенные власти, следившие за тем, чтобы при разрастании города в нем не возникало кривых переулков, этой отличительной черты старинных кварталов Суккура и Рохри, наиболее крупных из современных городов, расположенных поблизости от Мохенджо-Даро и Хараппы.

Естественно, что и в Мохенджо-Даро и в Хараппе, выстроенных на плоской аллювиальной равнине, задача правильного планирования облегчалась отсутствием неудобных склонов; то обстоятельство, что уровень обоих городов с течением времени неуклонно повышался, повидимому, не создавало особых затруднений. В тех случаях, когда возникала необходимость построить то или иное здание на приподнятой платформе из сырцового кирпича, чтобы предохранить его от наводнений, могли возникать некоторые отклонения от плана, но на широкой площади такие отклонения были, вероятно, едва заметны.

Мы, конечно, не можем сказать, кто наблюдал за строительными работами в городе — группы ли горожан или одно специально выделенное должностное лицо; но, повидимому, тот, кто этим ведал, хорошо знал свое дело. Интересно отметить, что города долины Инда являются древнейшими из раскопанных до сих пор поселений, где существовала схема городского планирования. Нет никаких признаков наличия такой схемы в Уре за 2000 лет до н. э.; впрочем, примерно в то же самое время мы встречаем следы планирования в Вавилоне, а также в Кахуне, египетском городе XII династии.

IV

МОХЕНДЖО-ДАРО

РАЙОН ДК, УЧАСТОК G
(ЮЖНАЯ ЧАСТЬ)

I и II слои позднего периода

Улица

Строгий контроль за соблюдением порядка в городском строительстве осуществлялся в Мохенджо-Даро, повидимому, на протяжении многих лет, причем особое внимание уделялось тому, чтобы здания не выдвигались на улицу. Фактически с течением времени улицы становились шире, что происходило по следующей причине: с древнейших времен стены как жилых домов, так и общественных зданий строились с отчетливо выраженной покатостью (табл. VII, 1; VIII; XII, 1; XIV), которую каменщики неизменно сохраняли и при дальнейших надстройках или перестройках здания. Поэтому в нижних слоях города выступающие на улицу дома встречаются крайне редко. В те времена город, хотя и не был так густо населен, повидимому, процветал, на что указывает великолепная кирпичная кладка и тщательность в постройке домов. Совсем иначе обстояло дело во времена, к которым относятся более поздние слои (табл. XXXIV): тогда начали застраивать даже проезжие части улиц и переулков, не считаясь с первоначальным планом города. Но эти слои отражают период упадка Мохенджо-Даро, когда муниципальные законы и порядки уже утратили, повидимому, свою силу.

Все улицы Мохенджо-Даро тянулись параллельно с востока на запад или с севера на юг, что было обусловлено обычным преобладанием северных и южных ветров. Проносясь по широким улицам, эти ветры вытягивали застоявшийся воздух из пересекающих их под прямым углом более узких улиц и переулков, которые таким образом получали отличную вентиляцию. Нельзя сказать наверно, было ли это обстоятельство предусмотрено строителями города заранее или оно объясняется случайностью; во всяком случае, подобное же расположение улиц наблюдается и в некоторых более поздних вавилонских городах.

Некоторые из главных улиц Мохенджо-Даро довольно велики. Так называемая Первая улица, которую удалось проследить на протяжении свыше 800 м (см. план поселения), идет по прямой с севера на юг и делит большой из холмов на две части. Должно быть, это была одна из важнейших магистралей, так как в некоторых местах она имеет более 10 м в ширину; арбы и колесницы — обычный вид колесного транспорта того времени — могли свободно передвигаться по ней в несколько рядов (табл. VI, 1; табл. XXIX).

Восточная улица, пересекающая Первую под прямым углом недалеко от ее южного конца, очевидно, была еще шире, но так как расчищена лишь небольшая ее часть, вычислить ее среднюю ширину пока невозможно. Центральная улица (табл. XXXIII, XXXIV), расположенная также под прямым углом к Первой, раскопана только в ее верхних слоях, где средняя ширина ее равняется 5,5 м. Главная улица холма со ступой имеет 4,1 м в ширину и тянется с севера на юг, в то время как ширина

меньших улиц составляет от 2,7 до 3,6 м, а ширина переулков и проходов — не менее 1,2 м. Не было обнаружено ни одной мощеной улицы или переулка, и пешеходы, вероятно, утопали по шиколотку в пыли или грязи, в зависимости от времени года. Когда-то была сделана попытка укрепить поверхность Первой улицы при помощи смеси битого кирпича и черепков глиняной посуды, которую сбрасывали прямо на мокрую землю и втоптывали в нее; но этот способ, очевидно, оказался неудачным, так как, насколько нам известно, он применен был только один раз, на одной улице.

Из распороченных улиц Мохенджо-Даро более узкие улицы (табл. VII, 1; VIII; XII, 1) сохранились значительно лучше, чем широкие. Единственная причина заключается в том, что по более широким улицам испокон веков стекали дождевые потоки, и вследствие наносов высота стен по обеим сторонам улицы постепенно уменьшалась. Несмотря на это, стены на главной улице даже сейчас достигают высоты около 5,5 м, а в результате дальнейших раскопок окажутся, вероятно, еще выше, так как видно, что они уходят в землю на еще большую глубину. Высота некоторых стен на более узких улицах уже сейчас превышает 7,5 м (табл. VIII), хотя и здесь нижние слои еще не достигнуты.

Углы некоторых узких проездов местами стерты одеждой прохожих или выюнными животными. В ряде случаев углы зданий специально округлялись во избежание смещения поклажи на поворотах; эта особенность наблюдается и в древнем Уре. Обычным средством передвижения, если только в городе не были широко распространены носильщики, являлся, повидимому, осел, хотя костей этого животного до сих пор еще не обнаружено.

И в Харappe и в Мохенджо-Даро все здания были построены целиком из обожженного кирпича, за исключением тех немногих случаев, когда основания зданий были сложены из чередующихся горизонтальных рядов обожженного и необожженного кирпича или, еще реже, из одного необожженного кирпича. Все кирпичи, обожженные и необожженные, строго пропорциональны; как правило, стороны их относятся как 4:2:1. Их размеры колеблются от $26 \times 12,7 \times 5,7$ см до $52 \times 21,6 \times 5,7$ см; очень крупные кирпичи предназначались только для специальных целей — например, для покрытия канализационных каналов. В обычных постройках самые распространенные размеры кирпича были $28 \times 13,3 \times 5,7$ см. Там, где применялся необожженный кирпич, размеры его обычно колеблются от $35,3 \times 18,7 \times 9$ см до $38 \times 18,2 \times 7,8$ см, причем, как правило, необожженные кирпичи крупнее обожженных.

Формовка кирпичей производилась в открытых формах того же самого типа, который распространен в Индии и других странах Востока и в настоящее время; делались они из местных

речных наносов без добавления какого-либо вяжущего материала. Лишний ил удаляли, проводя сверху по форме куском дерева, отчего поверхность кирпичей всегда была гладкой и ровной; полых или желобчатых кирпичей найдено не было. В большинстве случаев кирпич обжигали до тех пор, пока он не приобретал приятного светлокрасного оттенка; пережженные кирпичи встречаются сравнительно редко и имеют несколько глазированную зеленоватую поверхность. Топливом при обжиге служило дерево, имевшееся в изобилии; поскольку печей для обжига обнаружено не было, кирпичи для этой цели складывали, по всей вероятности, большими штабелями, оставляя между ними промежутки для прохода дыма. После этого для сохранения жара их снаружи обмазывали грязью.

Для специальных целей изготовлялись кирпичи и другой формы. При облицовке колодцев применялись клинообразные кирпичи (табл. IX, 2; XIV), хотя, как ни странно, такого рода кирпич никогда не употреблялся для сооружения сводов. Известен был только ступенчатый свод (табл. VII, 2; XIII, 4), несмотря на то, что в Месопотамии в тот же период, если не раньше, появилась уже настоящая арка. Для мощения полов и для других специальных целей обычные кирпичи нередко обкалывались до меньших размеров — $24,2 \times 11 \times 5$ см, после чего края и поверхности кирпича тщательно сглаживались. Таким путем достигалась водонепроницаемость полов в комнатах для омовения (табл. II, 2; XII, 2). Эти полы отличаются строгой простотой — не было найдено ни одного случая узорчатой кладки, хотя при постройке всегда следили за соблюдением шахматного расположения швов. Для выкладывания углов иногда применялись кирпичи в форме буквы Г.

При кладке стен обычно применялся способ перевязки, заключающийся в чередовании кирпичей, положенных логом и тычком. Здесь также тщательно соблюдался шахматный порядок швов, для чего в тех случаях, когда это было необходимо, использовались половинки кирпичей. Иногда встречается любопытный способ кладки, при котором кирпичи ставятся вертикально, то лицевой, то боковой стороной наружу; этот способ наблюдается также в вавилонских городах. Таким способом выкладывались целые длинные стены; повидимому, это делалось с декоративными целями, хотя такая кладка была, вероятно, менее прочной, чем обычная, так как некоторые кирпичи закреплялись лишь небольшой своей частью. Возможно, что сложенные таким образом стены обмазывались илом, хотя следов, указывающих на это, сохранилось очень мало; только в местах случайных пожаров на стенах встречается обмазка — иногда простая илистая, иногда гипсовая. Не лишено вероятности, что все внутренние стены домов были обмазаны, чтобы не было видно

кирпича. Возможно, что для красоты их даже покрывали краской.

Для скрепления кирпичей почти всюду применялся илистый раствор без каких-либо дополнительных вяжущих материалов, и некоторые сохранившиеся до настоящего времени высокие стены свидетельствуют, что он хорошо выполнял свое назначение. В особых случаях, как, например, при облицовке канализационных каналов, применялся известковый или гипсовый раствор, в чистом виде или смешанный с илом. Наличие на некоторых стенах следов гипса не всегда может служить признаком того, что он широко употреблялся в качестве примеси к илистому раствору; в почве Мохенджо-Даро содержится большое количество гипса, который проникает в швы между кирпичами и кристаллизуется там в виде селенита.

Так как илистый раствор обладает меньшей силой сцепления, позднейшее население городов долины Инда могло разбирать древние здания и использовать кирпичи для новых построек, что было бы невозможно в случае широкого применения чистой извести или гипсового раствора. Однако илистый раствор служил достаточно хорошо и не допускал смещения кирпичей. Добывание кирпича в развалинах Мохенджо-Даро и Хараппы было, повидимому, установившимся обычаем с глубокой древности вплоть до наших дней. Особенно пострадала в этом отношении Хараппа. В течение последних столетий Мохенджо-Даро благодаря своему уединенному местоположению был более или менее избавлен от такого расхищения; но старые кирпичи были в широком употреблении еще до того, как город был покинут населением. Найдены целые штабеля бывшего уже в употреблении кирпича разных размеров, который оставалось только взять и снова пустить в употребление; имеются сведения о существовании подобного же обыкновения в Уре. То обстоятельство, что при постройках неизменно применялся обожженный кирпич, подтверждает оспариваемую некоторыми учеными теорию о том, что в древности климат Синда был более влажным, чем теперь. В жарком климате дом из необожженного кирпича дает, несомненно, гораздо большую прохладу; к тому же и постройка такого дома стоит значительно дешевле.

Посетителю Мохенджо-Даро неизбежно бросается в глаза простота его зданий (табл. VI, 2; IX, 1), лишенных даже таких украшений, как ниши или пилястры, которые так часто можно видеть на относящихся к тому же времени кирпичных зданиях Шумера. Возможно, правда, что верхние этажи украшались узорной кирпичной кладкой или резными деревянными верандами и ставнями, которые, естественно, уже давно погибли. Не применялся для внесения разнообразия и камень; в 90 км к северо-востоку, в Суккуре, имеются залежи известняка, но он содержит такое большое количество кремня, что обрабатывать его было бы

весьма трудно. Были обнаружены большие каменные кольца, которые, возможно, нанизывались на шесты, образуя таким образом колонны; описание таких колец дано ниже в настоящей главе.

Если не считать лавок и палаток, главные улицы Мохенджо-Даро имели, должно быть, довольно унылый вид: окон вовсе не существовало, входы в дома были расположены по возможности в узких проходах. Чаще всего это явление наблюдалось, конечно, в больших домах; весьма вероятно, что владелец дома предпочитал скрывать свое богатство за глухими стенами — обычай, сохранившийся и до сего времени во многих восточных городах. В самом деле, в некоторых домах имеются помещения, расположение которых заставляет думать, что они предназначались для сторожа; эта мысль подтверждается и тем, что проникнуть в дом можно было только с улицы. Судя по ряду признаков, Мохенджо-Даро был в целях охраны порядка разделен на участки и, если не днем, то всяком случае ночью, тщательно охранялся стражей. Такой важный город, в зданиях которого помимо личной собственности обитателей хранилось, несомненно, много ценных товаров, неизбежно должен был являться местом соблазнов; воровство, а возможно, и более серьезные преступления, были распространены здесь, вероятно, так же широко, как и в современных больших городах.

Средняя площадь нижнего этажа небольшого дома составляла по наружному обмеру 8×9 м; площадь большого дома превосходила эти размеры приблизительно в два раза. Конечно, были дома и более обширные, но в некоторых случаях трудно сказать, служили ли они только жилищами и жило ли в них по одному семейству или больше. Как внешние, так и внутренние стены каждого дома время от времени приходилось надстраивать (табл. VII, 1; VIII; IX, 1; XIV), так как мусор и пепел, выбрасываемые прямо наружу, ил, смываемый дождями со стен и крыш домов, и нанесенная ветром пыль — все вместе взятое повышало уровень улиц. Даже в наши дни на Востоке нижние этажи постепенно превращаются в подвалы, которые в свою очередь также становятся слишком глубокими для жилья, так что в конце концов приходится надстраивать стены, чтобы соорудить сверху новое помещение.

В некоторых случаях два соседних дома в Мохенджо-Даро разделены между собой пространством шириною не менее 30 см. Весьма возможно, что смежные стены приводили к спорам, а то и к тяжбе, и иногда меньше хлопот стоило построить дом со своими собственными четырьмя стенами. Узкий промежуток между такими отделенными друг от друга домами закладывали с обоих концов кирпичом, без сомнения для того, чтобы помешать какому-либо непрошенному гостю незаметно взобраться на стену.

Толщина большей части стен как жилых домов, так и общественных зданий заставляет предполагать наличие двух, если не больше, этажей; во многих случаях сохранились квадратные или прямоугольные отверстия, указывающие места, где проходили балки, служившие опорой для верхних этажей и крыши. На эти балки, часто очень больших размеров, настилались тростниковые цыновки, которые, в свою очередь, покрывались толстым слоем ила. В нескольких местах, где сохранились явные следы пожаров, были найдены сильно обожженные куски обмазки крыши, имеющие отпечатки плетения; сохранились даже отпечатки веревок, которыми был связан тростник.

В ряде случаев сохранились нижние ступени лестниц из обожженного кирпича, которые когда-то вели в верхние этажи и на крышу; все они сделаны сплошными, без подлестничного пространства (табл. XI, 1). В некоторых домах не осталось никаких следов лестницы, ведущей в верхний этаж; вероятно, иногда лестницы делались из дерева, которое, конечно, давно истлело. Так как город, повидимому, был сильно перенаселен, ступеньки делались для экономии места высокие и узкие; иногда они имеют до 38 см в высоту и всего лишь около 13 см в ширину, так что европеец обычно поднимается на такую лестницу с некоторым трудом (табл. X, 2). Однако в некоторых общественных зданиях ступени приближаются к современному образцу, а в одном особенно внушительном здании, принадлежавшем, очевидно, какому-то весьма богатому лицу, была расчищена очень широкая лестница в два марша со ступенями высотой всего лишь 5,7 см при ширине 21 см (табл. X, 1). Изредка можно встретить дом с наружной лестницей, ведущей прямо с улицы; это заставляет думать, что в разных этажах жили разные семьи. Но обычно лестница помещалась во внутреннем дворе, откуда она вела на балкон или на крышу.

Крыши домов были, повидимому, плоские, окруженные со всех сторон парапетом — обычай, и теперь широко распространенный на Востоке. Неизвестно, как эти крыши предохранялись от дождя, но они были снабжены выступающими водосточными желобами из глины (табл. XIII, 1) и, несомненно, также из дерева; вода стекала по этим желобам прямо на улицу. Подобный способ осушения крыш весьма распространен и в наше время в большинстве районов Индии. Черепиц нигде найдено не было. Вероятнее всего, для покрытия крыш применялся тот же материал, что и для полов в нижних этажах, а именно — утрамбованный ил; однако, чтобы поддерживать такую крышу в хорошем состоянии, приходилось, должно быть, постоянно прибегать к помощи трамбовки или катка. В стране, где в жаркую погоду люди спят ночью под открытым небом, плоская крыша имеет очень большое значение, а в таком населенном городе использование крыши было, конечно, особенно важно.

До сих пор не обнаружено никаких признаков окон; повидимому, свет и воздух проникали внутрь главным образом через дверь. Были найдены глиняные и алебастровые решетки, назначением которых, очевидно, было прикрывать небольшие отверстия, проделанные высоко в стене; но такие решетки встречаются сравнительно редко — возможно, потому, что в большинстве случаев они делались из дерева, которое не сохранилось. Правда, окна и не так необходимы в жарких странах, где люди так же стремятся укрыться от зноя, как мы — от холода. Случайный посетитель может принять за окна отверстия в стенах некоторых домов, но на самом деле эти отверстия представляют собой двери построек, расположенных в верхних слоях города (табл. IX, 1).

Отсутствие окон едва ли указывает на то, что женщины Мохенджо-Даро жили затворницами; правда, о домашнем укладе людей культуры Хараппы нам известно очень немного, но ничто в планировании домов не говорит о наличии гарема или пурдаха¹. Вполне вероятно, что женщины пользовались в обществе значительным весом, так как современный индусский обычай тщательно охранять женщин от взоров посторонних возник сравнительно недавно и, очевидно, не был известен в древности.

Исследование дверных проемов в домах проливает мало света на способ прикрепления дверей. Пяточные кирпичи или камни не могли иметь широкого распространения, так как они встречаются весьма редко. Возможно, что для этой цели служило твердое дерево или двери вставлялись в деревянные коробки; в таком случае становится понятным полное отсутствие на кирпичных порогах и боковых косяках следов прикрепления двери.

Единственная дверь, верхняя часть которой сохранилась, увенчана ступенчатой аркой. Обычным явлением могли быть деревянные притолоки, так как леса в окрестностях города в те дни, повидимому, было очень много; но эти притолоки должны были иметь необычайную толщину, чтобы выдерживать тяжесть наложенных сверху кирпичей. Только на одной или двух дверях сохранились отверстия, указывающие, повидимому, на наличие засова или щеколды.

Размеры самих дверей были различны, причем высота в ряде случаев во много раз превосходила ширину. Наиболее распространены двери шириною в 1 м, хотя встречаются пролеты, в которые может войти дверь шириной до 2,4 м. Возможно, такие исключительно большие двери делались в домах, владельцы которых постоянно использовали тягловую силу животных.

До сих пор неясно, применялись ли в Мохенджо-Даро круглые колонны. В больших помещениях часто встречаются один

¹ Пурдах — в Индии занавес или ширма, скрывающие женщину от взоров посторонних. (Прим. перев.)

или несколько столбов из обожженного кирпича, которые некогда поддерживали кровлю. Был обнаружен только один суживающийся кверху столб, имеющий у основания площадь 0,28 кв. м, а у вершины — 0,21 кв. м. Все остальные столбы имеют квадратное или прямоугольное сечение, площадь которого на всем протяжении остается неизменной.

Раскопки шумерийских поселений раннединастического периода показывают, что круглая колонна как из обожженного, так и из необожженного кирпича была в то время обычным явлением в архитектуре Шумера; странно, что она не применялась также в долине Инда, жители которой, вероятно, даже в этот древнейший период уже вели торговлю с Шумером. Для строительства круглых колонн вполне можно было бы использовать кирпичи клиновидной формы, применявшиеся, как уже было сказано, при сооружении колодцев (табл. IX, 2; XIV); то, что они не использовались для этой цели, можно объяснить лишь чрезмерным консерватизмом жителей Мохенджо-Даро и Хараппы, не любивших вводить в строительство какие-либо новшества, хотя попытки, которые они предпринимали в других областях, свидетельствуют, что умения у них было достаточно.

Возможно, впрочем, что мы к ним несправедливы, так как они могли строить колонны из нанизанных на деревянные столбы известняковых колец; как уже упоминалось, каменные кольца диаметром от 42 до 48,5 см и высотой от 25 до 28,4 см были обнаружены в нескольких местах в Мохенджо-Даро. Рай Бахадур Дайя Рам Сахни нашел большое количество таких колец вместе с двумя капителями; все они были беспорядочно свалены в груды в одном помещении, и так как среди них было много разбитых, можно предполагать, что их сохраняли ввиду ценности материала. Небольшие зарубки, очевидно номера, указывают на наличие двух наборов колец. Эти номера подтверждают наше предположение, что первоначально кольца служили составными частями двух колонн, которые в прошлом, возможно, поддерживали портик какого-то здания. С другой стороны, некоторые исследователи, в том числе и сам Рам Сахни, утверждают, что они представляют собою йони¹, обычно ассоциирующиеся с фаллическими эмблемами.

Возможно, что в более богатых домах стены и полы были завешены и застланы дьиювками, конечно, более тонкого плетения, чем те, которые использовались при сооружении крыш и потолков. В более бедных жилищах полы, вероятно, были просто земляные, утрамбованные и обмазанные коровьим навозом; такие полы и теперь можно видеть в большинстве районов Индии. В хозяйстве некоторых домов имелись огромные глиняные сосуды, которые, судя по их содержанию, служили кладовыми.

¹ Yoni (др.-инд.) — символ богини-матери. (Прим. перев.)

Этот обычай также сохранился до нашего времени — жители современных окрестных деревень применяют большие сосуды из необожженной глинны для той же цели. В некоторых больших домах были обнаружены глубокие стенные ниши, которые когда-то, по всей вероятности, были снабжены деревянными полками. Для хранения кладя, должно быть, применялись также деревянные сундуки; возможно, что именно от этих сундуков и сохранились найденные в большом количестве узорные пластинки из раковин, служившие для инкрустации (табл. XXIV, 7). О пользовании шкатулками свидетельствуют запоры, сделанные из кости или раковины. Мы можем с уверенностью сказать, что обычными предметами мебелировки были кровати и скамьи для сидения; изображение такой скамьи имеется на одной из печатей (табл. XVII, 9). Некоторые из них, по образцу древнего Египта, имели резные ножки в виде ног быка. Впрочем, сказать что-либо определенное о мебели невозможно, так как никаких следов от нее не сохранилось.

Обычным местом приготовления пищи служил двор, описание которого будет дано ниже; в домах также имелись небольшие кухни, где на возвышении из кирпича складывалось топливо. В одном большом здании кухня имеет более сложное оборудование: в слегка приподнятой части пола было сделано несколько выложенных кирпичом углублений, предназначавшихся для топлива, а над ними помещалась кухонная посуда. Такое приспособление можно встретить в Индии и сейчас в домах, где обед готовится на большую семью.

В некоторых кухнях в пол были вделаны глиняные сосуды; туда сливали грязную воду, которая постепенно уходила в землю через небольшое отверстие в дне сосуда. В двух случаях небольшое помещение, повидимому, кухня, сообщается с большой комнатой посредством проделанного в стене отверстия; отверстие это напоминает имеющиеся в некоторых современных домах окошки, служащие для подачи блюд и принятия грязной посуды; может быть, окошки такого рода, предназначавшиеся для той же цели, существовали уже тогда.

В каждом доме имелась комната для омовений (табл. XII, 2), которая, ради удобства пользования водой, всегда находилась с выходящей на улицу стороны дома; в ряде случаев, когда в доме имелась уборная, последняя, очевидно по той же причине, помещалась между комнатой для омовения и выходящей на улицу стеной. Иногда комнаты для омовения и уборные располагались на первом этаже, а иногда на втором; в таком случае вода и нечистоты обычно стекали вниз по кирпичному каналу, проложенному в толще стены, или, реже, по открытому наружному каналу. Оба эти способа практикуются в Синде и в настоящее время.

Многие из этих каналов имели ступенчатый водослив со звеньями, расположенными под разными углами, так чтобы

брызги стекающей воды не попадали на прохожих. Жители Мохенджо-Даро, очевидно, гордились своей канализационной системой; это видно из того, что часть стены, непосредственно окружающая выходное отверстие спускного канала, нередко была сложена из кирпичей, так тщательно подтесанных и пригнанных друг к другу, что швы между ними даже сейчас едва заметны. Иногда эта великолепная кирпичная кладка слегка выступает, образуя своего рода украшение на голой стене.

Самая комната для омовений представляла собой обычно небольшое квадратное или прямоугольное помещение с тщательно выложенным кирпичным полом, имевшим покато́сть к одному из углов. В этом углу помещался водосток, который в некоторых случаях проходил также через уборную. По нижнему краю, на высоте около 7,5 см над уровнем пола, стены помещения неизменно окаймлены рядом положенных на ребро кирпичей. Покато́сть пола и тесная кладка кирпичей, которыми он был вымощен, имели назначением помешать просачиванию воды; но иногда, в виде дополнительной предосторожности, кирпич накладывался поверх толстого слоя черепков.

Иногда для целей канализации применялись глиняные трубы; эти трубы снабжены муфтами, с помощью которых они соединялись между собой (табл. XIII, 2). Они встречаются как в горизонтальном, так и в вертикальном положении.

В некоторых случаях кирпичные полы в комнатах для омовения гладко отполированы босыми ногами, тогда как в других пол покрыт темнокрасным налетом или от обильного выделения пота, или от применения масла, предохраняющего кожу от трещин, — обычай, широко распространенный в Индии и в наши дни. В некоторых комнатах для омовения встречаются разбитые кувшины, и, если судить по количеству глиняных фигурок, найденных в водостоках, следует думать, что детская привычка брать с собой при купании игрушки существует уже много тысяч лет. Время от времени попадаются своеобразные глиняные предметы, как полагают, скребки, которыми жители Мохенджо-Даро пользовались для соскабливания грязи; несомненно, что они употребляли также глиняные скребки для соскабливания загубевшей омертвевшей кожи.

Хотя вход в большие дома был прямо с боковых улиц, в дома больших размеров проходили через открытый двор; один из углов двора, снабженный навесом, служил обычным местом приготовления пищи. В одном дворе была найдена круглая печь для печения хлеба с небольшим отверстием у основания; возможно, что первоначально она имела куполообразную крышу. Печь эту топили, повидимому, дровами. При печении хлеба она нагревалась до надлежащей температуры, после чего золу выгребали и налепляли лепешки из теста прямо на раскаленные внутренние стенки печи. Как указывает Вуллей, печи, распростра-

ненные примерно в то же время в Месопотамии, имеют аналогичное устройство.

Во дворах Мохенджо-Даро было обнаружено большое количество зернотерок и камней для растирания курри¹, зерна и разных трав; как и теперь на Востоке, двор, когда позволяла погода, являлся ареной всей хозяйственной деятельности; тут и готовили, и шили, и выполняли всевозможную другую работу. Здесь же, судя по раскопанным кормушкам, возможно, держали и скот; но едва ли более крупный скот оставляли во дворе на ночь. Как уже упоминалось, двери в некоторых домах были настолько широки, что они, по всей вероятности, предназначались не только для людей, но и для вьючных животных. Несомненно, что в таком крупном торговом городе для передвижения и перевозки широко применялись быки и ослы, но ничто не свидетельствует о том, что древнее население долины Инда было знакомо с верблюдом.

Следует помнить, что данное выше описание различных характерных особенностей домов применимо скорее к ранним, чем к поздним слоям Мохенджо-Даро, так как архитектурные памятники, находимые в самых верхних слоях города, обнаруживают уже заметные признаки ухудшения. Чтобы вместить все возрастающее население, люди начали строить там, где раньше вообще никогда не было никаких зданий, а большие дома делили между несколькими семьями, отчасти из-за тесноты, отчасти же потому, что в те времена, как и теперь на всем Востоке, сыновья приводили своих жен в родительский дом.

Таким образом, дом, первоначально предназначавшийся для одной богатой семьи с большим количеством слуг, постепенно утрачивал свой прежний вид в результате постоянного перегораживания; каждая комната превращалась в несколько маленьких, во внутренних перегородках проделывали двери, и в конце концов ставился под угрозу даже двор. Правда, двор, повидимому, занимали лишь в случае крайней необходимости, но площадь его, несомненно, все уменьшалась и уменьшалась, и трудно сказать, сохранялось ли что-нибудь от него на последних стадиях упадка города или он оказывался полностью застроенным.

Иногда дома делились на несколько квартир, в каждой из которых жила отдельная семья, имелась отдельная лестница, а порой отдельная канализационная система.

Хотя в последнее время существования Мохенджо-Даро люди, должно быть, жили в чрезвычайно стесненных жилищных условиях, более чем вероятно, что беднейшее население жило вообще не в городе, а за городом в плетеных мазаных хижи-

¹ Курри — пряность, которую добавляли к рису, а также и самое блюдо из риса с порошком курри. (*Прим. ред.*)

нах; впрочем, следов этих хижин до сих пор еще не было найдено. Лишь дальнейшие раскопки покажут, насколько правильна эта догадка, так как остатки таких хижин, если они вообще существовали, должны быть погребены на глубине нескольких метров под огромной толщей речных наносов. Во всяком случае, земледельцы, обрабатывавшие окрестные поля и огороды, жили, должно быть, по соседству от города, в деревнях, мало отличавшихся от расположенных в округе современных деревень.

Следы системы канализации, принятой у людей культуры Хараппы, особенно хорошо сохранились в Мохенджо-Даро и Чанху-Даро; это, несомненно, наиболее совершенная из всех известных до настоящего времени канализационных систем древности. Каждая улица имела свой выложенный кирпичом канал, иногда два; такие каналы имелись даже в совсем узких переулках (табл. III, IV, X, 1; XI, 2; XII, 1); в эти главные каналы впадали более узкие стоки, ведущие из домов по обеим сторонам улицы. Размеры главных каналов колеблются, приблизительно, от 30 см глубины и 23 см ширины до примерно вдвое больших — соответственно количеству воды, которое должно было по предварительному расчету протекать по тому или иному каналу. Они были сделаны из простых кирпичей, скрепленных илстым раствором; в случаях более тщательной работы к илу для большей водонепроницаемости примешивали известь или гипс, или одновременно и то и другое. Обычно каналы на глубине нескольких сантиметров под поверхностью земли были покрыты свободно положенными кирпичами, которые легко можно было снимать при осмотре или чистке канала. Особенно широкие каналы были перекрыты грубо высеченными известняковыми глыбами или, что встречалось реже, очень крупными кирпичами; эти кирпичи легко ломались при нажиме, чем и объясняется очевидное предпочтение, отдававшееся в таких случаях камню.

Обычно сточная вода и нечистоты из различных домов не поступали прямо в главные уличные каналы; до этого они проходили через отстойники или выгребные ямы, где задерживались все твердые вещества. Когда отстойник на три четверти наполнялся, вода начинала вытекать из него по широким каналам, что препятствовало переполнению его через край. Для более бедных кварталов города такая система канализации была слишком дорогой; там вода обычно стекала в большой, наполовину зарытый в землю сосуд (табл. XIII, 3); иногда в основании таких сосудов имелось отверстие, что давало возможность их содержимому постепенно вытекать наружу.

В некоторых случаях на пути очень длинных каналов через определенные промежутки делали особенно вместительные выложенные кирпичом отстойники (табл. XIII, 5). Иногда стенки

отстойников были снабжены ступеньками для облегчения спуска, и на глубине нескольких сантиметров под поверхностью улицы все они, несомненно, были покрыты деревянными крышками. Одно из преимуществ этой системы заключалось в том, что при засорении каналов, ведущих как к отстойникам, так и из них, их легко было прочистить с помощью длинного стержня; вероятно, такого рода чистка периодически производилась муниципальными служителями, которые, повидимому, в общем хорошо справлялись со своим делом. Поблизости от каналов нередко встречаются небольшие кучки мусора, чаще всего песка, свидетельствующие о том, что при прочистке каналов мусор далеко не всегда увозили.

В тех случаях, когда один канал соединялся с другим, расположенным на более низком уровне, в месте соединения, для того чтобы вода не уходила в почву, устраивали небольшое выложенное кирпичом углубление, а если канал должен был завернуть за угол, его часто в этом месте закругляли во избежание эрозии (табл. II, 2). Для устройства таких закруглений применялись кирпичи клиновидной формы, и после укладки на предназначенное им место их внутренняя поверхность тщательно сглаживалась; создается впечатление, что устройству системы канализации уделялось больше внимания, чем строительству некоторых зданий.

По мере того как уровень той или иной улицы повышался, приходилось повышать также и уровень проходившей под ней канализационной системы. Вначале это делалось без особых затрат, путем наращивания стенок канала, но долго так не могло продолжаться, поскольку глубина канала становилась слишком большой по сравнению с его шириной. Когда старый канал становился, наконец, настолько глубоким, что это затрудняло осмотр и прочистку, над ним прокладывали совершенно новый канал; при этом нередко все кирпичи из облицовки старого канала употребляли на облицовку нового.

Еще одной характерной чертой канализационной системы этих городов были большие кирпичные стоки со ступенчатым сводом (табл. XIII, 4), сооружавшиеся на окраинах города и служившие для отвода воды при ливнях, так как дождей в Синде пять тысяч лет тому назад выпадало гораздо больше, чем в настоящее время. Некоторые стоки имели до 0,75 м в ширину и от 1,25 до 1,5 м в высоту; на дне каждого из них проходил обычных размеров канал, служивший для отвода воды при умеренных дождях, тогда как большое пространство наверху наполнялось только при особенно сильных ливнях. Превосходная кирпичная облицовка и тщательно продуманное устройство делают эти стоки великолепными образцами санитарного строительства и свидетельствуют о высоком культурном уровне, достигнутом построившими их людьми.

Однако канализационная система Мохенджо-Даро имела и свои недостатки. Как было обнаружено, иногда сточный канал проходил слишком близко от колодца, так что с обеих сторон неизбежно происходило просачивание. Может быть, это и не имело серьезного значения, особенно в тех случаях, когда колодцем постоянно пользовались, так как жители города, несомненно, обладали в той или иной мере иммунитетом против брюшного тифа; но случись кому-нибудь из живших около колодца заболеть холерой, это имело бы серьезные последствия.

За исключением только что упомянутой опасности, водоснабжение в Мохенджо-Даро было налажено прекрасно. В городе имелось большое количество выложенных кирпичом колодцев (табл. IX, 2; XIV); большинство крупных зданий и жилых домов имело свои собственные колодцы, которыми часто могло пользоваться и более бедное население. Повидимому, вначале некоторые колодцы являлись частной собственностью, так как никакого доступа с улицы к ним не обнаружено, и лишь позднее, с ростом населения, они были открыты для общественного пользования. Как правило, помещения, где находились колодцы, были тщательно вымощены, и во многих случаях в том месте пола, где постоянно ставились кувшины, образовались глубокие впадины (табл. IX, 2). Кое-где можно встретить невысокие сидения, сложенные из кирпича. В Мохенджо-Даро, как и теперь на Востоке, должно быть, обычную картину представляла кучка людей, пришедших к колодцу, чтобы набрать воды и в ожидании своей очереди посудачить с соседями.

В большинстве случаев наружная обкладка колодца возвышается всего на несколько сантиметров над вымосткой, и края больших колодцев часто имеют глубокие борозды, образовавшиеся от трения веревок. Так как при вытаскивании воды человеку обычно приходилось стоять над колодцем, широко расставив ноги, наиболее удобный, а потому и наиболее распространенный диаметр колодца составлял около 90 см, хотя встречаются колодцы диаметром и 60 см и 2,1 м. Так как уровень города постепенно повышался, время от времени приходилось наращивать и кирпичную обшивку колодца. Исследование, после расчистки окружающего грунта, ее внешней поверхности, всегда менее тщательно отделанной, чем внутренняя, дает нам ценные сведения относительно роста уровня города (табл. XIV).

За последние пять тысячелетий благодаря илистым отложениям Инда уровень русла самой реки и окружающей местности повысился на 4—5, а кое-где и на 6 метров; поэтому раскопать колодцы до дна и извлечь из них различные, в свое время случайно оброненные в воду предметы представлялось практически неосуществимым. Правда, несколько колодцев удалось расчистить настолько, что ими снова можно пользоваться, но

уровень воды по сравнению с древними временами значительно повысился. Эти колодцы представляли, должно быть, большую опасность для детей; до сих пор было найдено только два колодца с наружной обкладкой, достаточно высокой для того, чтобы ребенок в них не мог упасть. В нескольких случаях удалось обнаружить, что пользование колодцем прекратилось еще до того, как город был покинут; по всей вероятности, это произошло потому, что в колодце кто-нибудь утонул.

В результате обширных раскопок, произведенных уже в Мохенджо-Даро, была вскрыта лишь значительная часть очень большого поселения (см. план). Однако в ходе этих раскопок было расчищено множество жилых домов, как больших, так и малых, что доказывает, повидимому, существование богатого правящего и торгового класса, более крупной группы ремесленников и множества рабов. В одном из северных кварталов помещались большие караван-сарай для приезжих купцов и склады для их товаров, а в стратегически важных пунктах были обнаружены основания сторожевых башен. Над городом возвышалось по меньшей мере шесть зданий внушительных размеров, принадлежавших, несомненно, какой-то центральной административной власти, о существовании которой свидетельствует и тщательная планировка города. Однако пока невозможно сказать, находилось ли управление Мохенджо-Даро в руках какой-нибудь жреческой организации, как это часто бывало в шумерийских городах, в руках какого-то одного лица или гражданского магистрата.

К сожалению, самое внушительное из больших зданий Мохенджо-Даро еще не раскопано, несмотря на усиленные ходатайства автора в период его руководства раскопками; полагаю, что снесение древней ступы (табл. I, 1), увенчивающей центральный холм города, может нанести оскорбление буддистам в Бирме, на Цейлоне и в других местах, хотя в действительности на протяжении шести сезонов, проведенных автором в Мохенджо-Даро, ступу не посетил ни один пилигрим. Как уже было сказано, под ступой находятся остатки большого здания, воздвигнутого на платформе из сырцового кирпича высотой около 6 м. Имеются три соображения в пользу того, что после раскопок это здание окажется большим храмом, посвященным главному божеству города, с окружающими его жилищами жрецов и административными строениями: во-первых, на протяжении всей истории место, провозглашенное однажды священным, обычно и впредь продолжало служить целям культа; поэтому с полным основанием можно предположить и обратное, то есть что буддийский храм был построен на месте прежнего святилища. Во-вторых, при наличии сильно развитой торговли между городами долины Инда и шумерийскими городами принципы политического и социального устройства тех и других

могли быть сходны. В-третьих, раскопками вокруг холма со ступой действительно уже обнаружен ряд зданий, которые, судя по их виду, принадлежали крупной жреческой корпорации, а именно: большое здание, размерами приблизительно 70 на 24 м, примыкающее непосредственно с запада к холму со ступой; другое, несколько меньших размеров, раскопанное Дж. Маршаллом, — так называемый «большой бассейн» — интересный комплекс помещений для омовения, расположенных к северу от последнего и к северу от предполагаемого храма, и остатки большого двора, значение которого еще полностью не уяснено. Была расчищена лишь небольшая часть этого двора, но уже массивные стены толщиной около 2 м, огораживающие его с юга и с запада, свидетельствуют о важности постройки. Южную стену удалось проследить до того места, где она уходит под холм со ступой, западная же сохранилась сравнительно плохо; если продолжить раскопки в этой части города, может оказаться, что она тянется дальше на север. Очевидно, однако, что в этом месте произошел большой обвал, при котором весь северный конец Главной улицы, проходящей в меридиональном направлении вне этой стены, а возможно — также и часть городской стены, расположенной непосредственно к северу от большого двора, были подмыты и снесены водой. Повидимому, эта часть города подверглась стихийному бедствию, и едва ли когда-нибудь окажется возможным проследить северную и восточную стены большого двора. Положение этого двора близ предполагаемого храма под буддийской ступой сходно с расположением большого двора между набережной и храмом Наннара в Уре. Предполагается, что большой двор в Уре, напоминающий караван-сарай, служил местом приема храмовых сборов, вносившихся натурой. Возможно, что для тех же целей предназначалось и обширное огороженное пространство в Мохенджо-Даро.

Непосредственно к западу от погребенного под ступой сооружения находится внушительное здание, которое когда-то, судя по тому, что оно расположено недалеко от предполагаемого святилища, являлось, вероятно, резиденцией какой-то высокой духовной особы, быть может, верховного жреца, или местопребыванием коллегии жрецов. Конструкция здания, представлявшего собой единое архитектурное целое, толщина стен, местами превышающая 1,2 м, что дает возможность предполагать наличие двух, если не больше, этажей, окруженный аркадой двор и отдельное домовое святилище делали его вполне пригодным для этой цели; поэтому оно было условно названо «домом коллегии».

К западу от Главной улицы расположено в высшей степени интересное здание, характерной особенностью которого является большой бассейн (табл. II, 1), построенный целиком

из обожженного кирпича, длиною 12 м и шириною 7 м. С обоих концов в бассейн ведут две лестницы со ступенями шириною около 0,25 м и высотой 20 см; на каждой ступени имеются выемки для планок, указывающие на то, что первоначально лестницы были облицованы деревом. У основания каждой лестницы имеется широкая площадка высотой 40 см и шириною 1 м; площадки эти занимают всю ширину бассейна; возможно, что они были устроены в качестве безопасного места для купанья детей. Бассейн со всех сторон окружен мощеным двором; основанием мостовой служит сеть ячеек из обожженного кирпича, плотно набитых глиной. Вокруг двора тянется аркада, верхняя часть которой сильно разрушена дождевыми потоками; арки вели на крытую веранду шириною 2,13 м, проходящую вокруг всего двора за исключением его северо-западного угла; к веранде примыкает ряд комнат различной величины.

При спуске воды из бассейна она вытекала через небольшое квадратное отверстие в юго-западном углу его через большой жолоб, плоское перекрытие которого поддерживалось поперечными деревянными балками. В западном конце для осмотра и прочистки жолоба был сделан вертикальный люк. Из жолоба вода выходила через сток, шириною около 70 см, ступенчатый свод которого настолько высок, что человек среднего роста свободно проходит под ним, даже не нагибаясь (табл. VII, 2). К сожалению, выветривание почвы мешает установить, куда вел этот сток.

В одном из помещений, расположенных к востоку от бассейна, находится большой колодец, доступ к которому возможен как изнутри здания, так и снаружи, с Главной улицы. Этот колодец мог служить источником воды для наполнения бассейна, хотя возможно, что это делалось и гораздо более легким способом, через сток, чем, в таком случае, и объясняется его высота. После того как выходное отверстие закрывалось шлюзом, сток мог снова наполняться чистой водой, которая за счет собственного напора наполняла бассейн.

Во избежание просачивания воды над кирпичной облицовкой стен бассейна был проложен слой битума, за которым следовала толстая глинобитная прокладка, заключенная между двумя кирпичными стенками. То же устройство имеет, повидимому, и дно бассейна, хотя проверить это невозможно, не разрушив часть облицовки, сохранившейся настолько хорошо, что у исследователя не поднимается рука нанести ей какие-либо повреждения. Но несмотря на все сложные меры предосторожности, здание все-таки слегка осело, хотя это, повидимому, отнюдь не повлияло на водонепроницаемость бассейна.

Маршалл полагает, что своеобразная постройка, расположенная к юго-западу от большого бассейна и, повидимому,

дополняющая его, представляет собой нагретавшуюся горячим воздухом баню. Подобное же здание, относящееся к тому же периоду, было обнаружено в городе.

К северу от большого бассейна находится чрезвычайно интересное здание. Оно состоит из восьми комнат для омовения (табл. II, 2), расположенных по четыре с северной и южной стороны коридора, посредине которого проходит канал для стока воды. Пол во всех комнатах тщательно вымощен, и в каждой из них сохранились остатки разрушенной лестницы, которая вела в верхний этаж. Другой примечательной чертой являются очень узкие проемы дверей, выходящих в коридор, с боковыми косяками такой толщины, что заглянуть из коридора внутрь комнаты было бы чрезвычайно трудно; к тому же ни одна из дверей не была расположена против другой двери. Все это устройство заставляет думать, что здание предназначалось для членов какой-то жреческой организации, из которых каждый жил в маленькой келье над своей собственной комнатой для омовения, куда он спускался по отдельной лестнице. Центральным коридором пользовался, вероятно, слуга, доставлявший воду из большого овального колодца в помещении, расположенном в юго-восточном углу того же здания; на краях хорошо сохранившейся наружной облицовки колодца еще заметны борозды, оставленные веревками, при помощи которых вытаскивали ведра с водой (табл. IX, 2).

Как мы уже видели, большой бассейн и расположенные неподалеку от него меньшие комнаты для омовения указывают на то, что купание у жителей Мохенджо-Даро являлось ритуалом и как жрецы, так и миряне должны были регулярно, в определенные часы дня, совершать омовения. Все население города не могло ежедневно пользоваться для этой цели большим бассейном, хотя он и достаточно вместителен для этого, и, поскольку во многих домах имелись свои собственные комнаты для омовения и колодцы, представляется наиболее вероятным, что им пользовались только в определенных торжественных случаях; это соображение, повидимому, подтверждается близостью предполагаемого святилища, погребенного под ступой. Возможен и другой вариант, а именно, что бассейн служил помещением для священных рыб или крокодилов; но никаких данных, подтверждающих эту догадку, не имеется, в то время как все устройство бассейна, окружающей его аркады, комнат и коридоров говорит против нее. Две лестницы, ведущие в бассейн, были бы не нужны, если бы он предназначался для крокодилов или священных рыб; не было бы также необходимости и в деревянной облицовке ступеней.

Несколько южнее холма со ступой, на раскопе L (см. план поселения) стояло большое здание, служившее, вероятно, коммерческим целям. Это был просторный квадратный зал со сто-

роною 26 м, крыша которого держалась на четырехугольных кирпичных столбах, расположенных очень точно в четыре ряда, по пяти столбов в каждом. В результате позднейшего строительства, деформации и выветривания план здания несколько нарушен, особенно с северной и восточной сторон, расположенных близко от склона холма.

С севера на юг через все здание тянутся четыре хорошо вымощенных прохода, отделенных один от другого рядами колонн; между этими проходами находятся немощенные полосы шириною 1,66 м. Должно быть, когда-то на месте этих полос стояли высокие скамьи, хотя в настоящее время от них не осталось никаких следов; Маршалл сравнивает это устройство с устройством высеченных в скале буддийских храмов, где монахи сидели друг возле друга длинными рядами. Возможно, здание и служило местом религиозных сборов, но, с другой стороны, следует принять во внимание, что оно было построено по меньшей мере за две тысячи лет до появления каких-либо буддийских сооружений, и автор скорее склонен думать, что оно представляло собой большой крытый рынок с тянувшимися вдоль проходов рядами постоянных прилавков. В связи с этим интересно упомянуть об одном выделяющемся из числа других зданий, раскопанном в Хараппе; план этого здания имеет поразительное сходство с одним из пиктографических знаков, часто встречающимся на печатях. Оно состояло из огороженных помещений, каждое длиной 16 м, расположенных в два ряда по обе стороны от центрального прохода, имевшего в ширину около 7 м. Это здание, площадью 51 м на 41 м, представляло собой, повидимому, грандиозный склад для зерна, хлопка или других товаров.

В нескольких зданиях на углах улиц в Мохенджо-Даро были обнаружены большие помещения с плотными кирпичными полами, в которых были сделаны небольшие чашеобразные углубления, выложенные кирпичами клиновидной формы (табл. XV, 1). Эти здания также можно было бы принять за склады; но их расположение на заметных местах заставляет скорее думать, что это были харчевни, а углубления в полу служили для больших кувшинов с различными жидкостями, зерном и другими продуктами. Это предположение, повидимому, подтверждается на примере одного своеобразного здания, находящегося на перекрестке двух главных улиц города. В этом здании, куда вел ряд хорошо сложенных ступеней, меньшее помещение, оборудованное под кухню, примыкало к большой комнате, предназначенной, повидимому, для посетителей, и сообщалось с ней. Вероятно, в таких харчевнях собирались купцы и другие обитатели города, кто для того, чтобы заключить сделку, а кто просто поесть, попить, а заодно и посудачить, и весьма вероятно, что, подкрепляясь курри, другими обильными кушаньями и

крепкими напитками, они передавали друг другу свежие сплетни об отцах города. В кухнях Мохенджо-Даро были найдены камни для растирания пряностей и глиняные формы для печения.

В северной части города, на северной стороне Центральной улицы, одной из наиболее важных улиц города, большая часть которой занята караван-сараями (табл. XXXIV), расположено здание особенно внушительных размеров; установить назначение его, однако, невозможно, пока не будут произведены дальнейшие раскопки. Внешние стены этого сооружения, площадь которого составляет примерно 63×34 м, имеют толщину свыше полутора метров. Не лишено вероятности, что в результате более глубоких раскопок здание окажется еще большим, так как его северная и восточная стены достигают склона холма. К сожалению, раскопки пришлось прервать в тот момент, когда была расчищена лишь часть небольших домов, построенных в последний период жизни города и сильно испортивших внутреннюю часть здания. Толстые стены раскопаны еще не до основания; вполне вероятно, что это важное здание, превышающее по своим размерам «дом коллеги» и помещение большого бассейна, было воздвигнуто в период наивысшего расцвета города; возможно, что оно помещалось на высокой площадке из сырцового кирпича. О том, что это большое сооружение не было храмом, говорит то, что в более поздний период на его развалинах был построен ряд простых домов.

Невдалеке от него, к югу, находится здание, очевидно представлявшее собою дворец; в результате раскопок нам посчастливилось установить несколько периодов заселения этого дворца (см. планы 1—4). По планам видно, что это было большое и важное здание превосходной кирпичной кладки (табл. XI, 1, 2) с двумя просторными внутренними дворами, помещениями для слуг и рядом кладовых; в более ранние времена в нем имелось также помещение для металлургической мастерской. Длина здания равняется примерно 67 м, ширина — 35 м, толщина стен в некоторых местах превышает полтора метра. Окруженное узкими, но важными по значению улицами, оно образует как бы остров в этой части города, состоявшей, очевидно, из жилых домов.

Так как направление внешних стен здания остается неизменным на всем протяжении от поверхности до глубины 6,7 м, на которой раскопки пока остановились, а также вследствие того, что время от времени уровень полов повышался в соответствии с повышением общего уровня города, можно предположить, что в нем жили в продолжение трех-пяти столетий. Возможно, что оно служило одновременно и резиденцией правителя и помещением административных учреждений города; то обстоятельство, что характер его не изменялся на протяже-

ний столь длительного периода времени, служит доказательством его большого значения. Но весь его облик говорит против того, чтобы оно могло быть храмом.

При сравнении планов здания, относящихся к последовательным периодам его заселения, видно, как постепенно уменьшалось его значение. Вообще, в результате постоянного перегораживания больших домов более раннего времени весь город превратился в скопление мелких и незначительных жилищ. Одновременно, повидимому, ослабел и строгий муниципальный надзор, являвшийся столь характерной отличительной чертой города в лучшие времена его существования; гончарные печи, строительство которых в черте города ранее было строго запрещено, теперь сооружались даже на важных магистралях, а вдоль главных улиц протянулись ряды выстроенных на скорую руку прилавков.

Наличие двух особенно внушительных зданий, явно светского характера и расположенных на значительном расстоянии от предполагаемого религиозного центра, возбуждает неизбежный вопрос: имелся ли в Мохенджо-Даро правитель или какая-то группа правящих лиц, которые осуществляли власть в самом городе и его окрестностях, не подчиняясь контролю жречества? Ответ на этот вопрос могут дать лишь дальнейшие раскопки; особенно важно было бы найти двуязычную надпись — на языках городов долины Инда и Шумера.

В древние времена города типа Мохенджо-Даро, как правило, были окружены большой городской стеной. Мохенджо-Даро, как показывает аэрофотоснимок (см. фронтиспис), был расположен на территории, напоминающей по форме трапецию, три угла которой можно проследить довольно отчетливо. Эта правильная форма плана города заставляет предположить наличие вокруг него городских стен. Как уже упоминалось, в результате исследования нескольких небольших холмов, расположенных вдоль предполагаемой линии городской стены непосредственно к северу от холма со ступой, была раскопана часть стены толщиной около 9 м, выстроенной, повидимому, целиком из обожженного кирпича. К величайшему сожалению, эти многообещающие раскопки пришлось прекратить, прежде чем была полностью завершена расчистка самой стены и предполагаемого местонахождения ворот. На одной линии с раскопанным отрезком стены возле лестницы, напоминающей гхат¹, стояло небольшое, похожее на крепость сооружение (табл. XV, 2). Лестница в настоящее время расчищена до уровня почвенных вод; вероятно, она доходила до самой реки, которая, повидимому, когда-то омывала город с западной стороны.

¹ Гхат — в Индии место причала на реке, с ведущей к воде лестницей. (Прим. ред.)

До сих пор мы не имеем никаких данных, позволяющих ответить на вопрос о том, приносили ли люди культуры Хараппы жертвы закладки при основании жилищ — обычай, широко распространенный в Вавилонии и Египте. Повсюду, где обнаруживались следы таких жертвоприношений, они сильно помогали археологам установить время или историю того или иного здания. Если бы в городах долины Инда были найдены надписи, более длинные, чем легенды на печатях, их, возможно, удалось бы расшифровать и таким образом получить необходимые сведения.

Правда, повидимому, различные слои города отличаются по размеру кирпичей; но тут неблагоприятным для археолога обстоятельством оказывается большое количество старого материала, попадающего снова в вышележащих слоях; как уже упоминалось, в некоторых дворах были найдены штабели кирпичей самых разнообразных размеров, взятых, очевидно, из каких-нибудь заброшенных зданий и сложенных здесь в ожидании момента, когда их снова можно будет пустить в дело.

Жителям древних городов долины Инда был также неизвестен обычай хоронить покойника в углу или под углом здания, для того чтобы дух умершего мог охранять дом. По немногочисленным дошедшим до нас памятникам изобразительного искусства невозможно судить, сопровождалась ли закладка здания особыми церемониями, как это было принято в то время в Шумере и Египте. По своему материалу, по прочности и тщательности постройки эти здания из обожженного кирпича, вне всякого сомнения, не уступят ни одному архитектурному памятнику более позднего времени, будь то в Индии или в каком-нибудь другом месте; но они отнюдь не отличаются красотой линий, изяществом отделки и не представляют ценности в декоративном отношении. Все дома с их голыми, однообразными стенами поразительно похожи один на другой. Вероятно, за исключением наводнений да изредка неприятельских набегов, мало что нарушало монотонную жизнь этих деловых торговых центров; может быть, именно это обстоятельство и привело к тому, что их жители до некоторой степени утратили чувство красоты.

В результате обследования Н. Г. Маджумдаром двух древних поселений в Синде, расположенных в узком проходе между течением Инда и границей Белуджистана, была обнаружена еще одна особенность в строительном искусстве людей культуры Хараппы. Здесь, на скалистом грунте, находились два больших поселения, защищенных массивными каменными укреплениями. Они не подвергались еще глубокому исследованию, но создается впечатление, что по крайней мере одно из них было укреплено двойной стеной, сложенной из необработанных глыб; в другом поселении стена была построена из грубо обтесанных каменных

блоков размерами в среднем $0,6 \times 0,3 \times 0,3$ м. Вторая крепость, Али Мурад, охраняла проход в соседних Киртарских горах, которым широко пользуются и в настоящее время; существование этого форта служит лишним доказательством того, что древние города долины Инда находились под угрозой нападения племен, населявших Белуджистан.

Каждая крепость состояла из большого количества зданий, нижняя часть которых выстроена из камня. Верхняя часть домов сооружалась, вероятно, или из высушенных на солнце сырцовых кирпичей или из обмазанного глиной тростника, поскольку во внутренних помещениях не было обнаружено камней, которые могли обрушиться при обвале верхних стен. Судя по расписной керамике, найденной в этих пограничных городах и их окрестностях, они относятся ко времени Хараппы. На их примере видно, что в качестве строительного материала применялся и камень в тех местах, где он был под рукой, а также, возможно, и там, где нельзя было добыть топлива и глины, пригодной для изготовления обожженного кирпича, который является столь характерным признаком городов, расположенных в речных долинах с аллювиальной почвой.

Глава III

РЕЛИГИЯ

Архитектурные памятники Мохенджо-Даро и Хараппы не дают археологу никаких сведений относительно религии людей той эпохи, поскольку, как уже было упомянуто, ни одно из раскопанных до сих пор строений нельзя с уверенностью назвать храмом. Вполне вероятно, однако, что как в том, так и в другом городе имелись отдельные святилища, хотя в настоящее время их невозможно отличить по плану от обычных домов, и что погребенное под ступой здание было храмом. Не сохранилось никаких памятников письменности или легенд, которые могли бы пролить свет на этот вопрос, и поэтому единственным средством, с помощью которого мы можем составить некоторое представление о религиозных верованиях и обрядах жителей Мохенджо-Даро и Хараппы, служат отдельные найденные там предметы.

Из всех найденных до сих пор каменных статуэток единственной, о которой можно с уверенностью сказать, что она изображает божество, является бюст из белого стеатита, высотой около восемнадцати сантиметров; сохранилась лишь верхняя часть этой фигурки, которая, таким образом, была значительно больше (табл. XVI, 1). Фигура одета в украшенный рельефным узором в виде трилистников плащ, перекинутый через левое плечо и пропущенный под правой рукой; судя по тому, что изображение трилистника часто встречается в Мохенджо-Даро и Хараппе, можно заключить, что оно было священным символом. Короткая борода и обритая по моде того времени верхняя губа напоминают статуи богов и людей, найденные в древнем Шумере. Подстриженные волосы разделены посередине пробормом и придерживаются повязанной вокруг головы лентой, длинные концы которой ниспадают сзади. Под самым ухом с каждой стороны шеи просверлено по отверстию — повидимому, для прикрепления концов ожерелья. Полуопущенные глаза когда-то были выложены узкими полосками из раковин, щель между которыми служила примитивным изображением наполовину скрытого зрачка. Губы полные; отколотившийся нос, вероятно, был обычной величины.

Украшенное священными эмблемами платье и приспособление для ожерелья свидетельствуют о том, что это изображение не могло принадлежать какому бы то ни было человеческому существу, даже жрецу. По предположению некоторых ученых, своеобразные полузакрытые глаза указывают на состояние йоги, или созерцания; но возможно, что это и не так, ибо почти такие же глаза можно видеть и у очень древних глиняных статуэток из Киша и Ура.

Впрочем, многочисленные глиняные статуэтки из Мохенджо-Даро и Хараппы дают исследователю более определенные сведения о божествах. Очень часто встречается статуэтка обнаженной женщины, одетой только в коротенькую юбочку, которая придерживается поясом, повязанным вокруг бедер (табл. XVI, 2). Эти статуэтки имеют большое количество украшений и причудливый веерообразный головной убор, с каждой стороны которого находятся похожие на чашечки углубления, выраженные у одних статуэток более отчетливо, у других — менее. Некоторые чашечки внутри закопчены; это указывает на то, что почитатели жгли в них масло или маленькие крупинки ладана, чтобы божество услышало их молитвы.

Почти все эти женские фигурки находятся в поврежденном состоянии; тем не менее, есть серьезные основания предполагать, что они изображают великую богиню-мать, культ которой был так широко распространен в древности на Ближнем и Среднем Востоке и сохранился донныне среди беднейшего населения Индии. Повидимому, эти глиняные изображения богини, имя которой нам неизвестно, имелись чуть ли не в каждом доме в древних городах долины Инда; вероятно, они стояли в нишах или на выступах стен, чем можно было бы объяснить то явление, что почти все фигурки с задней стороны отделаны очень небрежно.

Вероятно, богиня-мать была для более бедных, непросвещенных людей самым близким и понятным божеством. В наши дни она является в Индии покровительницей каждого дома в отдельности и всей деревни в целом, оказывает помощь при родах и, вникая более по-земному в нужды своих почитателей, во всех отношениях стоит к ним ближе, чем какой-либо другой из общепризнанных индусских богов. Так же, повидимому, смотрели на нее и древние жители долины Инда; до сих пор, однако, неизвестно, был ли ее культ неразрывно связан с культом двух других божеств — божества мужского пола и ее сына, или же ей поклонялись одной, что наблюдается в наши дни во многих индусских деревнях. В ряде стран, однако, одной из характерных черт культа богини-матери было объединение ее с другими божествами.

Некоторые глиняные фигурки, изображающие, очевидно, богов мужского пола, имеют козлиные или бычьи рога — признак того, что эти животные считались священными. Был

распространен несомненно культ и многих других животных, изображения которых вырезались на печатях и амулетах; возможно, что каждое из этих животных было связано с одним определенным богом, являясь его эмблемой.

По какой-то странной причине глиняные фигурки богов мужского пола встречаются весьма редко. Они совершенно обнажены, в отличие от женских статуэток, нагота которых всегда прикрыта одеждой; некоторые фигурки, но далеко не все, украшены ожерельями и браслетами (табл. XVI, 3). Другой отличительной чертой этих мужских статуэток являются длинные волосы, собранные на затылке в виде своеобразной перевязанной лентой петли, и длинная борода с закрученным назад концом. В тех случаях, когда руки сохранились, они как у женских, так и у мужских статуэток опущены вниз. Ни одна фигурка не изображена держащей в руках какой-нибудь предмет. Нельзя определить, существует ли связь между мужскими статуэтками и богиней-матерью, так как до сих пор еще неизвестно, изображают ли все эти статуэтки одного и того же бога.

Статуэтки животных, из которых самые крупные имеют в длину 25 см, сильно пострадали; некоторые из них высечены из известняка, и все они стоят на прямоугольных подставках. Очевидно, они представляют собой изображения богов и происходят, вероятно, из храмов или святилищ. Две статуэтки настолько повреждены, что трудно определить изображенных животных; возможно, что обе они представляют лежащего барана. Странно, что изображение барана не встречается на печатях, хотя оно очень распространено в виде амулетов из фаянса.

Самая крупная и лучше других сохранившаяся статуэтка изображает лежащее животное с рогами и телом барана и длинным висячим предметом спереди, представляющим собой, по видимому, хобот слона; вероятно, она символизирует слияние двух божеств, эмблемами которых были баран и слон. Другая из этих каменных статуэток, от которой теперь сохранился один обломок, известняковая, изображала первоначально большого быка. На голове животного имеются углубления, куда вставлялись уши и рога, которые, без сомнения, были сделаны из какого-то более ценного материала, а на шею, как и у глиняных быков, надет венок. Все эти священные фигурки животных так сильно повреждены, что создается впечатление, что они были поломаны намеренно, но кем и когда — неизвестно. Так как человеческие изображения также разбиты, следует думать, что разгром этот был делом рук людей, в глазах которых поклонение таким фигуркам являлось идолопоклонством или выражением враждебных им религиозных воззрений; поскольку это, очевидно, произошло до прихода людей, говоривших на языке ариев, вторжение которых в Индию относят приблизительно к 1500 г. до н. э.,

возможно, что виновниками разгрома были какие-то горные племена Белуджистана¹.

Наибольший вклад в наши скудные сведения о религиозных верованиях людей культуры Хараппы вносят печати-амулеты и каменные и глиняные талисманы. Едва ли не самым интересным из найденных на них изображений является группа с обнаженным рогатым трехликим божеством в центре; это божество сидит на троне, с поджатыми под себя ногами, в позе, которая, повидимому, является ритуальной (табл. XVII, 9). Его окружают несколько животных: два оленя или антилопы, носорог, слон, тигр и буйвол. Как и у некоторых богинь на амулетах, на обеих руках божества надето большое количество браслетов, а на голове, между рогами, напоминающими рога быка или буйвола, возвышается всеоробразное сооружение, очень похожее на головные уборы многих женских статуэток.

Маршалл установил, что эта фигура изображает индийского бога Шиву в его образе Пасупати, Владыки зверей. То обстоятельство, что фигура имеет три лика, а возможно, даже и четвертый, расположенный на обращенной назад стороне, говорит в пользу этого мнения, так как Шива доньше изображается в Индии порой даже с пятью ликами. Давно уже высказывалось предположение, что культ Шивы является одним из древнейших индийских культов, восходящим к доисторическому периоду; приведенное истолкование фигуры на печати-амулете подтверждает эту догадку. Однако не следует думать, что божество людей культуры Хараппы также носило имя «Шива»; это лишь одно из имен, которым его чаще всего называют в наши дни; как говорят, Шива имеет тысячу восемь имен, большинство которых выражает различные его функции.

Найдено три печати с изображением этого бога, причем в двух случаях он изображен сидящим на троне, а в третьем — на земле. На всех трех печатях он обнажен, если не считать пояса, повязанного вокруг талии, но на руках у него надето несколько браслетов; на двух печатях он изображен трехликим, а на третьей — с одним лицом, повернутым в профиль. На всех трех изображениях он имеет рога. На двух печатях между рогами из головы у него поднимается ветка с цветами и листьями; это заставляет полагать, что украшенная таким образом фигура представляла бога плодородия или растительности, аналогичного Шиве, олицетворяющему воспроизводительные силы природы.

Трудно ответить на вопрос, кого представляли женские статуэтки: богиню-девственницу или жену бога, изображенного на печатях-амулетах. В настоящее время жену Шивы почитают под

¹ В свете новейших исследований представляется весьма вероятным, что завоевателями Мохенджо-Даро и Хараппы были арии. См. об этом предисловие, стр. 14. (Прим. ред.)

разными именами, в том числе под именами Ума, Парвати, Дурга и Кали, причем под двумя последними именами богиня выступает в своем самом ужасном воплощении свирепой и кровавой разрушительницы. Однако в некоторых ее воплощениях проявляется благожелательная сторона ее натуры; повидимому, именно эта благожелательная сторона и отражена в статуэтках древних городов долины Инда. Многие древние религии требовали, чтобы женское божество имело супруга и сына для продолжения рода; не исключена возможность, что два главных божества Мохенджо-Даро и Хараппы представляют именно такую чету. С другой стороны, как указывает Ф. Дж. Ричардс, богиня-мать Южной Индии, как правило, не имеет мужа, а Хаттен утверждает, что в деревнях этой области богини только сейчас получают мужей из ортодоксального индуистского пантеона.

Другая интересная печать передает совершенно иной религиозный сюжет. Здесь в разветвлении священного фигового дерева пипала изображена богиня с рогами, перед которой склоняет колени в знак выражения почтения другое, также рогатое божество (табл. XVII, 8). Как у богини, так и у ее почитателя волосы заплетены в длинные косы, а руки украшены многочисленными браслетами; у почитателя, а возможно, также и у богини из головы между рогами вырастает ветвь, покрытая цветами и листьями. Позади коленопреклоненного божества стоит козел с человеческим лицом, с явным интересом наблюдающий эту сцену. Вся нижняя часть поля печати занята вереницей духов или богинь, лица которых обращены в сторону, противоположную изображенной над ними сцене; на голове каждой фигуры имеется ветвь, сзади свисает длинная коса, рогов нет. Эти фигуры — мистическая семерка — напоминают Ситалу, богиню оспы, и ее шесть сестер — примитивный культ, как полагают, местного происхождения.

Истолковать эту сцену, как и многие другие, изображенные на печатях, довольно трудно; впрочем, известно, что пипал принадлежит к числу многих деревьев, почитаемых священными в большинстве районов Индии и в наши дни, и с его культом связано несколько обрядов. Например, существует поверье, что в определенные дни в него вселяется Лакшми, богиня богатства; тогда индусы ходят вокруг дерева, произнося молитвы и разматывая хлопковую нить. Во время других праздников ствол дерева обмазывают суриком или охрой. Листья пипала, подобно листьям тополя, дрожат от малейшего ветерка; может быть, именно по этой причине с давних времен на него смотрели как на жилище какого-то духа или богини. Женщины приносят ему жертвы, чтобы разрешиться ребенком мужского пола, а иногда к его ветвям привязывают сосуд с водой, чтобы души усопших могли ею освежиться. Все эти поверья, несомненно весьма древние, могли быть связаны с пипалом и в доисторические времена. Повиди-

тому, люди культуры Хараппы связывали это дерево с определенным животным — туром, изображение которого так часто встречается на печатях-амулетах. На одной известной печати имеется условное изображение пипала, из основания которого вырастают головы двух туров.

На различных амулетах встречается изображение дерева ним¹ и другого, напоминающего акацию; оба эти дерева также до сих пор считаются в Индии священными. Если судить по большому количеству разных видов деревьев, почитаемых в настоящее время, в древности считались священными и многие другие деревья.

На одном чрезвычайно интересном глиняном амулете изображено большое дерево неизвестной породы и рядом с ним какой-то ритуальный предмет, увенчанный головой животного, между рогами которого возвышается ветвь, покрытая цветами или листьями. Основание дерева окружено высокой платформой, очень похожей на глинобитные платформы вокруг священных деревьев, которые нередко можно видеть в Индии и в наши дни. Так как на этом сооружении или возле него часто помещается святилище деревенского божества или богов, для изображенной на амулете сцены нетрудно найти аналогии в современности. Есть основания полагать, что священное дерево или ритуальное сооружение на амулете охраняется буйволом, так как тут же имеется изображение буйвола, который, подняв на рога человека, бросает его через голову; впрочем, возможно, что сцена изображает просто человека, перепрыгивающего через животное, как это делали участники игр со священным быком на Крите.

На другом глиняном амулете изображено непосредственно рядом с деревом тот же самый ритуальный предмет; он увенчивается собой конусообразный столб, сделанный, возможно, из глины. Интересным дополнением к этой сцене являются два козла, опирающиеся передними ногами на верхушку столба, в то время как справа два человека, повидимому, сажают что-то в землю. К сожалению, рассмотреть их очень трудно из-за плохой сохранности амулета.

На третьем глиняном амулете изображено двое мужчин, из которых каждый держит дерево или часть дерева, и стоящее между ними божество с распростертыми руками. Трудно сказать, изображает ли эта сцена раскалывание дерева с целью освободить древесного духа, или посадку двух деревьев в честь божества, которое, возможно, само руководит этой церемонией; второе предположение представляется более вероятным, так как каждое дерево или часть дерева имеет отдельные корни. Оба дерева

¹ Дерево ним, или маргоза, — большое дерево в Индии. Оно имеет горькую кору, применяемую в медицине в качестве тонического средства, и выделяет из ствола вязкое смолистое вещество. Из плодов нима выжимают масло. (Прим. перев.)

принадлежат к одной и той же породе, так что едва ли сцена изображает бракосочетание деревьев — обряд, столь распространенный в Индии в наши дни. Что же касается посадки священных деревьев, то этот обычай существует в Индии с незапамятных времен; считается, что тот, кто совершит подобный религиозный обряд, получает «заслугу». В настоящее время этот обычай сопровождается церемониями, напоминающими церемонии при освящении изображения божества; возможно, что аналогичный ритуал существовал в долине Инда и в древности. На обратной стороне того же амулета изображен коленопреклоненный человек, делающий приношение, повидимому, дереву ним.

Судя по данным печатей и глиняных амулетов, не приходится, повидимому, сомневаться в том, что по меньшей мере три породы деревьев пользовались у людей того времени большим почетом, если и не являлись предметами поклонения в полном смысле слова. В настоящее время еще не ясно, существовал ли этот культ только у определенной части населения или он был всеобщим; но так как подобное проявление анимизма восходит к доисторическим временам, возможно, что первое из этих предположений более правильно и что культ деревьев был распространен лишь среди простого народа.

Другой характерной чертой религии древних городов долины Инда, сохранившейся в Индии до сих пор, является почитание фаллических символов, признаком которого служит линга, конусообразный камень, связанный в настоящее время с поклонением Шиве. В наши дни линги или обливаются водой, или смазываются маслом. Они встречаются по всей стране, как в деревнях, так и в близком соседстве с храмами, и являются, несомненно, самыми обычными культовыми предметами в Индии.

Большие гладкие камни конической формы, найденные в Мохенджо-Даро и Хараппе, несомненно, представляют собой линги того времени, но невозможно сказать, были ли они в ту раннюю эпоху связаны с поклонением Шиве. Однако теперь, когда Маршалл определил одного из богов на печатях-амулетах как прототип Шивы исторического периода и нашего времени, эта связь представляется более вероятной.

Полагают, что различные великолепно вырезанные и отделанные конусы, длиной менее пяти сантиметров, сделанные из ляпис-лазури, яшмы, халцедона и других камней, представляют собою те же линги; их сравнивают со священными предметами, которые носят члены современной секты *лингаитов* в Индии; с другой стороны, не менее вероятно, что ими пользовались в качестве фишек для настольных игр, описанных в главе VII. Точно так же большие каменные кольца, которые, по мнению некоторых ученых, представляют собой *йони*, т. е. женские символы, дополняющие фаллические эмблемы, могли представлять собой детали, употреблявшиеся при постройке колонн; но до тех пор,

пока линга и одно из этих каменных колец не будут найдены в непосредственной близости друг от друга, разрешить этот вопрос невозможно.

О том, что древнее население долины Инда поклонялось животным, свидетельствует несметное количество печатей-амулетов с изображениями разнообразных зверей. Среди них встречается могучий бык с одним рогом (впрочем, возможно, что на изображениях второго рога просто не видно за первым; см. табл. XVII, 11). Фредерикс определяет это животное как тура и утверждает, что на печатях-амулетах отчетливо выражены две разновидности тура, *Bos primigenius* и *Bos pomadicus*. Из других животных имеются изображения слона (табл. XVII, 7), тигра (табл. XVII, 2, 5, 6), буйвола, быков двух видов — один короткорогий и другой горбатый бык, носорога (табл. XVII, 15), крокодила и странного, фантастического существа, имеющего человеческое лицо, хобот слона, рога и переднюю часть туловища быка, а заднюю часть туловища и хвост тигра; повидимому, оно должно изображать слияние нескольких божеств в облике одного животного.

Есть основание полагать, что большая часть этих животных содержалась в неволе, так как перед многими из них имеются ясли или кормушка, а перед туром неизменно изображается какой-то странный предмет, который до сих пор еще не удалось сколько-нибудь удовлетворительно объяснить; некоторые исследователи предполагают, что это алтарь, другие — что это ясли для корма (табл. XVII, 11). Повидимому, этот предмет сам по себе был связан с каким-то культом, так как он встречается и без животного, по крайней мере на одном амулете из Мохенджо-Даро и на нескольких амулетах из Харатты. Среди зверей, изображенных на медных амулетах, имеющих форму табличек, встречаются также заяц, антилопа, какое-то неизвестное рогатое животное и фантастическое существо, имеющее с обеих сторон по голове, которое, как указывает Франкфорт, напоминает некоторые шумерийские изображения животных.

В наше время в индийской мифологии животные связаны с различными богами, причем каждое божество мужского и женского пола имеет свое определенное животное, служащее в качестве *ваханы*, или средства передвижения. Например, Брахма ездит верхом на гусе, Шива на быке, а его жена Дурга на тигре; но нельзя сказать, носил ли культ животных, изображенных на древних печатях-амулетах, самостоятельный характер или этих животных почитали лишь потому, что каждое из них рассматривалось как воплощение или атрибут того или иного божества.

Одна печать, найденная в Мохенджо-Даро, определенно указывает, что тигр служил эмблемой какой-то богини. На этой печати мы видим богиню с козлиными рогами, обычной цветущей ветвью и косой, но с туловищем, задними ногами и хвостом

тигра, причем вся фигура составлена так искусно, что в ней не наблюдается преобладания ни человеческих, ни животных черт. Отсюда мы можем сделать вывод, что в те отдаленные времена эта полубогиня-полутигр считалась супругой бога, которого мы уже определили как доисторический прототип Шивы. На двух печатях тигр изображен также с рогами быка, и так как эти рога по виду очень напоминают рога, встречающиеся на изображениях Шивы, возможно, что тогда, как и теперь, бык считался средством передвижения этого божества.

На другой печати представлен буйвол, который, очевидно, только что совершив нападение на группу людей, победоносно стоит среди своих жертв; возможно, что он символизирует божество, побеждающее своих врагов. В этой связи мы напомним читателю описанный выше в настоящей главе амулет с изображением буйвола, который, по всей вероятности, подняв на рога человека, бросает его через голову. Как в Индии, так и в Африке дикий буйвол считается одним из самых опасных животных и поэтому является самым подходящим средством передвижения для Йамы, индусского бога смерти. Так как это животное часто изображается на печатях-амулетах, следует полагать, что оно, подобно другим, служило символом какого-то определенного и, без сомнения, страшного божества.

Козел всегда фигурирует на печатях на втором плане; поэтому возможно, что он воплощает какое-то менее важное божество. Можно привести немало примеров его тесной связи с древесным духом; там, где изображения достаточно ясны, видно, что он имеет человеческое лицо (табл. XVII, 8). В Индии козла всегда предпочитали другим в качестве жертвенного животного, так как его своеобразная привычка отряхиваться при обрызгивании водой считалась признаком того, что жертвоприношение принято благосклонно. Возможно, что древние обитатели долины Инда применяли его для той же цели. Во многих странах козел связан с богом или богиней плодородия; возможно, что стоящая в разветвлении дерева богиня, фигурирующая на амулетах из Мохенджо-Даро и Хараппы, также была связана с идеей плодородия. В религиозном культе древней долины Инда козел, повидимому, играл видную роль; об этом говорит наличие козлиных рогов на статуэтке одного божества, так же как и у вышеописанной полубогини-полутигра.

Возможно, что питающийся рыбой крокодил гавиал, который весьма часто изображается на амулетах, обычно с рыбой в зубах, служил эмблемой какого-то речного божества. Так как это пресмыкающееся изображается вместе со священными животными, можно с полным основанием предположить, что оно также считалось священным, но божество, которому оно было посвящено, повидимому, не внушало своим почитателям особого благоговей-

ного страха. Гавиал, в отличие от магара¹ (который не встречается в искусстве древних городов долины Инда), не представляет опасности для людей или крупных животных, несмотря на то, что отдельные экземпляры имеют в длину более трех с половиной метров.

Вполне возможно, что змеи если и не являлись предметом настоящего поклонения, то во всяком случае также пользовались почетом, поскольку в Индии культ змеи был популярен во все времена. Однако в Мохенджо-Даро не было найдено ни одного резного изображения змеи, а в Хараппе было открыто лишь одно. Изредка это пресмыкающееся изображается также на расписной керамике, но лучшим образцом является фаянсовая табличка с изображением сидящего божества, подобного вышеописанным божествам на печатях-амулетах; с двух сторон два коленапреклоненных человека возносят к нему молитвы, а позади каждого из молящихся видна кобра с поднятой головой и раздутым капюшоном, также, очевидно, принимающая участие в поклонении божеству. На одном глиняном амулете имеется изображение змеи перед невысокой скамеечкой, на которой, повидимому, стоит какое-то приношение, возможно молоко.

Два амулета одинаковой формы указывают на то, что изображения по крайней мере одного из священных животных, а именно тура, было принято нести в религиозных процессиях — на этих амулетах совершенно ясно можно видеть человека, несущего на подставке фигуру тура. Другой человек, идущий следом за ним, держит ритуальный предмет, всегда сопутствующий этому животному; третий несет еще какую-то эмблему, возможно небольшой флажок, хотя разобрать это трудно вследствие плохой сохранности поверхности таблички. Повидимому, точно таким же образом было принято носить фигуры и других животных, вырезанных на печатях-амулетах; сцена, изображенная на этих двух амулетах, вызывает в памяти обычай нести в религиозных процессиях изображения животных, существовавший в древнем Египте.

Ни на печатях, ни на амулетах мы не встречаем изображений птиц, если не считать тех, которые применяются в качестве пиктографических знаков; некоторые данные, однако, свидетельствуют о том, что, в частности, голубь считался священным. Часто встречаются глиняные статуэтки этой птицы, прикрепленные для устойчивости к небольшим подставкам; некоторые из них обнаруживают полное сходство с фигурками, найденными на местах очень ранних поселений в Месопотамии. Как в этой стране, так и на Крите голубь был посвящен богине-матери; то же самое поверие было, несомненно, распространено и в долине

¹ Магар (санскр. makara — «морское чудовище») — распространенный в Индии вид крокодила — *Crocodylus palustris*. (Прим. перев.)

Инда, так как во всех трех местах птица изображается совершенно одинаково: с распростертыми крыльями и хвостом. Действительно, на голове одной глиняной женской статуэтки, найденной в Мохенджо-Даро, помещены две птицы, что, несомненно, так же как и на критских статуэтках, должно символизировать их ритуальное назначение.

До сих пор еще не имеется никаких данных, позволяющих ответить на вопрос, почитался ли в доисторические времена Инд священной рекой, подобно тому как в историческую эпоху и в наши дни индусы чтит и продолжают чтить все большие реки Индии. Однако вода, повидимому, играла существенную роль в религиозной жизни людей культуры Хараппы, так как кроме большого бассейна в Мохенджо-Даро, описанного в главе II, почти в каждом доме обоих городов имелась комната для омовения. Очищение водой, как и до сих пор в Индии, занимало, несомненно, видное место в ритуале этого народа.

Изображение на одной печати-амулете из Мохенджо-Даро рогатого человека с ногами и хвостом быка представляло, возможно, какого-то полубога. Он изображен в борьбе с рогатым тигром, вероятно злым духом, ведущим постоянную войну с богами. Этот получеловек-полубык поражает своим сходством с одним шумерийским полубогом или героем, что, повидимому, указывает на существование родства между отдельными повериями этих двух культур. Не исключена возможность, что при этом роль посредника сыграла какая-то третья страна, с которой в отдаленном прошлом население Шумера и долины Инда подерживало тесную связь.

Другой герой или полубог, который, возможно, также имеет некоторое родство с Шумером, встречается на трех печатках-амулетах из Мохенджо-Даро, где он показан в борьбе с двумя тиграми (табл. XVII, 5). Эта обнаженная, если не считать узкой ленты вокруг талии, фигура, повернутое в профиль лицо которой обрамлено вьющимися волосами, поразительно напоминает ранние изображения шумерийского Гильгамеша, друга Энкиду, помогавшего этому герою в его сражениях с дикими зверями. В шумерийском и очень раннем египетском искусстве этот герой изображается сражающимся со львами; вполне вероятно, что хараппская версия представляет собой видоизменение сюжета, заимствованного в одной из этих стран, причем на индийских амулетах львы заменены тиграми. Теперь львы в Индии редки, в былые же времена они водились там на значительном пространстве; однако лев всегда предпочитает открытую местность, тогда как тигр живет в лесах и густых джунглях. Очевидно, в древнейшие времена в Синде и Пенджабе водились преимущественно тигры, так как изображение льва никогда не встречается в искусстве людей культуры Хараппы, которые, возможно, даже и вовсе не знали этого животного.

Нередко на амулетах бывает вырезана сцена, изображающая сидящего на дереве человека, а внизу тигра, ожидающего, когда он спустится вниз. Полагают, что эта сцена заимствована из какой-то легенды, имеющей связь с религией, так как она встречается на амулетах вместе с изображением других предметов, несомненно религиозного назначения (табл. XVII, 2). Фигура на дереве может представлять какое-то божество в облике человека — древние верования изобилуют рассказами о подобных эпизодах и происшествиях; этот сюжет был известен, во всяком случае, не только в Мохенджо-Даро, ибо та же самая сцена встречается и на амулетах из Хараппы.

Иногда на печатях-амулетах изображения нескольких животных сливаются воедино (табл. XVII, 4); были даже найдены печати с изображением трех различных голов на одном туловище. Головы короткого быка, тура и антилопы кое-как приделаны к телу то ли первого, то ли второго из этих животных, что, без сомнения, должно было символизировать триединство одного божества. Особенно сложный пример такого слияния представляет печать с изображением голов четырех животных — тура, тигра и быков двух видов — и шей еще двух животных, головы которых отсутствуют, так как печать поломана. Все они расположены наподобие лучей вокруг какого-то круглого предмета, который мог представлять солнце. Довольно близкий к этому сюжет можно видеть на другой печати, где один из лучей фигуры с шестью лучами представляет голову тура.

Принято считать эти окруженные лучами эмблемы, встречающиеся, впрочем, редко, символами солнца. Если круглый символ на двух вышеупомянутых печатях-амулетах обозначает солнце, что весьма правдоподобно, то головы животных представляют различных, каким-то образом связанных с ним богов. В многоголовой фигуре лучи расположены так искусно, что ни один из богов не возвышается над другими; но во втором случае мы встречаем только тура, тогда как остальные пять лучей не имеют никаких изображений. Особое значение, которое, видимо, придавалось этой эмблеме с шестью лучами, заставляет думать, что солнце считалось высшим из всех богов и что присоединенные к нему головы шести животных представляют главных богов пантеона.

Другой интересной особенностью религии древних городов долины Инда является обычай приносить в святилище в качестве посвящений статуэтки животных и людей, чтобы снискать благосклонность бога или богини; этот обычай существует в Индии до сих пор. Глиняная фигурка, изображающая беременную женщину или женщину с ребенком на руках, была, вероятно, благодарственным приношением божеству за рождение ребенка или, быть может, служила напоминанием о желании иметь детей. Эти посвятельные статуэтки всегда чрезвычайно

просты и очень редко имеют украшения. Они совершенно отличны по типу от статуэток богини-матери. Две небольшие фигурки мальчиков в младенческом возрасте, изображенных ползущими по земле, могли представлять собой специальное напоминание о том, что желаемый ребенок должен быть мальчиком, или же могли быть принесены в святилище, чтобы снискать милость божества к больному ребенку. Такими же посвятельными приношениями служили глиняные фигурки быков, которые, возможно, должны были способствовать увеличению количества скота или выздоровлению больного животного; этот обычай до сих пор широко распространен среди бедного населения Индии.

Повидимому, большинство древних обитателей долины Инда носило всевозможные амулеты. Следует полагать, что найденные в огромном количестве так называемые печати, судя по вырезанным на них изображениям животных, также служили амулетами. В большинстве случаев только верхняя часть с надписью применялась как настоящая печать, но так как оттисков было обнаружено очень немного, трудно выяснить, какой материал чаще всего использовался для последних. Действительно, печатей в Мохенджо-Даро было найдено гораздо больше, чем оттисков. Многочисленные глиняные и медные таблички — последние встречаются исключительно в Мохенджо-Даро, — несомненно, представляют собой амулеты; плохая сохранность глиняных табличек указывает на то, что владельцы всегда носили их на теле. Изображенные на этих табличках фантастические эпизоды, повидимому, заимствовались из жизни различных богов, и вполне вероятно, что богомольцы получали их в подарок при посещении определенных святилищ. Чаще всего амулеты с изображением какой-либо одной сцены находят в одном и том же районе Мохенджо-Даро, и это заставляет думать, что все они происходили из одного местного святилища.

Какие-либо другие амулеты, помимо печатей и глиняных и медных табличек, встречаются довольно редко. Среди них попадаются статуэтки белки, лежащего барана, зайца, антилопы и собаки, сделанные из таких разнообразных материалов, как обожженная глина, камень, фаянс или бронза, и снабженные отверстием для прикрепления их к ожерелью. Маленькие фигурки голубя, изготовленные из твердого камня или глины, могли служить амулетам плодородия, тогда как два недавно найденных стеатитовых амулета обнаруживают сходство с древне-египетским амулетом «джед», что значит «неизменность», с тем единственным отличием, что у индийских экземпляров имеется сбоку приспособление в виде кольца.

На одном своеобразном амулете, сделанном из раковины, вырезано изображение узла; знак узла, как на Востоке, так и на Западе, всегда имел магическое значение. Два отверстия указывают на то, что этот амулет пришивался к платью и мог

служить пуговицей. Встречающийся на ряде амулетов орнамент в виде переплетающихся полос сильно напоминает некоторые узоры на шумерийских печатях; такие, не имеющие ни начала, ни конца, узоры могли символизировать (как и до сих пор в Китае) долговечность. Как и во многих других странах обыкновенные бусы, повидимому, служили в городах долины Инда амулетами; стеатитовые бусы с вырезанным на них трилистником представляют особенный интерес как благодаря искусной работе, так и по рисунку, который, как мы видели, встречается на одежде одного описанного выше божества (стр. 64).

Был найден только один амулет, изображающий человека — стеатитовая фигурка божества, высотой чуть побольше одного сантиметра, с закрученными бараньими рогами. Это единственный из всех рогатых богов, который имеет черты сходства с бараном, хотя фигурки барана и встречаются в качестве амулетов.

Довольно часто на печатях-амулетах попадает изображение свастики и греческого креста, особенно первой из этих двух эмблем, которая иногда встречается на квадратных печатях-пуговицах. Эти символы свойственны не только долине Инда; в глубокой древности они были так же хорошо известны в Эламе, а позднее распространились во многих частях древнего мира. Точное значение этих двух мотивов в религии жителей долины Инда неизвестно.

Еще одна эмблема, употреблявшаяся, очевидно, подобно ряду других, в качестве талисмана, представляет собой фигуру в форме сердца, которая чаще всего встречается в виде сделанных из раковины инкрустаций (табл. XXIV, 7) и так сильно напоминает по форме ухо одной из найденных в Мохенджо-Даро статуй, что автор склонен их отождествлять. Другой широко распространенный символ происходит от любопытного орнамента на глиняной посуде, который состоит из находящихся друг на друга кружков; это доказывает, что первоначально узор на посуде отнюдь не являлся простым, лишенным всякого значения украшением, каким он стал впоследствии (табл. XXVI, 3).

До сих пор неизвестно, входил ли танец в число религиозных обрядов жителей городов долины Инда, хотя в наши дни он играет важную роль в ритуале отдельных сект Индии. Повидимому, на то, что танец имел обрядовое значение, указывает сцена на обломке фаясового амулета, представляющая бьющего в барабан человека и танцующих под музыку людей, ибо это изображение находится на одном из мистических символов. На одном амулете из Хараппы изображен человек, бьющий в барабан перед тигром; но и в этом случае невозможно сказать, символизирует ли тигр какое-то божество или вся сцена должна лишь демонстрировать чарующее действие музыки. На другом амулете из того же города изображен ритуальный предмет, который всегда

фигурирует рядом с туром, а возле него фигура, представляющая, может быть, пляшущую женщину; если такая трактовка правильна, исполняемый танец, несомненно, является ритуальным.

В связи с вопросом о ритуальном танце следует упомянуть о замечательной бронзовой фигуре танцовщицы (табл. XXI, 7), найденной Рай Бахадуром Дайя Рам Сахни. Танцовщица, которая, судя по чертам лица, несомненно принадлежит к туземному типу, является, возможно, предшественницей девушек-танцовщиц (девадаси) при многих храмах современной Индии. Эти девушки занимают почетное положение в обществе, так как во многих случаях они считаются или женами бога, к храму которого они принадлежат, или прислужницами богини. Таким образом, возможно, что эта бронзовая статуэтка изображает храмовую танцовщицу из Мохенджо-Даро.

До сих пор в Мохенджо-Даро не было еще найдено ни одного древнего могильника; если такой могильник и существует, он, должно быть, погребен под многометровой толщей речных наносов. Погребальные обычаи древних культур представляют для археолога интерес не только потому, что могильники снабжают его множеством интересных и хорошо сохранившихся предметов, на основании которых он может строить свои теории (например, амулеты всегда встречаются в большем количестве в могильниках, чем на местах поселений), но также и потому, что они проливают свет на представления людей о загробном мире.

Поэтому очень большое значение имеет то обстоятельство, что при дальнейших раскопках, произведенных недавно в Хараппе, было обнаружено погребение, родственное шумерийским погребениям третьего тысячелетия в Кише и Уре. Так же, как и там, покойник, снабженный для загробной жизни таким же могильным инвентарем, был завернут в цыновку и лежал в вытянутом положении в деревянном гробу. Но еще не установлено, принадлежит ли это погребение местному жителю или шумерийцу — члену какой-нибудь купеческой общины в Хараппе.

Другие скудные человеческие останки, открытые в этих древних городах, представляют собой либо скелеты, найденные в неестественных положениях и принадлежащие, очевидно, людям, которые не были погребены должным образом, либо так называемые «расчлененные погребения», когда мелкие фрагменты человеческих костей, в одном случае черепов, складывались в сосуды вместе со смесью разнообразных предметов, относительно которых неизвестно, имели ли они какое-либо отношение к находящимся с ними костям. Ватс обнаружил в Хараппе несколько сосудов, заключавших в себе такого рода останки вместе с черепами; в одном случае череп был похоронен отдельно. Однако эти сосуды по форме и орнаменту отличаются от обычной расписной керамики периода Хараппы, и возможно, что они относятся к более позднему времени. Автор разделяет мнение иссле-

дователей, считающих, что люди культуры Хараппы обычно сжигали своих покойников на берегу реки, после чего пепел бросали в воду. Высказывалось также предположение, что останки людей хоронили в сосудах в измельченном, раскрошенном состоянии; но это весьма неправдоподобно, если учесть, что в таком большом городе, как Мохенджо-Даро, процветавшем, как мы видели, на протяжении почти целого тысячелетия, было обнаружено очень мало погребений, которые можно было бы назвать расчлененными. Если погребения такого рода были действительно распространены среди широкого населения, до нас должны были бы дойти огромные могильники; в таком случае представляется странным, что до сих пор никаких следов их не было обнаружено; возможно, впрочем, что они лежат на большой глубине под поверхностью земли.

Ввиду скудости материала, которым располагал автор, приведенное здесь описание религии жителей долины Инда неизбежно является неполным; остается надеяться, что дальнейшие раскопки дадут еще много ценных сведений. Наиболее важным заключением, сделанным на основе накопленного к настоящему времени материала, является определение Маршаллом мужской фигуры на ряде печатей-амулетов как Шивы или его древнего прототипа. Опираясь на эту теорию, мы имели возможность допустить, что многие особенности современных индийских культов уходят корнями в глубокую, доисторическую древность; возможно даже, что они относятся к периоду, предшествующему тому времени, когда люди Мохенджо-Даро и Хараппы начали строить свои большие кирпичные города.

Например, поклонение богине-матери является очень древним индийским культом; вероятно, оно было распространено в стране еще до прихода людей культуры Хараппы. Возможно, что то же следует сказать и о культе деревьев, из которого позднее развилось поклонение древесному божеству, так как этот культ в обеих своих формах до сих пор распространен по всему свету. Наиболее примитивным обществам свойственно также почитание животных, которое существует в Индии и в других местах так давно, что невозможно установить, когда оно началось. С другой стороны, божество в облике человека с рогами не встречается ни в современной индийской мифологии, ни на протяжении всего исторического периода; повидимому, можно с уверенностью сказать, что оно было принесено людьми культуры Хараппы и исчезло вместе с ними. Сказанное относится и к получеловеку-полубыку, который мог представлять собою какое-нибудь второстепенное божество, героя или злого духа. Как уже упоминалось, рогатое божество и получеловек-полубык встречаются также в шумерийской мифологии того времени; возможно, это обстоятельство объясняется тем, что обе культуры заимствовали эти культы из одного и того же общего источника.

Если люди культуры Хараппы действительно явились в Индию с северо-запада, они должны были заставить там население, достигшее уже довольно высокого уровня культуры и умевшее изготавливать с помощью гончарного круга хорошую глиняную посуду с двухцветным и многоцветным орнаментом. Что представляли собой религиозные верования этого более древнего народа, для нас еще далеко не ясно, так как на местах их поселений были произведены только пробные исследования. Из того немногого, что нам о них известно, создается определенное впечатление, что они обладали не такой высокой культурой, как люди, которых мы называем теперь людьми культуры Хараппы, но вполне допустимо, что последние заимствовали у этой более низкой культуры отдельные элементы своей религии, сохранившиеся вплоть до настоящего времени. В наши дни образованному брахману приходится бороться против очень примитивных верований и культов, широко распространенных среди его паствы, и часто единственное, что он может сделать, — это попытаться примирить эти культы с теми, которые принесли с собой его предки, говорившие на языке ариев. Невозможно сомневаться, что хараппские жрецы столкнулись с такой же трудностью и вынуждены были соглашаться со многим, чему они отнюдь не симпатизировали. Возможно, что образованные круги населения Мохенджо-Даро, Хараппы и других подобных им городов исповедовали какую-то более абстрактную религию. Если это так, то настоящая глава носит очень односторонний характер, так как до нас не дошло ни малейших признаков, позволяющих составить представление об этой стороне религии того времени. Обычно за подобными сведениями приходится обращаться к богослужебным текстам, но, к сожалению, все такого рода документы, написанные, повидимому, на очень непрочном материале, уже давно погибли. Впрочем, даже если в ходе дальнейших раскопок и будут обнаружены такие документы, пройдет, вероятно, немало времени, прежде чем их удастся расшифровать.

Глава IV

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Если одеяние глиняных статуэток богини-матери представляет собой костюм женского населения Мохенджо-Даро и Хараппы, что нам кажется вполне возможным, то описание этого костюма займет не много времени, так как статуэтки до талии совершенно обнажены, если не считать большого количества украшений, и вся их одежда состоит из короткой, значительно выше колен, юбки (табл. XVI, 2). Так как и теперь многие женщины в Южной Индии носят почти такой же костюм, можно предположить, что одеяние статуэток представляет собой обычное женское платье хараппского периода; в пользу такого предположения говорит и то обстоятельство, что с середины третьего тысячелетия до н. э. климат Северо-западной Индии, повидимому, значительно изменился. Очень похожая юбка изображена на женских божествах на печатях-амулетах, хотя спереди эта юбка, кажется, гораздо короче, чем сзади (табл. XVII, 8).

Юбка на женских статуэтках придерживается поясом, который в некоторых случаях, повидимому, представляет собой нити бус (табл. XIX, 2), а в других случаях — полосы ткани, скрепленные спереди бляхой или застежкой. На одной сильно попорченной женской статуэтке, выделяющейся своей величиной, пояс удерживается спереди очень сложным бантом из какой-то ткани, а на других юбка украшена большими шишками из неизвестного материала. По крайней мере у одной фигуры верхняя часть тела закутана в плащ. Этот плащ, который скрывает руки, но оставляет открытой грудь, спускается не ниже подола юбки; вероятно, его надевали для тепла в холодные дни.

Неизвестно, что служило материалом для веерообразных головных уборов, которые так часто можно встретить на женских, а иногда даже и на мужских статуэтках; возможно, что это была натянутая на каркас накрахмаленная хлопчатобумажная ткань. Неизвестно также, из какого материала делались причудливые, похожие на корзиночки сооружения, которые бывают расположены с обеих сторон головы; иногда, однако, они придерживаются на макушке — признак того, что они были тяжелые (табл. XVI, 2). Громоздкость этого головного убора может

вызвать удивление, но даже в наши дни женщины некоторых монгольских племен носят на голове сооружения, не лишенные сходства с головными уборами наших статуэток, да и женские головные уборы других стран не уступают им по сложности.

У нескольких статуэток на шею надета весьма своеобразная тугая гривна, от которой шея кажется длиннее. Трудно сказать определенно, что представляло собой это украшение; в одном случае оно, по видимому, состоит из нескольких металлических колец, соединенных вертикальными скрепками. Этот обычай носить твердые шейные украшения до сих пор существует в некоторых областях Африки и в Восточной Индии.

Из всех найденных женских статуэток только у одной имеются признаки деформации фигуры и только две совершенно не имеют одежды. Первая, глиняная, с отбитой головой, отделана необычайно тщательно; особенностью ее является чрезмерно узкая талия. Одежду ее составляет обычная коротенькая юбочка; статуэтка украшена ожерельем и другими драгоценностями, на руках выше и ниже локтя надето большое количество браслетов. Едва ли можно сомневаться в том, что эта фигурка изображает богиню-мать.

Обнаженные фигурки сделаны из бронзы и изображают танцовщиц. Вполне вероятно, что, как и в древнем Египте, танцовщицы Мохенджо-Даро и Хараппы при исполнении определенных танцев появлялись без всякой одежды.

Трудно по мужским статуэткам или по изображениям героев и богов на печатках-амулетах составить какое-либо представление о костюме, который носили мужчины; первые неизменно обнажены, на вторых не надето ничего, кроме узкой ленты вокруг пояса. Судя по немногим найденным более крупным образцам скульптуры, из которых ни один не сохранился неповрежденным, мужчины носили плащ с вышивкой или без вышивки, перекинутый через левое плечо и пропущенный под правую руку. На одной статуе плащ спускается значительно ниже колен; другая фигура, в сидячем положении, одета в длинную юбку, которая поддерживается вокруг талии с помощью продернутого шнура. Мужчина, изображенный на одном черепке из Хараппы, мог быть одет в штаны или в плотно прилегающую дхоти¹. Ни одна из найденных фигур не изображена обутой; вообще не сохранилось никаких следов обуви.

Прежде чем закончить описание одежды, следует сказать, что, хотя у нас и имеются доказательства применения в Мохенджо-Даро хлопчатобумажных тканей, до настоящего времени не обнаружено никаких признаков употребления полотна или шерсти. Употребление примерно в то же время льняных тканей в Эламе заставляет предполагать, что они были известны также

¹ Дхоти — мужская набедренная повязка в Индии. (Прим. перев.)

и в Мохенджо-Даро; если даже их и не производили в долине Инда или в какой-нибудь другой области Индии, они, подобно многим другим товарам, вполне могли ввозиться из Элама или Шумера. Неизвестно, употреблялись ли там шерстяные ткани, хотя овцы и козы могли в изобилии поставлять нужное для этого сырье. Возможно также, что ткани изготовлялись и из других волокнистых материалов, например из различного рода древесных волокон, пригодных для этой цели. Во всяком случае, можно не сомневаться, что древние жители долины Инда были не в меньшей степени обеспечены различными тканями, пригодными для изготовления одежды и украшений, чем любой из современных им народов других стран.

Что касается причесок, то мужские известны нам лучше, чем женские, так как у женских статуэток волосы скрыты под головными уборами. Впрочем, имеется обломок женской статуи, у которой вьющиеся волосы спадают на затылке сплошной массой; точно такую же прическу мы видим на сильно испорченной голове маленькой стеатитовой фигурки. Волосы бронзовой танцовщицы (табл. XXI, 7) уложены на затылке в виде большого жгута, который начинается над левым ухом. У богинь на амулетах (табл. XVII, 8) иногда имеется одна коса, завязанная на конце бантом; так как косы являются излюбленной прической в современной Индии, представляется мало вероятным, чтобы в те времена они были исключительной принадлежностью богинь.

Мужчины носили самые различные прически. Волосы стеатитового бюста, изображающего божество в плаще с трилистниками, разделены посредине пробором, а короткие пряди на затылке аккуратно подвязаны узкой лентой (табл. XVI, 1). У других статуй волосы, по моде древнего Шумера, собраны в тугий пучок; складки в пучке заставляют думать, что предварительно волосы заплетались в косы. У нескольких глиняных статуэток волосы свернуты кольцом на макушке, причем два таких же кольца закрывают уши; последняя деталь встречается также в шумерийской скульптуре. Распространена еще одна прическа: волосы заплетаются в косу, которая загибается на затылке в виде большой петли и затем закладывается внутрь и прикрепляется перевязью. В Мохенджо-Даро была найдена глиняная фигурка ползущего младенца с кудрявыми волосами; весьма вероятно, что по крайней мере у части жителей волосы были кудрявые или волнистые.

Почти столь же разнообразны были способы подстригать бороду. Две фигурки имеют короткую бороду и выбритую верхнюю губу (табл. XVI, 1), у других борода жесткая, выдающаяся вперед и плоская (табл. XVI, 3). У одной глиняной фигурки конец бороды загибается назад, что представляет прямую противоположность искусственным бородам, которые носили в древнем Египте. Еще в одном случае борода состоит лишь из небольшого

пучка волос, оставленного под подбородком, в то время как остальная часть лица выбрита (табл. XVI, 4а, 4б). Правда, большая часть мужских фигурок, если не все, изображает богов; статуи свидетельствуют о том, что обыкновенный человек носил короткую, иногда даже очень короткую, подстриженную бородку. Бороды никогда не достигали такой длины, как в Шумере, быть может потому, что длинные окладистые бороды были неудобны в более влажном климате Индии.

После описания одежды и общего облика жителей городов культуры Хараппы естественно остановиться на их украшениях. Наши сведения об этих украшениях основываются преимущественно на различных кладах, раскопанных в Мохенджо-Даро и Хараппе. Драгоценности помещались для сохранности в серебряные, медные и бронзовые сосуды, которые находят в большинстве случаев зарытыми под кирпичными полами домов. Пожалуй, самая интересная находка была сделана Рай Бахадуром Дайя Рам Сахни, откопавшим в Мохенджо-Даро несколько ожерелий и красивые бусы из твердого камня; часть этих предметов находилась в серебряном кувшине, остальные лежали просто в земле. Удалось установить, что кувшин некогда был завернут в кусок хлопчатобумажной ткани, так как в слое образовавшейся на нем патины сохранились клочки материи. Дикшит также раскопал в Мохенджо-Даро небольшой серебряный сосуд, в котором лежало несколько очень красивых ожерелий, различные серебряные и золотые предметы, в том числе перевязи для волос, и мелкий металлеский лом. В другом месте был найден пояс тонкой работы, лежавший в большой медной чаше (табл. XIX, 2); сверху на чашу было положено медное блюдо, служившее крышкой. В Хараппе Ватс нашел крупный клад, состоящий из украшений, часть которых напоминает драгоценности из Мохенджо-Даро, другие же совершенно отличны от них по стилю. Этот клад был найден прямо в земле.

Люди культуры Хараппы делали свои металлические украшения из золота, электрона, серебра, меди и бронзы. Месторождения золота и серебра имелись, вероятно, в самой Индии; к тому же серебро в древности могло в большом количестве добываться из содержащего серебро свинца, который ввозили из Афганистана. Электрон, смесь серебра с золотом, встречается в Индии в нескольких местах, но едва ли в древние времена из него извлекали содержащееся в нем серебро, так как без применения современных способов этот процесс, в отличие от процесса получения серебра из свинцовой руды, чрезвычайно труден. Однако серебро все же нельзя отнести к числу редких металлов, хотя в Мохенджо-Даро оно было и менее распространено, чем золото, медь или бронза.

Упомянутый выше нарядный пояс заслуживает подробного описания. Он состоит из шести рядов удлиненных биконических

бус из полупрозрачного красного карнелиана; каждая бусина, длиной около 13 см, отделяется от следующей круглыми бронзовыми бусинами и бронзовой пронизью с шестью отверстиями для нитей. Пояс, длина которого равняется 1 м, заканчивается с обоих концов скреплениями в виде сдавленных с боков полушарий из бронзы со следами позолоты; в них продевались нити, которые после этого завязывались. Пояса такого типа встречаются на некоторых женских статуэтках, причем отдельные бусины и пронизи обозначаются полосками глины. Отверстия в карнелиановых бусах отполированы так же тщательно, как и внешняя поверхность. Требовалось, несомненно, большое искусство, чтобы просверлить столь твердый камень. Каждая бусина просверливалась с обоих концов, и во многих случаях это делалось с такой точностью, что сверлины встречались в самой середине. Последующие раскопки в Чанху-Даро показали, что наконечники сверл, которыми пользовались для проделывания отверстий в этих бусах, изготавливались из черного или бурого роговика и имели в длину от 2,5 до 3,8 см; на рабочем конце каждого сверла имелось углубление для небольшого количества абразивного материала (крошечной крупинки наждака) и воды, препятствовавших скольжению (табл. XX, 4—8). Внимание, уделявшееся при полировке внутренней поверхности каждой бусины тому, чтобы ни одна белая царапина не нарушала полупрозрачности камня, свидетельствует об очень высоком мастерстве.

Исключительной красоты ожерелье состоит из одного ряда боченкообразных бус из полупрозрачного зеленого жадеита; каждая бусина отделена от другой золотой дисковидной бусиной, состоящей из двух спаянных по краю слегка выпуклых половинок. В середине этого замечательного ожерелья было прикреплено семь подвесок из агата и яшмы. Все ожерелье в целом имеет очень красивый вид. Жадеит, вероятно, получали из северной Бирмы, хотя, как известно, запасы его имеются также в Тибете.

Другие ожерелья сделаны из мелких золотых бус круглой и цилиндрической формы, чередующихся с небольшими бусинами из стеатита; последние местами до сих пор сохранили следы покрывавшей их первоначально синей глазури. Еще одно интересное ожерелье сделано из золотых дисковидных бус; каждая бусина состоит из двух круглых золотых пластинок, в которых отверстия для нитки были проделаны прежде, чем они были спаяны между собой. Точно такие же бусы известны в Вавилонии, Египте и Трое.

Очень красивый браслет из Мохенджо-Даро состоит из шести ниток круглых золотых бус, между которыми проходят плоские золотые пронизи; с обоих концов браслета имеются скрепления в виде сплюснутых с боков золотых полушарий. Этот

браслет отличается простотой и тщательностью работы. Повидимому, это была одна из излюбленных форм браслета, так как несколько аналогичных образцов было найдено в Хараппе.

Другое весьма любопытное украшение (табл. XXV, 6) представляет собой нагрудную подвеску из бледножелтого стеатита длиной 4,3 см и шириной 3,8 см. Вероятно, она имела какое-то религиозное применение, так как на ней рельефно вырезан символ в форме уха вместе с фигурой животного, напоминающего тура, который так часто встречается на печатях-амулетах. Выступ, вырезанный по краю этого украшения, заставляет думать, что первоначально оно было оправлено в какой-то металл, возможно — в золото, а к оправе были приделаны колечки для подвешивания. В отдельных местах тела животного и на расположенном над ним рисунке имеются выемки, предназначенные для заполнения цветной пастой.

При описании пояса и ожерелий мы уже упоминали о бусах из карнелиана, жадеита и стеатита; но было найдено большое количество разнообразных бус и из других материалов. В их число входят полосатая, красная, желтая и синяя яшма, агат, моховик, оникс, амазонский камень, гелиотроп, плазма, ляпис-лазурь, обсидиан, халцедон, нефелиновый содалит, раковина, обожженная глина, фаянс, стекловидная паста, кварц, брекчия, змеевик, бирюза и красный железняк (последние два очень редко). Все перечисленные камни могли добываться в различных частях Индии, Афганистана и Белуджистана.

В тех случаях, когда природа камня это допускала, бусине сперва придавали форму путем продольного отслаивания от нее мелких чешуек, после чего поверхность ее сглаживали с помощью специального камня (табл. XX, 10). Окончательная отделка могла производиться на чем-нибудь вроде токарного станка; хотя наличие отверстия, повидимому, должно было бы облегчить этот процесс, в действительности его просверливали в последнюю очередь. Недоделанные бусы более позднего времени, найденные в различных частях Индии, также указывают на то, что просверливание отверстия оставляли на самый конец.

Иногда, чтобы придать бусинам более заметный, а возможно, и более ценный вид, их склеивали из двух или нескольких различных сортов камня. Одна такая бусина боченкообразной формы, длиной всего лишь 12,4 мм, была составлена по меньшей мере из пяти чередующихся кусочков красного карнелиана и белого и синего халцедона. Эти кусочки были так тщательно пригнаны один к другому, что, быть может, никто никогда и не догадался бы о составном характере бусины, если бы она не распалась на части в медной коробочке, в которой ее нашли. Другая бусина, имитирующая оникс, была сделана с одной стороны из раковины, а с другой — из розового известняка. Если такие составные бусы предназначались для обмана покупа-

телей, которые больше ценили камни с правильно расположенными прожилками, то эту последнюю работу следует признать менее удачной.

Особенно ценными считались, повидимому, бусы из карнелиана с нанесенным на них белым узором, который потом обжигался (табл. XXIV, 5). Эти бусы, получившие название «травленый карнеллан», не распространены ни в Мохенджо-Даро, ни в Хараппе, хотя несколько экземпляров было найдено в Чанху-Даро; некоторые из них имеют такую же форму и такой же цветной орнамент, как и бусы, найденные Вуллеем в королевских гробницах Ура. Наличие их в городах долины Инда важно для датировки этих городов. Иногда в подражание бусам из травленого карнелиана делали бусы из какого-нибудь мягкого камня, например стеатита; для этого на гладкий белый фон наносились блестящие красные линии. Но так как эти бусины не имели полупрозрачности настоящего камня, они, без сомнения, могли ввести в заблуждение лишь немногих.

Теперь на основании раскопок в Чанху-Даро известно, что бусы из травленого карнелиана изготовлялись в этом маленьком городке, который, повидимому, вообще являлся местом производства разнообразных бус. Совершенно неприемлемо предположение, что раскрашенные бусы из карнелиана экспортировались оттуда в Шумер.

Большое количество отдельных бусин прекрасной работы было найдено в земле вокруг одного из кладов с драгоценностями в Мохенджо-Даро. Эти бусины сделаны из разнообразного материала, и хотя по типу они не представляют собой ничего необычного, по полировке и правильности форм они не уступают лучшим бусам, найденным на местах других древних поселений. При вытачивании их большое внимание уделялось тому, чтобы как можно более правильно расположить естественные прожилки — задача, которая требовала от гранильщика большого мастерства. Иногда, чтобы подчеркнуть красоту самоцветов, особенно тех, которые имели естественные прожилки, их с обоих концов оправляли в маленькие золотые колпачки. Этот обычай был распространен также в Шумере.

Как мы уже видели, несколько статуй, раскопанных в Мохенджо-Даро, подтверждают, что в этом городе, как и в Шумере, носили вокруг лба перевязи или обручи (табл. XVI, 1). Большое количество таких украшений, свернутых в трубочки для экономии места, было найдено вместе с другими драгоценностями; во многих случаях они до сих пор не утратили гибкости. Обычно эти перевязи представляют собой узкие золотые ленты, имеющие в ширину около 1,5 см и в длину до 40 см. Концы округлены и имеют по небольшому отверстию, чтобы их можно было связывать вместе. Как правило, перевязи отличаются строгой простотой и не имеют орнамента, но известно несколько образцов

с просверленными вдоль одного края дырочками для подвешивания украшений, а в одном случае на обоих концах обруча имеется нечто вроде эмблем. Известно, что перевязи, украшенные подобным же образом либо рядом круглых отверстий, либо фигурками животных, были распространены в ранние времена в Шумере.

Небольшие металлические конусы, подобные тем, которые носят в наши дни на макушке женщины в Пенджабе, были найдены в кладах с драгоценностями, откопанных в Мохенджо-Даро и Хараппе. Эти конусы, имеющие в высоту в среднем 6 см и в диаметре 5 см, сделаны из золота, серебра, меди и фаянса и имеют внутри наверху припаянную петлю, через которую, повидному, продевали прядь волос, чтобы украшение держалось на месте. Своеобразные полые предметы полусферической или конической формы, сделанные из двух, трех и даже четырех тщательно пригнанных друг к другу кусков раковины, имели, повидному, такое же назначение. Несколько женских статуэток несут на голове аналогичные украшения.

Серьги на некоторых статуэтках говорят о том, что их иногда носили, хотя самые серьги встречаются очень редко; последнее обстоятельство, возможно, объясняется тем, что из всех украшений труднее всего потерять серьгу, продетую сквозь ушную мочку. К тому же иногда серьги трудно отличить от колец, так как часто они представляют собой просто свернутый спиралью кусок золотой, серебряной или медной проволоки. Одна пара серег более тонкой работы сделана из двух гвоздеобразных золотых предметов с несколько выгнутой шляпкой диаметром в 3 см, украшенной по краю витым орнаментом (табл. XIX, 2, 7, 8, 11). Внутри каждой шляпки припаяна короткая трубочка, предназначавшаяся для вдевания украшения в ухо и вставлявшаяся с обратной стороны мочки в такую же шляпку, только меньших размеров.

Широко распространены украшения для носа. Обычно они представляют собой кружок из синего фаянса или стекловидной пасты с небольшим гвоздеобразным выступом, с помощью которого украшение держалось в просверленной ноздре. Как правило, на этих украшениях имеется символический знак, ведущий свое происхождение от узора из находящихся друг на друга кружков на глиняной посуде (табл. XXVI, 3); вероятно, они также служили амулетами. Очень близкие по форме украшения носят и сейчас жители многих областей Индии.

В большом количестве встречаются кольца. Некоторые из них просто согнуты из круглой или плоской проволоки, другие представляют собой спирали, имеющие иногда до семи оборотов. Все кольца этого типа сделаны из меди или бронзы; не было найдено ни одного золотого кольца, а единственное серебряное имеет весьма своеобразную форму. Оно состоит из плоского

квадратного щитка с вырезанным на нем узором в виде множества крестиков, прикрепленного к надеваемому на палец простому серебряному ободку.

Широко был распространен обычай носить запястья и браслеты; они украшают обе руки у статуй, изображающих как богов, так и простых смертных (табл. XXI, 7). В качестве материала для браслетов употреблялись золото, серебро, медь, бронза, фаянс, раковина и даже обожженная глина. Золотые и серебряные браслеты, сделанные в форме замкнутого кольца, имеют внутри пустое пространство, заполненное или древесным волокном, или красной смолой. Медные и бронзовые браслеты изготовлены из круглой, слегка уплощенной изнутри проволоки, концы которой иногда только соприкасаются, а иногда заходят один на другой. Браслеты из раковины обычно имеют форму широкого обруча, составленного из двух или трех отдельных частей, связанных шнурком, или же вырезаны целиком из стенок крупных раковин. Фаянсовые браслеты встречаются редко и бывают различной ширины, от простого тонкого кольца до широкого обруча. Встречаются, как это ни странно, даже глиняные браслеты; повидимому, они изготовлялись в специальных формах, после чего обжигались до большой твердости. Автор склонен думать, что эти браслеты изготовлялись из глины или потому, что эта глина была священной, или потому, что они предназначались для особой категории людей, которой запрещалось носить металлические украшения. Эти глиняные браслеты не отличаются красотой, но сделаны они чрезвычайно искусно; на экземплярах, которые сохранились лучше других, можно обнаружить один или два маленьких тщательно выписанных пиктографических знака, наличие которых свидетельствует, повидимому, о том, что владельцы ценили свои браслеты. За исключением фаянсовых браслетов, которые иногда бывают украшены желобками или нарезным зигзаговым орнаментом, и уже упомянутого браслета из золотых бусин, все образцы отличаются строгой простотой.

Ножные браслеты трудно отличить от ручных, но судя по тому, что они встречаются на некоторых глиняных статуэтках, их также носили. Браслет на ноге одной небольшой бронзовой статуи имеет по виду почти полное сходство с браслетами, которые в наши дни носят женщины холмистых окрестностей Симлы; что еще интереснее, изогнутый браслет такого же типа украшает ногу фигуры, изображенной на одной из фресок Киосского дворца на Крите.

Как мы уже видели, судя по статуям, и мужчины и женщины носили длинные волосы, которые часто закручивались узлом или пучком на затылке и придерживались проходившей вокруг лба перевязью. Кроме перевязи в прическе одной мужской статуи отчетливо видна булавка для волос; многочисленные находки

разнообразных булавок различной работы говорят об их широком распространении. Одна когда-то, должно быть, очень красивая бронзовая булавка длиной 11,2 см увенчана повернутыми в разные стороны головами двух черных антилоп с характерными витыми рогами (табл. XXI, 10). Еще одна бронзовая булавка имеет закрученную спиралью головку (табл. XXI, 9) и напоминает в этом отношении образцы, найденные в Шумере, Египте, на Кавказе и в Центральной Европе, в то время как другие готовые или почти готовые булавки изготовлены из кости, в некоторых случаях из слоновой кости и украшены разбросанным по ним узором. Были найдены разнообразные головки от булавок, сделанных, повидимому, из дерева, которое истлело. Одна такая головка, высотой около 1,5 см, изображает прелестную группу из трех мартышек, сидящих кружком обнявшись; другая, очень похожая на эту, группа, изготовленная из того же самого мягкого стеатита, изображает двух обезьянок, которые, словно стараясь согреться, сидят, тесно прижавшись друг к другу (табл. XXV, 4). Другие глазированные головки от булавок сделаны в виде семенных коробочек лотоса; многие головки украшены различными узорами.

Иногда жители Мохенджо-Даро и Хараппы носили в волосах гребни — обычай, до сих пор распространенный в Индии как среди женщин, так и среди мужчин. Один красивый гребень из слоновой кости с расположенными с двух сторон зубьями, украшенный на обеих поверхностях орнаментом насечкой в виде концентрических кружков, был найден возле черепа молодой девушки (табл. XXIV, 1), другой гребень, в форме цифры V, предназначался, повидимому, для расчесывания длинных волос, хотя, судя по его чрезвычайно тонким и тесно посаженным зубцам, надо полагать, что он применялся и для других целей.

Обычное явление представляют круглые пуговицы из меди, бронзы, стеатита или фаянса, но неизвестно, были ли они простыми украшениями или имели и практическое назначение. Наиболее распространенные образцы напоминают древние пуговицы, найденные на Мальте, в Португалии, Южной Франции и во многих других странах; они имеют гладкую поверхность, а сзади просверленное с двух сторон отверстие для нитки. Металлические пуговицы обычно выпуклые; они имеют две дырочки, чтобы их можно было пришивать к платью, а небольшие пуговицы полусферической формы имеют с обратной стороны маленькое углубление с перекинутой через него полоской или же бывают полые с петлей внутри, наподобие конусообразных головных украшений.

Три зеркала, из которых одно небольшое, видимо детское, сделаны из бронзы и отличаются строгой простотой, хотя несохранившиеся деревянные ручки могли быть орнаментированы; окружающий одно из этих зеркал высокий бортик предохранял

полированную поверхность от царапин (табл. XXII, 3). Зеркала, вероятно, были широко распространены, так как без них было бы невозможно успешное применение обнаруженных при раскопках различных косметических средств.

Сурьма, в горшочках и в виде палочек, служит доказательством того, что женщины, а возможно и мужчины, употребляли это или какое-нибудь другое подобное черное вещество для подведения глаз; большой интерес представляет находка раковин сердцевика с содержащимися в них румянами; эта находка свидетельствует о существовании связи с Шумером, так как такие же раковины с красками для лица были обнаружены в могилах Киша и Ура. В Мохенджо-Даро и Хараппе был обнаружен углекислый свинец; возможно, что он применялся там в качестве белил для лица, что, как известно, практиковалось в древней Греции, а также в Китае. С другой стороны, он мог служить в качестве примочки для глаз или жидкости для смачивания волос. Киноварь, вероятно, также употреблялась в Мохенджо-Даро в качестве косметического средства; на основании находок комочков зеленого вещества, представляющего собой, как установлено, *terre verte*, можно предположить, что последнее вещество, подобно малахиту в древнем Египте, использовалось наравне с сурьмой для подведения глаз. Однако поскольку *terre verte* встречается в виде зеленой краски на некоторых многоцветных сосудах, вполне возможно, что она применялась только для рисовки керамики.

Судя по большому количеству соответствующих находок, и мужчины и женщины пользовались для удаления волос маленькими бритвами.

Глава V

МЕДЬ И БРОНЗА: ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ, ОРУДИЯ И ОРУЖИЕ

Повидимому, за 2500 лет до н. э. города долины Инда не испытывали недостатка в меди и бронзе, так как бронзовые предметы были найдены даже в самых нижних слоях Мохенджо-Даро; в одном из предметов содержалось целых 22,2% олова. Как сообщают Франкфорт и Вуллей, в Шумере в это же время медь также часто сплавляли с оловом для придания ей большей твердости.

Трудно сказать, где жители долины Инда добывали олово, так как, хотя этот металл и встречается в Индии в нескольких местах, например в Бирме, в округе Бомбея, в Бихаре и Ориссе, остается неизвестным, какие из этих источников были доступны в древности. Вопрос о том, не добывали ли раиние шумерийцы и люди культуры Хараппы олово из одного и того же месторождения, является спорным, но автор склонен ответить на него отрицательно.

Что касается меди, которой пользовались древние жители долины Инда, то этот металл мог доставляться из Раджпутаны или Белуджистана. Однако Дэш доказал, что медь и бронза древних городов долины Инда содержат заметную примесь никеля, что наблюдается и в отношении шумерийских памятников; поэтому, когда Пик высказал догадку, что источником шумерийской меди служил Оман, где были найдены места древних разработок руды такого типа, возникло предположение, что та же область Аравии снабжала и города долины Инда. Примесь никеля была, однако, обнаружена также и в меди, добываемой в старинных, но все еще действующих рудниках Чота Нагпур в Индии; быть может, осторожнее пока предположить, что медь, которой пользовались в Мохенджо-Даро и Хараппе, была местного происхождения.

Добавление олова придает меди твердость и облегчает литье, но при избытке олова изделия получаются хрупкими. Как правило, для обычных целей достаточно 9—12% олова; в некоторых же бронзовых предметах из Мохенджо-Даро было обнаружено свыше 26% олова. Создается впечатление, что металлурги этого

города, подобно ранним шумерийцам, или сплавляли медь с оловом без какой бы то ни было установленной пропорции, или получали бронзу в готовом виде из источников, находившихся вне их контроля.

Доказательством того, что жители Мохенджо-Даро плавил медь, служит значительное количество медной руды, найденной в выложенной кирпичом яме, хотя печей, где могло производиться восстановление этого металла, обнаружено не было. Одним из простейших способов было бы нагревание посредством горячего воздуха смешанной с древесным углем руды в вырытой в земле яме. Форма нескольких найденных в городе слитков меди, один из которых весит 1134 г, заставляет полагать, что этот способ действительно применялся и что при выплавке металл стекал по каналу в ровное полукруглое углубление в земле; у некоторых слитков с одной стороны имеется выступ, благодаря которому можно составить представление о том, как эти углубления заполнялись. Вследствие неравномерного остывания плоская верхняя поверхность всех слитков сильно сморщена.

На изделиях из меди и бронзы не было найдено никаких следов спайки, хотя для золота и серебра этот способ применялся. Для соединения отдельных частей медных или бронзовых предметов обычно служили заклепки; в одном случае ручка бронзовой крышки была прикреплена заклепкой, на которую сверху для прочности было налито немного расплавленного металла.

За исключением трех очень незамысловатых серебряных сосудов, вся найденная до сих пор металлическая посуда сделана из меди или бронзы; большая часть ее отличается чрезвычайной простотой; во многих случаях она имитирует по форме глиняную (табл. XXIII, 3, 4). Сосуды выковывались из листа металла или отливались. Не в обычае было украшать их какой-нибудь резьбой, — только один раз мы встречаем каннелированный орнамент на курильнице, край которой украшен также зубчиками. У некоторых сосудов очень узкое основание изготовлялось отдельно и после прикреплялось к тулову; при этом, однако, повидимому, ни в одном случае край не загibalся вверх для большей прочности соединения. За исключением нескольких сковород, металлической посуды с ручкой или носиком найдено не было.

Клиновидные топоры очень простой формы применялись, вероятно, для самых различных целей. Встречается два вида этих топоров: длинные и узкие (табл. XXII, 2) и короткие и широкие. Более длинные топоры служили, очевидно, в качестве тесел и прикреплялись к рукоятке почти по всей длине клинка, тогда как более короткие, как полагают, вставлялись под прямым углом в раздвоенную для этого рукоятку. Оба типа топоров, как медных, так и бронзовых, имеют симметричное в разрезе, скругленное лезвие, слегка скошенные боковые стороны и прямоугольный

обух. Их отливали в формах и отделявали с помощью молотка и абразива.

Было найдено несколько бракованных отливок, свидетельствующих о том, что, если не считать неровной поверхности, свежеотлитые топоры имели такую же форму, как и готовые изделия. Придание металлу твердости и прочности производилось, должно быть, с помощью молотка; даже топор из бронзы с небольшим содержанием олова мог быть доведен таким путем до твердости мягкой стали. Некоторые клиновидные топоры довольно велики; один из них, длиной 28 см, весит 1,9 кг. Эти топоры не могли использоваться для военных целей, так как за исключением последних периодов существования городов долины Инда их жителям, судя по имеющимся данным, никогда не угрожали серьезные нападения со стороны внешних врагов; однако они могли применяться для обработки дерева, для охоты, а также, возможно, и в качестве оружия против разбойников, подобно маленькому боевому топору, который так часто носят при себе крестьяне Верхнего Синда.

Один превосходный бронзовый топор-тесло, длиной около 25 см, имеет в середине обука отверстие для продевания рукоятки и является первым проушным орудием, найденным в Мохенджо-Даро (табл. XXII, 4). Этот топор-тесло очень похож на некоторые топоры, найденные на Кавказе в бассейне Кубани, а своей трубкообразной втулкой он напоминает топоры из Тепе Гиссара в северо-восточной Персии. Так как в настоящее время этот экземпляр — единственный в долине Инда, датировать его невозможно, пока не будет найдено других образцов. Однако в Шумере в это же время проушные орудия представляли вполне обычное явление; хотя до сих пор там не было обнаружено ни одного орудия, имеющего определенное сходство с топором из Мохенджо-Даро. Недавно в Мохенджо-Даро была найдена глиняная модель единственного в своем роде топора с рукояткой и окрашенным под цвет металла обухом. Этот топор также имеет проух и является определенным доказательством того, что местные металлурги были знакомы с проушными орудиями.

К числу наиболее интересных из всех найденных до сих пор орудий принадлежит бронзовая пила (табл. XXIII, 1) длиной 42 см, имевшая некогда широкую деревянную ручку; три отверстия для заклепок указывают место, которым она прикреплялась. В этой пиле поражает то, что для предотвращения зажима при пилке зубчатый край ее сделан волнистым, что можно сопоставить с современным способом разводки для той же цели зубья. До сих пор древнейшими пилами с приспособлением против зажима считались пилы, найденные при раскопках в Риме; поэтому находка экземпляра, относящегося к значительно более раннему времени и к тому же столь хорошо сохранившегося, представляет чрезвычайный интерес.

К числу важнейших находок в Мохенджо-Даро принадлежат два прекрасно сохранившихся медных меча или кинжала, больший из которых имеет 47 см в длину, не считая отсутствующей рукоятки (табл. XXIII, 2). Оба для прочности в середине значительно утолщены, но, судя по их тупым остриям, они применялись скорее в качестве рубящего, чем колющего оружия. Мечи, относящиеся к столь ранней эпохе, вообще чрезвычайно редки во всех странах; пока единственным экземпляром, который может сравниться с образцами из Мохенджо-Даро, является меч, найденный в Палестине в Тель-эль-Аджжале Флиндерсом Петри, который относит его к периоду Древнего царства Египта, примерно совпадающему со временем существования Мохенджо-Даро.

Наконечники копий, применявшиеся в городах долины Инда, весьма своеобразны; самые крупные из них, сделанные из очень тонкой бронзы, имеют свыше 38 см в длину и 12 см в ширину. Такой наконечник, вероятно, очень легко гнулся; для предотвращения этого его, повидимому, подобно просверленным насквозь наконечникам с Кипра и Кикладских островов, прикрепляли с помощью ремней или проволоки, продевавшихся через специальные отверстия, к конусообразному деревянному стержню, составлявшему одно целое с древком. Но несмотря на это приспособление, служившее для придания наконечнику прочности, края его, должно быть, часто искривлялись; до сих пор остается загадкой, почему люди культуры Хараппы так экономили металл на наконечниках копий, в то время как они щедро расходовали и медь и бронзу на изготовление других орудий. Были обнаружены также небольшие широкие лезвия, служившие, как полагают, наконечниками острог.

Кинжалы сильно напоминают простейшие формы ножей, и иногда их бывает трудно отличить от последних. Они довольно велики и имеют листовидную форму; у некоторых кинжалов грубо намечено осевое ребро, но чаще они бывают плоскими. У них имеется нечто вроде зачаточной формы черенка с отверстиями для заклепок или без них.

Было найдено большое количество ножей различной, часто весьма своеобразной формы. Широко распространен нож с одним лезвием и загнутым кверху острием; возможно, что он имел какое-то специальное применение, например в кожевенном деле. Очень часто встречается также широкий нож листовидной формы с двумя лезвиями. Большая часть ножей была, повидимому, вырезана из листового металла, и многие из них точились так часто, что их лезвия заметно вогнуты. Довольно хорошо сохранившаяся часть первоначальной рукоятки одного ножа состоит из дерева того самого вида (*Dalbergia sisu*), который и теперь обычно применяется для изготовления ручек инструментов. Выше уже упоминалось о многочисленных находках кремневых ножей,

которые были в широком употреблении у людей культуры Хараппы.

Распространены наконечники стрел с заостренными крыло-видными шипами, сделанные из тонкого листового металла (табл. XXI, 1), но каменных наконечников в городах долины Инда до сих пор не было найдено. Наконечникам стрел, повидимому, придавали прочность таким же способом, как и наконечникам копий, т. е. при помощи деревянного стержня; но вследствие небольших размеров стрел эти стержни, вероятно, не привязывали, а приклеивали.

Близость реки, славящейся прекрасной рыбой, делает понятным широкое распространение в Мохенджо-Даро рыболовных крючков (табл. XXI, 2). Они изготовлены из бронзы и снабжены бородкой, а на другом конце — ушком для прикрепления к лесе. Только в одном или двух случаях острие крючка загнуто, но это могло произойти случайно. Было найдено несколько крючков, обмотанных хлопчатобумажными нитками или веревками; вполне возможно, что эти крючки принадлежали детям.

Люди культуры Хараппы пользовались по меньшей мере четырьмя видами бритв. Наиболее распространенная бритва имеет два лезвия различной формы и длинную стержнеобразную ручку (табл. XXI, 3, 5). Другая имеет форму буквы Г (табл. XXI, 4), а у третьей ручка загнута назад, параллельно тупой стороне, и заканчивается утиной головкой. Четвертый вид бритвы, встречающийся очень редко, представляет собой длинное тонкое прямое лезвие с округленным концом. Возможно, что некоторые из этих бритв служили для удаления волос как на лице, так и на теле; судя по их многочисленности, их, повидимому, употребляли и мужчины и женщины.

В большом количестве встречаются долота. Все они имеют симметричное в сечении лезвие и сделаны из круглых или прямоугольных медных и бронзовых стержней. Некоторые из них напоминают образцы, найденные на других местах древних поселений, но одна разновидность с плоским, значительных размеров черенком присуща только древним городам долины Инда.

На некоторых орудиях клада из медных предметов, обнаруженного в одном из ранних слоев Мохенджо-Даро, вырезаны пиктографические знаки (ср. табл. XXII, 2) и нечто вроде цифр. В Хараппе надписанные орудия и оружие встречаются гораздо чаще, и это обстоятельство, наряду с некоторыми другими, послужило поводом для предположения, что Хараппа является несколько более древним городом, чем Мохенджо-Даро, хотя невозможно сказать, была ли она также первая покинута населением. Этот обычай вырезать на орудиях имена или цифры останется, конечно, необъясненным до тех пор, пока

письмо не будет расшифровано; впрочем, было высказано предположение, что клад в Мохенджо-Даро являлся храмовой или государственной собственностью и предметы были перенумерованы во избежание воровства. В древнем Египте на орудиях иногда вырезали номера именно по этой причине.

Из бронзы отливались статуэтки людей и животных, а также модели повозок (табл. XXI, 13). Изделия свидетельствуют о высоком уровне техники литья; применялся метод литья по восковой модели, хорошо известный в Шумере и древнем Египте. Маленькая бронзовая статуэтка танцовщицы (табл. XXI, 7) является шедевром литейного искусства; не многим уступает ей по мастерскому исполнению и маленькая фигурка буйвола (табл. XXI, 12). Кроме посуды не было найдено никаких кованых изделий, но вполне возможно, что ковка применялась при изготовлении более крупных произведений скульптуры, сходных по типу с найденными в Шумере и Египте, не дошедших до нас или, что вероятнее, еще не откопанных. Во всяком случае не может быть, повидимому, никакого сомнения в том, что кузнецы занимали видное место среди жителей древних городов долины Инда и имели в своем распоряжении достаточное количество материала, чтобы упражняться в своем искусстве.

Свинец был также известен и подвергался обработке, но до сих пор из посуды найдено только одно небольшое свинцовое блюдо. Свинцовых фигурок людей и животных также не было обнаружено. При раскопках свинец попадает обычно в виде кусков неправильной формы. Иногда он встречается в качестве примеси к меди или бронзе, но металлурги, повидимому, так и не догадались, что добавление в умеренном количестве свинца при выплавке бронзы значительно облегчило бы отливку. Обработка свинца в Индии началась с очень ранних времен; несомненно, он добывался в большом количестве. Возможно, правда, что большая часть серебра, если не все серебро, добывалась из свинцовой руды, так как этот процесс чрезвычайно прост.

Изрядное количество булав грушевидной или чечевицеобразной формы указывает на широкое распространение этого вида оружия. Наиболее употребительным материалом для грушевидных булав служили твердый кремнистый известняк и алебастр; чечевицеобразные булавы обычно делались из твердого темно-зеленого камня. Последнему материалу, судя по количеству находок, отдавалось предпочтение. До сих пор на булавах как той, так и другой формы не было обнаружено никаких надписей или украшений.

В Мохенджо-Даро были найдены в большом количестве ручные зернотерки, сделанные из твердого песчаника и применявшиеся для растирания зерна. Их основанию придавалась выпуклая форма, возможно потому, что так их было легче укреплять в земле; впрочем, модели из обонх городов показывают, что во

избежание утери муки зернотерки иногда ставились на большие блюда. В число хлебных злаков, известных раннему населению долины Инда, входили пшеница и ячмень; об этом свидетельствуют найденные при раскопках зерна этих злаков, почерневшие и обуглившиеся, но сохранившиеся настолько, что их удалось определить как *Triticum sphaerococcum* и *Hordeum vulgare*. Другие камни с большими углублениями служили, возможно, для изготовления порошка курри; местные рабочие, участвовавшие в раскопках поселения, заявили, что они растирают зерно при помощи точно таких же камией.

Были найдены также палетки, обычно из шифера, хотя наряду с ними применялись и плоские естественные гольши. Как те, так и другие не требуют особого описания; употреблялись они, повидимому, для растирания красок, так как на некоторых сохранились следы красной охры. Эта краска, вероятно, находила самое разнообразное применение и, в частности, употреблялась для грунтовки глиняной посуды.

Чрезвычайно широко распространены каменные гири, сделанные почти всегда из тщательно отполированного сланца, иногда с красивыми прожилками (табл. XXIV, 2, 3, 4). Наиболее распространенной формой является куб; гири такого типа встречаются от самых маленьких до сравнительно крупных; максимальный вес их — 274,938 г. После гирь этого типа наиболее часто встречаются шаровидные гири с плоской верхушкой и основанием; среди них были также обнаружены довольно крупные образцы. Гири третьего типа, бочковидной формы, сходны с гирями, найденными в Египте, Шумере и Эламе. Некоторые, наиболее тяжелые гири — одна из них весит свыше 11 кг — имеют коническую форму и наверху просверленное с двух сторон отверстие для металлического или веревочного кольца, за которое их поднимали.

Из других пород камня для изготовления гирь употреблялись алебастр, известняк, кварцит, шифер и яшма, но преобладал сланец; для кубических гирь применялся только этот камень. Сначала от камня откалывали чешуйки, придавая ему грубую форму куба, затем сглаживали с помощью абразива и, наконец, полировали. Гирь с номерами или какими-нибудь иными знаками найдено не было, за исключением одной бочкообразной гири, на которой имеются два углубления; возможно, впрочем, что эти углубления были сделаны для уточнения веса гири. Известны также гири из гольша, но они встречаются очень редко.

А. С. Хемми, исследовавший гири из Мохенджо-Даро, а также некоторые образцы из Хараппы, утверждает, что применявшаяся система весов была основана на удвоении для небольших гирь и на удесятерении — для более крупных, при соблюдении соотношения $\frac{1}{3}$, 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 160, 200, 320, 640, 1600, 3200, 6400, 8000, 12800, и что единица веса равнялась 0,8565 г.

Тот же ученый придерживается мнения, что, за исключением, быть может, очень немногих гирь, система, которой пользовались люди культуры Хараппы, не имеет ничего общего с вавилонской; несмотря на то, что одна группа гирь сильно напоминает древне-египетские «бека», Хемми рассматривает ее как совершенно независимую.

Принимая во внимание многочисленность найденных в Мо-хенджо-Даро гирь, надо признать, что среди них очень мало неполновесных, или рассчитанных на обман; это обстоятельство указывает на наличие в городе строгого торгового регламента.

Немногочисленные весы самого обычного типа состоят из бронзового стержня с медными подвесными чашками. Несколько глиняных чашек для весов представляют собой, возможно, игрушки, сделанные детьми. Конечно, для больших тяжестей должны были применяться весы с более крупными коромыслами, но они, без сомнения, изготовлялись из дерева. Ничто не свидетельствует о знакомстве жителей этих городов с безменом.

Был обнаружен только один инструмент для измерения длины (табл. XXIV, 9), да и от того сохранился лишь обломок, представляющий собой узкую полоску раковины с нанесенными на ней делениями шириною 6,7 мм, из которых осталось девять. Погрешность в делениях этой линейки не превышает в среднем 0,07 мм, и две различных отметки говорят о том, что когда-то она составляла часть более длинного измерительного инструмента, основанного на десятичной системе. Вероятно, в своем первоначальном виде эта линейка состояла из отдельных частей, соединенных между собой металлическими полосками. Выбор для этой цели раковины был чрезвычайно удачен, так как этот материал не коробится и не обладает способностью расширяться или сжиматься при изменении температуры. Несомненно, уже тогда, а возможно, и еще раньше, десятичной системой счисления пользовались также и за пределами Индии; так, она встречается на протоэламских табличках и на табличках из Джемдет Насра в Месопотамии.

До сих пор еще не выяснено назначение определенного вида подставок, отличающихся особенно тщательной обработкой. Эти подставки, обычно в форме полушария, имеют наверху круглое углубление, в котором иногда бывают сделаны отверстия для шипов. Диаметр их равняется приблизительно 15 см, высота 7,6 см. Материалом для них служит белый или цветной известняк или адебастр. Некоторые образцы украшены орнаментом, а на одной очень красивой подставке вырезан узор в виде трилистников, который когда-то был инкрустирован раковинами или цветной пастой. Поскольку в древних городах долины Инда, как и в Шумере, трилистник был, повидимому, священным знаком, можно предположить, что эти подставки поддерживали

какой-то ритуальный предмет, который, судя по тому, что он не сохранился, был сделан, повидимому, из дерева.

Точильные камни встречаются отнюдь не так часто, как, например, в шумерийских поселениях, и трудно понять, каким образом лезвия орудий и инструментов сохранялись острыми. Возможно, что для натачивания инструментов применяли кирпич, так как найденные немногочисленные точильные бруски не отличаются высоким качеством; большая часть их сделана из шифера, хотя есть образцы и из песчаника. Судя по состоянию краев некоторых предполагаемых точильных камней, они чаще применялись для полировки металла, чем для натачивания лезвий.

Глиняный подсвечник (табл. XXVI, 5) дает ответ на вопрос, как освещались дома, — до сих пор не было найдено ни одной плоски или какого-нибудь другого сосуда, сохранившего на краях отчетливые следы нагара, по которым можно было бы установить, что это светильник. Однако растительное масло, повидимому, применялось в городах долины Инда для освещения, поскольку в тот же самый период светильники такого рода были известны в соседних странах. Как бы то ни было, находка, свидетельствующая о применении свечей в столь глубокой древности, представляет чрезвычайный интерес.

Выше уже упоминалось, что в Мохенджо-Даро, а вероятно, и в Хараппе, пряли хлопок и изготовляли из него ткани. Многочисленные находки пряслиц с округлой верхней частью и плоским или слегка выпуклым основанием указывают на то, что женщины, а возможно и мужчины, проводили значительную часть своего досуга за прядением нитей, несомненно хлопчатобумажных, так как большая часть пряслиц слишком мала и легка для прядения упругого древесного волокна. Были найдены пряслица, сделанные из обожженной глины, раковины, фаянса или стекловидной пасты; в тех редких случаях, когда они имеют орнамент, последний отличается чрезвычайной простотой. Встречаются пряслица с одним отверстием или с двумя и тремя отверстиями для вильчатого веретена, а у некоторых по краю проходит желобок, служивший, вероятно, для сглаживания неровностей нитки.

Раковина, которая так широко применялась для инкрустаций, бус и различного рода украшений, относится к весьма распространенной в Индийском океане и Персидском заливе разновидности (*Fasciolaria trapezium*, по классификации Линнея). Из раковины, после того как сглаживалась ее внешняя шероховатая поверхность и вычищалось содержимое, можно было, приделав к ней ручку, получить очень удобный черпак; такого рода черпаки широко употреблялись в древней долине Инда и в Шумере того же времени. Вероятно, они использовались для самых различных целей, так как они заметно отличаются друг

от друга по величине — длина их колеблется от 2,5 до 23 см. Миски, сделанные из цельной раковины, встречаются реже, чем черпаки; возможно, они представляли слишком большую ценность, чтобы их можно было бросить при уходе из города. Очевидно, раковина была распространенным материалом, несмотря на то, что она непригодна для крупных изделий.

Были найдены глиняные сосуды круглой или прямоугольной формы, имеющие внутри спирали наподобие раковины улитки. Установлено, что это формы для печения типа тех, которые употребляются в Индии до сих пор. Особенный интерес представляют глиняные или каменные скалки, применявшиеся для изготовления маленьких плоских вафель, которые и сейчас являются в Индии распространенным лакомством. В Чанху-Даро была найдена маленькая глиняная ложечка (табл. XXV, 1).

Встречаются грузила для сетей, имеющие форму кольца и весьма напоминающие маленькие браслеты. Аналогичные кольца были найдены Франкфортом в Телль Асмаре вместе с еще присоединенными к ним остатками рыболовной сети. Месопотамские грузила датируются той же эпохой, что и найденные в городах долины Инда.

Тонкие глиняные плитки прямоугольной формы с проделанным на одном конце ушком могли служить табличками для письма. Они невелики — длина их составляет от 10 до 18 см — и некогда, несомненно, подобно деревянным табличкам, употребляемым до сих пор в Индии, были покрыты каким-то гладким веществом, с которого написанное легко смывается. В Чанху-Даро найдена маленькая глиняная баночка, представляющая собой, по всей вероятности, чернильницу (табл. XXV, 2).

До сих пор остается неизвестным назначение нескольких стержней из слоновой кости круглой формы, постепенно суживающихся до притупленного острия; самый крупный из них имеет в длину около 20 см. Эти стержни хорошо отполированы и украшены с обоих концов незамысловатым резным узором, заполненным черной краской; предполагают, что во всяком случае меньшие из них служили в качестве застежек для плащей.

Слоновая кость была не так широко распространена, как раковина — возможно, потому, что добыча ее стоила дороже, хотя есть основания полагать, что слоны уже водились в Сииде 4500 лет тому назад.

Глава VI

ИСКУССТВА И РЕМЕСЛА

Глиняная посуда жителей долины Инда, как расписная, так и гладкая, отличается большим разнообразием. Почти вся орнаментированная керамика покрыта непрозрачным красным грунтом, на котором густой черной краской нанесены различные узоры. Глина, применявшаяся как для гладкой, так и для расписной керамики, добывалась, повидимому, на берегу протекавшей поблизости реки и смешивалась с песком, содержащим обычно большой процент слюды или мелких крупинок извести; иногда известь попадает и в виде довольно крупных частиц. Глиняная посуда, сделанная в Мохенджо-Даро, по форме и орнаменту очень мало отличается от хараппской, и только в сравнительно редких случаях можно определенно сказать, какому городу принадлежит тот или иной сосуд.

Наличие правильных бороздок внутри чуть ли не каждого сосуда указывает на то, что все они, почти без исключения, были вылеплены на гончарном круге. Судя по обычаю, принятому в одной современной деревне близ Мохенджо-Даро, эту работу совершали мужчины, тогда как женщины занимались окончательной отделкой посуды и наносили краской узор.

Хотя до сих пор не было найдено ни одного гончарного круга, так как они делались из дерева, печи для обжига горшков сохранились. Это были круглые сооружения, диаметром от 1,8 до 2,1 м; пол их имеет отверстия, на которые ставились сосуды. В пространстве под полом разжигали огонь; топили дровами, которые подкладывались снаружи, а дым вытягивался через отверстие в куполообразной крыше; впрочем, ни у одной из печей не сохранилось этой верхней части. За нагревом, видимо, внимательно следили, так как большая часть посуды хорошо обожжена; было обнаружено лишь несколько пережженных сосудов, но и они сохранили свою форму, так что ими можно было пользоваться.

Чаще всего для грунтовки при окраске посуды применялась красная охра; ее могли добывать где-нибудь в самом Синде или ввозить с острова Хормуц в Персидском заливе, откуда в

настоящее время экспортируется в Индию охра прекрасного качества.

Вылепленный на гончарном круге горшок покрывали толстым слоем охры и, когда она высыхала, тщательно ложили куском кости или голышом. В результате после обжига получались красивые блестящие сосуды, лучшие экземпляры которых по своему блеску, цвету и общему виду напоминают китайскую краснолаковую посуду. Орнамент, частично встречающийся также и на керамике других стран древнего мира, частично же свойственный исключительно долине Инда, наносился на красную поверхность кистью перед обжигом; материалом для этого служила густая черная или красновато-черная краска, изготовлявшаяся из красного железняка, содержащего марганец. Наиболее распространен орнамент в виде находящих друг на друга кружков (табл. XXVI, 3; XXVII, 8, 13); этот рисунок не встречается на посуде других древних культур; надо сознаться, что в тех случаях, когда он является единственным украшением сосуда, он представляется довольно путаным. В тех случаях, когда сосуд для правильности нанесения рисунка предварительно размечался на квадраты, кружки выведены более тщательно; однако в большинстве случаев рисунок, очевидно, наносился наглаз, в результате чего он представляется иногда таким запутанным, что, если бы не наличие более совершенных образцов, определить характер узора было бы невозможно.

Другим излюбленным орнаментом является мотив деревьев; этот рисунок располагается обычно метопами, или полосами, в чередовании с другими мотивами. Также и в этом случае некоторые узоры сделаны отчетливо, а другие совершенно выродились и состоят просто из проведенных на некотором расстоянии друг от друга вертикальных линий, изображающих стволы, и горизонтальных волнистых линий между ними, обозначающих ветви. Очень распространенный рисунок, напоминающий большой гребень (табл. XXVII, 7), встречается вместе с солнечным знаком и другими эмблемами, из которых некоторые трудно определить. Другой, также распространенный орнамент состоит из черных клеток, чередующихся в шахматном порядке с клетками, образованными красным фоном. Треугольники (табл. XXVII, 10), расположенные в один, два и реже три ряда, иногда попеременно красные и черные, образуют, если они повторяются не слишком часто, очень красивый узор.

Широко распространена штриховка (табл. XXVII, 10) как средство отделения одного треугольника, квадрата или какого-либо иного мотива от другого; пожалуй, лучше всего она выглядит в соединении с чешуйчатым орнаментом, особенно часто встречающимся в Мохенджо-Даро. Нередко для внесения разнообразия в основной узор сосуда окаймлялись узкими полосками, а шейки некоторых сосудов украшены цепочкой

овалов — иногда отделенных друг от друга штрихованными промежутками, — изображающих, очевидно, бусы (табл. XXVI, 3). Хорошо известны также и более широкие бордюры с заштрихованной средней частью или с орнаментом из кружков или косых черточек, наклон которых для разнообразия меняется через определенные промежутки.

Фигуры зверей, птиц (табл. XXVII, 2, 7, 12), змей или рыб (табл. XXVII, 5), особенно змей и рыб, встречаются реже, чем условный орнамент. Изображения на сосудах зверей, например каменного козла или антилопы, или различных птиц чередуются с полосами отвлеченного орнамента; при этом фигуры животных обычно не закрашены целиком, а покрыты штриховкой, возможно, во избежание впечатления тяжеловесности. Звери обычно изображаются вместе с растительной природой, травой или листьями, а птицы — на деревьях или возле них. Из сцен такого типа особенно хороша одна, представляющая в обрамлении кустов двух лесных птиц, предков современной курицы. Был найден только один расписной кувшин с изображением животных, расположенных вереницей друг за другом — мотив орнамента, хорошо известный как в Эламе, так и в Шумере, — но этот единственный экземпляр по форме и сорту глины отличается от всех остальных найденных здесь сосудов и, по видимому, имеет иноземное происхождение. Фигуры людей не встречаются на сосудах из Мохенджо-Даро, в то время как на одной черепке, найденной в Хараппе, изображены фигуры мужчины и ребенка.

Сосуды редко бывают покрыты узором сплошь. Как правило, около четвертой части поверхности крупных сосудов остается неорнаментированной, а именно нижняя часть, которая, возможно, закрывалась подставкой или закапывалась в землю. Сосуды меньших размеров часто имеют посередине или на плечиках широкую полосу, обрамленную сверху и снизу более узкими полосками краски, тогда как другие сосуды, особенно наиболее крупные, применявшиеся для хранения продуктов, орнаментированы только широкими, расположенными попарно горизонтальными полосами черного или красновато-черного цвета, которые обычно покрывают всю поверхность сосуда, за исключением небольшой части у основания.

Толстый слой описанного уже блестящего красного грунта служил не только для декоративных целей, но также для замазывания пор в гончарных изделиях во избежание выветривания. Так как большие сосуды предназначались главным образом для воды, нужно было придумать какое-то средство против просачивания; возможно, именно с этой целью некоторые большие сосуды покрывались изнутри особым составом, содержащим в основном битум.

Довольно редким типом расписной керамики являются изделия, разрисованные краской из марганца по грунтовке кремневого

цвета или по естественному светлокрасному или красновато-желтому фону самого сосуда. Иногда эта краска имеет заметный красноватый оттенок, но чисто красная краска, за исключением той, которая применялась для грунтовки, при росписи одноцветной посуды почему-то не употреблялась. Иногда попадаются небольшие сосуды, покрытые многоцветной росписью, но краска на них — красная, черная, зеленая и, очень редко, желтая, — за исключением красной и черной, сильно облупилась; нет никакого сомнения, что она наносилась на сосуд уже после обжига. Чаще всего такого рода роспись встречается на белом грунте, но иногда белый цвет используется в качестве отдельной краски, и весь узор наносится на естественную поверхность сосуда. Однако многоцветная керамика встречается очень редко; кроме двух сильно испорченных сосудов, все найденные образцы представляют собой мелкие черепки, а из узоров до нас сохранились только находящиеся друг на друга кружки, трилистник и один-два мотива растительного орнамента. Все это не имеет ничего общего с орнаментом многоцветной керамики Элама или Шумера.

Полихромная керамика была, однако, найдена и на местах других древних поселений в Индии: Маджумдар при раскопках близ Амри, местечка приблизительно в 130 км к югу от Мохенджо-Даро, нашел под слоем времен Хараппы большое количество гончарных изделий с орнаментом, нанесенным красной и черной краской по розоватому или кремовому грунту, а Харгривс обнаружил в Наля в Белуджистане, примерно в 180 км к северо-западу от Мохенджо-Даро, полихромную керамику, причем зеленая краска на этих сосудах имеет тот же состав, что и краска, которую применяли иногда люди культуры Хараппы. Эту керамику еще не удалось точно датировать: Харгривс относит ее к периоду до Мохенджо-Даро и Хараппы, О. Штейн, напротив, — к более позднему периоду, а Чайлд считает, что она относится примерно к тому же времени, что и эти города долины Инда. Некоторые особенности полихромной керамики как из Наля, так и в особенности из Амри свидетельствуют о том, что керамика такого типа изготовлялась в Индии еще до эпохи культуры Хараппы; однако в период расцвета цивилизации Хараппы ремесло это, повидимому, пришло в упадок. Полихромная керамика, изредка встречающаяся в Мохенджо-Даро, не употреблялась, конечно, для обычных целей; керамика из Наля, как и ранняя крашенная керамика из Суз в Иране, применялась, как полагают, исключительно в качестве могильного инвентаря.

Прежде чем перейти к другим типам керамики, следует упомянуть, что в одной деревне близ Мохенджо-Даро до сих пор изготовляют расписную посуду и пользуются при этом теми же красками для росписи и грунтовки, которые употреблялись в Мохенджо-Даро в древности, хотя формы сосудов совершенно

инные. Горшечники в этой деревне применяют усовершенствованный гончарный круг с ножным приводом, в отличие от многих других мест Индии, где до сих пор еще служит примитивный ручной круг, почти наверное такой же, как и тот, что употреблялся в Мохенджо-Даро; интересно, однако, отметить, что в этой деревне горшки обжигают прямо на земле, прикрыв их топливом, тогда как в древнем городе была широко распространена благоустроенная гончарная печь.

Простая, неорнаментированная керамика представляет в Мохенджо-Даро гораздо более обычное явление, чем расписная, хотя глина в обоих случаях применялась одна и та же. Расписная керамика попадает чаще в нижних, чем в верхних слоях, что служит признаком постепенного упадка этого ремесла.

Правда, во втором холме Чанху-Даро в слое культуры Джхукара, следующей по времени за культурой Хараппы, было найдено большое количество образцов расписной керамики; однако эти изделия заметно отличаются по выработке, технике и орнаменту от керамики Мохенджо-Даро и Хараппы и принадлежат, несомненно, совершенно другому народу (табл. XXVIII). Вместо одноцветного орнамента на расписной хараппской посуде, наносившегося черной краской по красному грунту, гончары культуры Джхукара применяли две краски, красную и черную, по кремовому или розоватому грунту. Расписная керамика людей культуры Джхукара имеет преимущественно геометрический орнамент; там, где употребляется растительный орнамент, он в высшей степени условен и не имеет никакого сходства с натуралистическими рисунками на хараппской керамике.

Как правило, неорнаментированная керамика людей культуры Хараппы покрыта кремовым или розоватым, иногда красным, грунтом, украшение же составляют одни черные линии. У некоторых типов сосудов верхняя часть покрыта грунтовкой шоколадного цвета.

Другого рода гончарные изделия, встречающиеся значительно реже, сделаны из серой глины, не изменяющей своего цвета при обжиге, и обычно бывают покрыты толстым слоем черной грунтовки. Эта глина, в отличие от обычной, повидимому, редко нуждается в отощении; она имеет своеобразную, гладкую на ощупь поверхность. Сосуды как с грунтовкой, так и без нее всегда тщательно вылощены, причем следы, оставленные лощилом, обычно расположены в горизонтальном направлении. Очень похожая по цвету керамика известна и в Шумере; однако слои, в которых она встречается, датируются более ранним временем, чем слои Мохенджо-Даро, содержащие подобные сосуды.

Весьма редко встречается тонкая, своеобразной формы керамика из плотной, светлокрасной глины, менее пористая, чем обычные красные сосуды. До сих пор неясно, были ли эти сосуды привозными или они изготовлялись из той же глины, что

и обычные, с той лишь разницей, что эта глина тщательно растиралась до превращения ее в ровную пасту.

Гончарное производство древних городов долины Инда отнюдь нельзя назвать примитивным; сосуды отличаются разнообразием форм и высокой техникой и, в сущности, почти все без исключений свидетельствуют о том, что люди, изготовлявшие их, хорошо владели своим ремеслом, развивавшимся на протяжении столетий. Однако лишь немногие образцы можно сравнить с керамикой Элама или Шумера; впрочем, высокие вазы, состоящие из плоского блюда на расширяющейся книзу ножке, напоминают некоторые экземпляры, найденные в Кише, Уре и Фаре в Вавлонии. Вазы культуры Хараппы, подобно шумерийским, сделаны из двух частей, тщательно скрепленных глиняной замазкой; попадающиеся в Мохенджо-Даро чашеобразные крышки для сосудов, имеющие посредине выступающую ручку, встречаются еще только в Джамдет Насре — поселении, относящемся к эпохе, предшествующей раннединастическому периоду Шумера, который соответствует хронологически культуре Хараппы.

Ручки на глиняных сосудах из Хараппы и Мохенджо-Даро встречаются очень редко; обычно они имеют вид или плоского ушка с отверстием или петли, заходящей на край сосуда; первые встречаются на маленьких чашечках, вторые — на больших чашах. Отсутствие ручек не является, однако, признаком примитивной работы; сосуды с ручками были распространены в очень ранние времена в Египте и Вавлонии и после перерыва снова появились уже гораздо позднее. Характерные вавилонские сосуды с носиками в городах долины Инда не встречаются, за исключением нескольких чашек, предназначавшихся, вероятно, для кормления маленьких детей; подобные чашки были также найдены в относящихся к тому же времени слоях Шумера. Маленькие глиняные или бронзовые сосудики с очень узким отверстием изготовлялись, несомненно, для черной краски, применявшейся для подведения глаз.

Весьма своеобразный тип керамики представляют сосуды, украшенные снаружи рядами тесно посаженных шишечек (табл. XXVI, 4). Неизвестно еще, изготовлялись ли эти сосуды с рельефным орнаментом в самом Мохенджо-Даро, так как при раскопках было найдено всего лишь несколько экземпляров. Франкфорт нашел в Тель-Асмаре в Вавлонии аналогичные сосуды, которые он считает привозными; интереснее всего, что образцы из Тель-Асмара найдены в слое, относящемся примерно к эпохе Мохенджо-Даро и Хараппы. Находок такого рода имеется достаточно для того, чтобы большинство ученых могло убедиться, что предложенная нами датировка Мохенджо-Даро является правильной с точностью до одного-двух веков.

Другой довольно своеобразный тип сосуда, высота которого колеблется от 3,8 до 51 см, представляет собой цилиндр, покрытый сплошь маленькими, беспорядочно разбросанными дырочками. Первое время никак не могли определить назначение этого предмета, но когда О. Штейн нашел в Белуджистане один экземпляр, наполненный пеплом, стало очевидно, что он служил грелкой или жаровней. Возможно, что самые маленькие из этих сосудов применялись для согревания рук, подобно тому как еще сравнительно недавно в Англии для этой же цели употреблялись две раковины от устрицы с вложенным между ними горящим угольком.

Посетители музея в Мохенджо-Даро неизменно бывают поражены обилием и прекрасной обработкой крошечных сосудов, найденных на территории города; в некоторых случаях эти сосуды имеют в высоту менее 13 мм. Среди них много глиняных, но большинство сделано из фаянса; существует мнение, что некогда в них хранились редкие и дорогие благовонные масла. Это предположение представляется весьма правдоподобным; впрочем, крошечная, исключительно тонкой работы вазочка, слишком плоская, чтобы она могла служить каким-либо вместилищем, заставляет думать, что некоторые из этих маленьких сосудов могли представлять собой игрушки; с другой стороны, вполне возможно, что в эту вазочку наливали духи для распространения в помещении аромата.

Маленькие, разделенные перегородками подносики слишком мелки и пористы, чтобы они могли употребляться для жидкостей; повидимому, это были судки для разного рода приправ, которые до сих пор подаются к столу в Индии. У некоторых из этих подносиков имеются ручки, чтобы их было удобнее передавать за столом.

Орнамент насечкой встречается на керамике (табл. XXVII, 11) редко, причем лишь на внутренней стороне глубоких мисок и на верхней части высоких плоских ваз; в первом случае он имел, повидимому, не столько декоративное, сколько практическое назначение; иногда он представляется скорее вдавленным, чем вырезанным. Своеобразные сосуды, у которых слой светлого грунта частично снят с помощью какого-то инструмента вроде гребня, так что наружу проглядывает более темная глиняная поверхность, могли быть привозными. Во всяком случае наличие этих сосудов в Мохенджо-Даро представляет большой интерес. Такие же сосуды встречаются в Уре и в Телль-Асмаре в слоях раннединастического периода; возможно, именно поэтому в поселениях Индии они попадают только в нижних слоях.

Маленькие плоские черепки с вырезанными на них треугольными углублениями являются, повидимому, фрагментами глиняных шкатулок или подставок; подобный орнамент встречается иногда на ранних сосудах Египта, Шумера и Элама.

К сожалению, образцы из Мохенджо-Даро очень мелки, а среди памятников других древних поселений орнамент такого рода встречается преимущественно на ножках плоских подставок. Несомненно, это уменьшало вес последних. Было высказано предположение, что высокие ножки шумерийских подставок, сделанные как из глины, так и из камня, копировали тростниковые подставки такой же формы, которые и теперь можно часто видеть на железнодорожных станциях Индии, где они служат подпорками для лотков торговцев сладостями; вероятнее всего, для той же цели они применялись и на рынках древних городов долины Инда.

Хотя в Хараппе клейма на глиняной посуде встречаются довольно часто, в Мохенджо-Даро они редки и представляют собой преимущественно известные уже по печатям-амулетам письменные знаки, нацарапанные на плечиках больших сосудов. Как это ни странно, не было найдено ни одного черепка с более или менее длинной надписью; возможно, для письма употреблялись какие-то легко растворяющиеся чернила, следы которых с течением времени совершенно стерлись. Впрочем, в Мохенджо-Даро был найден черепок, с одной стороны которого выцарапано грубое изображение судна, а на обороте два пиктографических знака.

Почти все без исключения сосуды из Мохенджо-Даро имеют обыкновенные плоские доньшки, хотя некоторые из них очень узки. Немногочисленные полые поддоны встречаются только у вылепленных от руки небольших сосудов, которые, судя по отделке, были изготовлены и обожжены в домашних условиях. Как упоминалось выше, полы делались преимущественно из утрамбованной земли или выкладывались кирпичом; следовательно, на них нельзя было ставить круглодонные и остродонные сосуды. Такие сосуды, как, например, некоторые круглые сосуды для хранения припасов, снабжались, по всей вероятности, специальными деревянными или глиняными подставками. Однако встречающиеся в долине Инда кольцеобразные глиняные подставки, сильно напоминающие подставки, найденные в других странах, сравнительно редки. Как известно, некоторые сосуды для хранения припасов были частично врыты в землю.

Содержимое некоторых описанных выше больших сосудов свидетельствует о том, что они часто применялись для хранения продуктов, а их гладкая, лощеная внешняя поверхность представляет собой надежную защиту от крыс. Другие сосуды, найденные под полами различных домов, служили для хранения соевых бобов; такой способ хранения драгоценностей распространен на Востоке и в наши дни. Наконец, как уже упоминалось, бедняки, у которых не хватало средств на устройство выложенных кирпичом ям, использовали большие сосуды вместо выгребных ям (табл. XIII, 3, 5). В Месопотамии были найдены горшки, поставленные один на другой и служившие вертикальными

стоками. В Мохенджо-Даро такой способ канализации никогда не встречается; более простым и удобным считалось, очевидно, применение глиняных труб (табл. XIII, 2), хотя оно и не имело повсеместного распространения.

В этих древних городах даже битая керамика находила себе применение: черепки употреблялись в качестве скребков; обточенные в виде кружочков, они служили игральными шашками, а иногда их настилали как пористую прокладку под полами комнат для омовения.

Предполагают, что некоторые менее крупные глиняные сосуды служили в качестве чаш для питья, которые, как это принято у некоторых каст и в современной Индии, после употребления разбивались. Однако нет никаких признаков существования кастовой системы в Индии периода цивилизации Хараппы; к тому же среди разбитых сосудов только один тип встречался действительно в большом количестве. Такого рода сосуды, высотой в среднем около 15 см, имеют ярко выраженное острое дно и сильно шероховатый корпус; они слишком велики и неудобны, чтобы их можно было держать одной рукой. Хотя у нас нет прямых доказательств знакомства жителей Мохенджо-Даро и Хараппы с водяным колесом, форма и характер этих сосудов определенно заставляют думать, что они использовались для водяного колеса; при таком объяснении становится понятным и такое широкое их производство и такое количество разбитых сосудов. Несколько больших куч мелких, плохо обожженных черепков было найдено недалеко от гончарных печей; несомненно, это обломки бракованных экземпляров.

Известен только один зооморфный сосуд; он сделан в форме лежащего барана, имеющего на спине глубокую впадину, которая могла служить чернильницей. Бросается в глаза отсутствие двойных сосудов, сосудов на трех ножках или с рельефным изображением животных. В посуде людей культуры Хараппы в значительной степени сказывается та же практичность, которая столь характерна для их архитектуры; если можно судить о складе ума того или иного народа на основании изготавливаемой им керамики, то следует сказать, что жители Мохенджо-Даро и Хараппы отличались поразительным отсутствием воображения.

Наряду с изготовлением посуды глина применялась и для других целей. Две западины, из которых одна была вылеплена на гончарном круге, свидетельствуют, что таким способом ловили мелких животных: вероятно, хозяйкам Мохенджо-Даро досаждали мыши. Глиняная клетка с углублением для корма предназначалась для какого-то маленького зверка или птицы, а найденные при раскопках игрушечные клеточки, описанные в главе VII, служат, повидимому, лишним доказательством того, что в домах было принято держать певчих птиц и стрекочущих насекомых.

Уже упоминавшиеся глиняные канализационные трубы (табл. XIII, 2) делались целиком на гончарном круге, так же, как глиняные колеса, пряслица для веретен и некоторые глиняные браслеты. Большая часть статуэток богов, людей и животных изготовлялась также из глины, представлявшей собой подходящий для этой цели материал, так как ее можно было без труда добывать возле каждого города; к тому же глина имела то преимущество, что для употребления ее было достаточно смешать с водой. Применение глины для всевозможных хозяйственных нужд, помимо изготовления сосудов, наблюдается у всех древних народов, живших поблизости от большой реки, ежегодно орошавшей их земли. Без сомнения, не менее широко применялось и дерево, но в отличие от Египта в долине Инда все сделанные из дерева предметы погибли. Во всяком случае обработка дерева требует определенных навыков, тогда как из глины даже ребенок может делать вполне сносимые игрушки, а взрослый мог изготавливать из нее различные предметы не только для себя самого и своего хозяйства, но также для посвяжительных приношений и других целей.

Если не считать бус и печатей-амулетов, которые отличаются прекрасной работой и тонкой резьбой, работа по камню у людей культуры Хараппы стоит на значительно более низком уровне, чем гончарное производство и металлургия, — вероятно потому, что потребность в камне была очень мала в связи с широким применением меди и бронзы. До сих пор еще не было найдено ни одного образца резьбы по камню, имеющей чисто орнаментальный характер; возможно, что вместо этого широкое распространение имела резьба по дереву, которое до нас не сохранилось. В деревнях вокруг Мохенджо-Даро и Чанху-Даро обычное явление представляют резные деревянные наличники для окон и дверей. Подобно некоторым особенностям современного гончарного производства в Синде, они вполне могут быть пережитками традиций, берущих свое начало от древних обитателей страны.

Медь, если не бронза, повидимому, применялась в Мохенджо-Даро со времени его основания; но была ли она известна и в более ранних городах долины Инда, мы узнаем только тогда, когда будут исследованы от верхних до нижних слоев другие поселения, находившиеся на более возвышенных местах, вне досягаемости воды. Важно, однако, что, кроме простых узких кремневых пластинок (табл. XXIV, 8) и нескольких грубо обтесанных предметов вроде кельтов, сделанных также из кремня и употреблявшихся, быть может, в качестве лемехов, в Мохенджо-Даро не было найдено никаких каменных орудий. Если бы каменные орудия широко применялись в древнейший период истории города, некоторые из них неминуемо попали бы в верхние слои; однако до сих пор неолитических памятников не было

обнаружено ни в одном поселении, в том числе и в Чанху-Даро, где была проведена большая траншея на глубину 8,5 м ниже среднего уровня земной поверхности.

Каменные сосуды встречаются чрезвычайно редко. Лишь очень немногие из них были найдены неповрежденными. Большая часть их представляет собой неглубокие грубой работы чаши, простые по форме и вырезанные из наиболее мягких сортов камня — алебастра, песчаника, известняка и шифера. Несколько более сложных сосудов, сделанных почти без исключения из алебастра, имитируют керамику, но их внутренняя полость так плохо высверлена, что от них едва ли было много пользы. Плоскодонный кубок, высотой несколько более 10 см, найденный вместе с кладом медных и бронзовых предметов, сделан из фуксита — очень редкого желтовато-зеленого мелкочешуйчатого камня, ближайшее от Мохенджо-Даро месторождение которого находится в настоящее время в Мизоре. Несмотря на редкость материала, кубок не обнаруживает признаков особенно тщательной обработки, так как он имеет заметно неправильную форму и носит явные следы сверла, которым он был высверлен внутри.

Наконечники сверл, применявшиеся для высверливания этих каменных чаш и выравнивания их внутренней поверхности, очень похожи на кремневые сверла раннего Египта: так же как и последние, они напоминают по форме беотийский щит и имеют почти плоскую верхнюю и выпуклую нижнюю поверхность, в то время как два скругленных конца заметно скошены. Сверло приводилось во вращательное движение при помощи раздвоенной палки, вставлявшейся в углубления с обеих сторон сверла; в качестве абразива служил песок или наждак. Таким способом можно просверливать очень твердые камни. Каменные сосуды высверливались внутри с помощью трубчатого сверла, которое часто оставляло следы на внутренней поверхности сосуда. Высверлины этих сосудов встречаются довольно часто.

Статуя из стеатита, описанная в главе III (табл. XVI, 1), представляет собой образцовую скульптуру; но не следует забывать, что этот камень настолько мягок, что его можно резать ножом. Другие статуи, вырезанные из несколько более твердых пород камня, а именно — алебастра и известняка, отделаны далеко не так тщательно, но зато отличаются большим художественным мастерством; три наиболее хорошо сохранившиеся головы от статуй из Мохенджо-Даро не уступают любой месопотамской статуе того времени, хотя и стоят значительно ниже египетской скульптуры периода Древнего царства.

Глаза найденных в Мохенджо-Даро каменных голов были инкрустированы камнем или раковиной; тот же самый прием был распространен в Египте и Шумере. Руки двух наиболее

хорошо сохранившихся статуй, представленных в склоненной позе с одним приподнятым коленом, согнуты в локтях и покоятся на коленях. У одной фигуры часть руки не соприкасается с телом — положение, наблюдающееся также у некоторых шумерийских статуй. Однако, кроме этих общих черт и одинаковой манеры передавать волнистость волос в виде зигзагообразных линий, между скульптурой Мохенджо-Даро и Шумера того же периода имеется очень мало сходства. Например, у статуй Мохенджо-Даро нос, в отличие от носов шумерийских статуй, имеет нормальную величину, так же как и рот, который на лучших статуях отличается большой выразительностью. Ухо, однако, всегда являлось для скульптора камнем преткновения; в большинстве случаев форма его сильно искажена, тогда как в Шумере его воспроизводили всегда весьма тщательно. Другой недостаток замечен в изображении лба, который у всех голов слишком низок. При изучении трех голов, которые, как уже было сказано, не уступают ни одной шумерийской статуе того же времени, создается явное впечатление, что несколько бóльшая требовательность со стороны художника к своей работе дала бы прекрасные результаты. Две головы настолько живы и выразительны, что вполне могут представлять собой настоящие портреты.

Несколько круглых скульптур из камня, изображающие животных, преимущественно короткого быка, являются хорошими, можно даже сказать, превосходными образцами этого искусства; впрочем, глиняные фигурки того же животного имеют иногда еще более живой и естественный вид. Чрезвычайно реалистична небольшая стеатитовая фигурка дога; складки кожи на голове и шее животного переданы в совершенстве. Как правило, маленькие каменные статуэтки выполнены лучше, чем крупные, вероятно потому, что стеатит, из которого они сделаны, гораздо легче поддавался обработке, чем худшие по качеству известняк и алебастр, служившие материалом для крупных статуэток.

Однако высшим художественным достижением жителей древних городов долины Инда являются печати-амулеты (табл. XVII), которые, судя по количеству находок, носило чуть ли не все население. Эти амулеты, неизменным материалом для которых служит стеатит, имеют размеры от 3,2 до 16 кв. см; наиболее обычные размеры колеблются от 4,5 до 7,7 кв. см. Отмечаются два основных типа печатей: во-первых, квадратные с резным изображением животного и надписью и, во-вторых, прямоугольные с одной только надписью; у квадратных печатей имеется сзади небольшой выступ с отверстием для продевания шнура, печати же прямоугольной формы с обратной стороны выпуклые, а отверстие у них проходит насквозь через самую печать, перпендикулярно к ее длине.

Печати вырезывали пилой, затем обрабатывали ножом или долотом и, наконец, шлифовали с помощью абразива. Фигуры и знаки вырезались маленьким долотом; для надписей иногда употреблялся трехгранный резец, а для выполнения некоторых деталей пользовались небольшим сверлом (табл. XVII, 15); применять этот инструмент в начале нанесения рисунка, как это требовалось при изготовлении шумерийских печатей, сделанных из более твердого камня, не было никакой надобности. Готовую печать покрывали щелочью и обжигали, от чего она приобретала приятный белый цвет и слегка блестящую поверхность. Если не считать двух стеатитовых печатей цилиндрической формы (табл. XVII, 10), сделанных в Индии, как в Хараппе, так и в Мохенджо-Даро пользовались исключительно печатями-штампами. В Чанху-Даро в слоях, относящихся к культуре Хараппы, найдены только квадратные печати-штампы из стеатита; в слоях более поздней культуры Джжукара обнаружены печати совсем другого типа — преимущественно круглые, без всяких надписей; большая часть их сделана из обожженной глины и фаянса, и лишь несколько экземпляров — из камня и металла.

Хотя название «печать-амулет» является наиболее подходящим для этих предметов, остается неизвестным, насколько широко они применялись как печати, так как оттиски их встречаются чрезвычайно редко. Найденные образцы сделаны все на глине, подвергнутой после этого обжигу, но возможно, конечно, что большинство отпечатков делалось на илстой массе, которая с течением времени рассыпалась, подобно тому, как разрушилась илстая обмазка на кирпичных стенах Мохенджо-Даро. Пиктографические надписи, повидимому, не относятся к изображенным под ними животным, а обозначают имена и, возможно, также титулы; однако пока они не расшифрованы.

Очень хороши некоторые изображения на крупных печатях более тонкой работы; правда, условный стиль ограничивал возможность передачи движения, но зато много внимания уделялось моделировке. Печать с изображением фигуры горбатого, так называемого брахманского, быка (табл. XVII, 1) является прекрасным образцом тончайшей работы. Поражает реалистическая передача мускулов, играющих под кожей, а также жирный горб на спине, особенно если принять во внимание, что вся работа выполнена в очень мелком масштабе. Образец великолепной работы представляет также обломок большой печати, на котором изображены только голова и плечи тигра (табл. XVII, 6); открытая пасть, язык, обнаженные клыки и расположение двойных полос переданы с большим реализмом.

Из более мелких печатей-амулетов лишь немногие отличаются таким высоким мастерством, но причина этого заключается

не в их размерах, а в широком распространении такого рода амулетов, имевшихся, повидимому, почти у каждого, что неизбежно должно было породить массовое производство. Даже более сложные сцены, ряд которых описан выше, выполнены не особенно искусно. При взгляде на них создается впечатление, что резчик в первую очередь ставил перед собой задачу как можно более точно отобразить эти религиозные эпизоды.

Две стеатитовые шкатулки, из которых одна украшена резным зигзаговым орнаментом, разгорожены на ряд отделений. Судя по форме, это не местные изделия; возможно, что они были привезены из Элама или Шумера.

Употребление измельченного в порошок стеатита для изготовления бус и других мелких предметов является, повидимому, особенностью древней Индии. В Египте этот прием, очевидно, не был известен; сделанные таким образом предметы не встречались до сих пор и в Шумере, хотя в эту страну они вполне могли проникать в результате тесных торговых сношений, которые, несомненно, существовали между Шумером и городами долины Инда.

Некоторые глиняные статуэтки людей и животных вылеплены весьма тщательно; правда, первые имеют весьма примитивный вид (табл. XVI, 2, 3), но во многих случаях деталям и окончательной отделке уделено большое внимание. Как человеческие фигурки, так и фигурки животных покрыты слоем красной краски, а иногда даже гладкой лащенной грунтовкой красного цвета, имевшего, очевидно, такое же магическое значение, как и в других странах. За исключением нескольких небольших глиняных масок (табл. XVI, 4а, 4б), которые были сделаны в специальных формах и, повидимому, должны были к чему-то пришиваться или прикрепляться, все глиняные статуэтки изготовлялись от руки. Сделанный двумя пальцами зашип на глине изображал у человеческих фигурок нос, две лепешечки из того же материала — глаза, в то время как рот намечался небольшой прилепленной к лицу полоской глины с глубокой надсечкой для обозначения губ (табл. XVI, 2, 3).

Одежда и украшения изображались полосками и лепешечками из глины, которые иногда подправлялись каким-нибудь инструментом. Пожалуй, лучше всего переданы глаза животных. Для их изображения делали небольшой разрез, затем слегка расширяли его и вставляли в него глиняный шарик, изображающий зрачок, ресницы же наносились каким-то острым инструментом, хотя они встречаются только у наиболее тщательно сделанных фигурок. Особенно часто попадаются фигурки носорога; полоски глины в надлежащих местах обозначают складки толстой, покрытой мозолистыми шипками шкуры, столь характерной для этого зверя. Некоторые глиняные статуэтки животных вылеплены очень

неумело и, возможно, были сделаны детьми, но мастерское выполнение большинства других указывает, повидимому, на то, что они предназначались в качестве посвячительных приношений в святилища и храмы.

В Мохенджо-Даро и Хараппе (табл. XXV, 4, 5, 7), а также в Чанху-Даро бросается в глаза широкое применение глазированной и стекловидной пасты для изготовления мелких украшений и фигурок животных. Стеатит, как в виде естественного камня, так и формованный, покрывался глазурью, которая под воздействием почвенных солей во многих случаях утратила свой первоначальный синий или зеленый цвет. Хорошо известен был и фаянс, состоящий внутри из порошка кварца, смешанного с каким-то вяжущим веществом, возможно окисью натрия, и покрытый сверху глазурью. Другим распространенным материалом была стекловидная паста, которую получали из смеси кварца и глазури, нагретой до высокой температуры. Это вещество, твердое и снаружи и внутри, не обладало глянцевитой поверхностью фаянса, зато было прочнее и плотнее. Были найдены также дисковидные бусы из глазированного хрусталя или кварца, сходные с некоторыми бусами, найденными в ранних могилах Элама и Шумера, но еще неизвестно, представляли ли они продукт местного индийского производства или были импортированы, как это можно предполагать, судя по тому, что они встречаются весьма редко.

Было бы интересно установить, где впервые стали употребляться глазированные изделия, так как наведение глазури представляет собой очень сложный процесс. Едва ли можно сомневаться, что оно было первоначально изобретено в какой-то одной стране, а позднее распространилось и на другие страны. В настоящее время Индия не может считаться родиной этого ремесла, так как в Эламе, Шумере и Египте были обнаружены глазированные бусы и другие предметы, относящиеся к значительно более раннему времени, чем подобные же находки в долине Инда.

В очень ранних слоях Мохенджо-Даро были найдены черепки с глазированной, а не лощеной поверхностью; это интересно в том отношении, что в Египте, Шумере и Эламе не было обнаружено поливной посуды такого раннего времени, но в Кише была найдена покрытая глазурью ручка от глиняного сосуда, относящаяся к раннединастическому периоду. Требуется, однако, гораздо больше искусства для успешного нанесения глазури на керамику, чем на изделие, сформированное из толченого кварца, составляющего сердцевину фаянса; поверхность керамики, вероятно, подвергалась для этого какой-то предварительной обработке. Стекло было совершенно неизвестно ни в Хараппе и Мохенджо-Даро, ни в Чанху-Даро.

В городах долины Инда были найдены предметы необычайно тонкой работы, сделанные из фаянса и стекловидной пасты. Среди них следует упомянуть фигурки двух обезьянок: одна, сидящая на корточках, положив руки на колени, напоминает по моделировке и отделке китайские изделия; другая, с детенышем на руках, незаконченная и не покрытая глазурью, даже в таком виде обнаруживает высокое мастерство художника (табл. XXV, 7). До сих пор ни в Хараппе, ни в Мохенджо-Даро не было еще найдено форм, в которых изготавливались пастовые бусы и некоторые фигурки животных; в Чанху-Даро обнаружен один предмет, который вполне мог служить формой для различных по типу и величине бус. Многие статуэтки животных, служившие, очевидно, в качестве амулетов, лепились, вероятно, сперва от руки в общем виде, после чего им придавали окончательную форму с помощью ножа или какого-то другого подобного инструмента; нанесение глазури производилось, конечно, в самом конце.

В предыдущей главе упоминалось, что применение раковин для инкрустаций и изготовления мелких предметов было в Мохенджо-Даро и Хараппе таким же распространенным ремеслом, как и в Шумере. Как ни странно, перламутр и в этих городах не имел широкого распространения; сделанные из него предметы встречаются чрезвычайно редко, возможно потому, что он был очень хрупок в работе. Однако древние шумерийцы умели, повидимому, преодолевать эту трудность. В городах долины Инда на поделки шло несколько сортов раковин, причем для различных целей применялись и внутренняя сторона и стенки раковины. Сперва этот твердый материал распиливали на части, затем вытачивали сверлом фигурные пластинки для инкрустации (табл. XXIV, 7) и наконец производили окончательную отделку с помощью резца и напильника. Готовые образцы по виду очень напоминают изделия из слоновой кости, но сохранились значительно лучше, так как они гораздо меньше страдают от воздействия почвенных солей. Слоновая кость была, однако, незаменимым материалом для некоторых предметов, как, например, плоских игральные костей, головных булавок и т. п., для которых раковина была слишком хрупка и к тому же не обладала достаточной длиной и ровностью.

В Мохенджо-Даро был найден предмет из слоновой кости, который когда-то представлял собой нижнюю или верхнюю часть дорогого сосуда. Он украшен барельефным узором из находящихся друг на друга кружков, среди которых до сих пор сохранились следы первоначальной инкрустации из красной пасты. Находка этого фрагмента, несомненно, указывает на то, что слоновая кость применялась и для изготовления более крупных предметов, хотя невозможно, конечно, сказать, был ли весь сосуд сделан из одного материала. О том, что в Мохенджо-

Даро действительно обрабатывали слоновую кость, говорят находки не только клыков, но также нескольких полуотпиленных брусков. Странно, что до сих пор не найдено ни одной статуэтки животного или человека, сделанной из этого материала, ибо часто встречающееся на печатях-амулетах изображение слона (табл. XVII, 7) говорит о том, что это животное было хорошо известно в долине Инда и слоновая кость могла добываться без особого труда.

Мы уже упоминали, что хлопчатобумажная ткань применялась в Мохенджо-Даро и, как можно предполагать, во всей области, заселенной людьми культуры Хараппы. Узоры на одежде одной из статуй, повидимому, обозначают вышивку (табл. XVI, 1); вполне вероятно, что это рукоделье практиковалось весьма широко, поскольку в то время еще не могли производить набивных хлопчатобумажных тканей типа тех, которые изготовляют в Сииде в наши дни. Хорошо известны медные и бронзовые иглы, иногда с проделанным ушком, иногда с ушком в виде петли, образованной загнутым верхним концом самой иглы; однако по сравнению с современными, все они выглядят слишком грубыми для тонкой ткани. Найденный Дикшитом вместе с кладом драгоценностей набор из трех золотых игл (табл. XIX, 2/12—14), из которых самая большая имеет в длину 5 см, мог применяться для какого-то особого рода вышивки; каждая игла имеет ручку цилиндрической формы, заканчивающуюся острием с ушком. Две из них, судя по следам на ручках, часто держали в зубах.

Обычное явление представляют шилья, сделанные из простой и слоновой кости и из меди, несомненно служившие, как и иглы, самым различным назначениям. Их могли применять для изготовления тонких цыновок, не сохранившихся до нашего времени. Как уже было упомянуто, более грубые цыновки настилались поверх верхних перекрытий комнат для потолочного настила.

Из земледельческих орудий до нас уцелели лишь очень немногие; причина этого заключается в том, что они были сделаны почти целиком из дерева. Было обнаружено два-три грубо обтесанных предмета из кремнистого сланца, средняя величина которых равняется $28 \times 12 \times 7,6$ см. Эти орудия, напоминающие по виду недоделанные кельты, имеют симметричное в сечении лезвие и слишком тяжелы, чтобы служить оружием; очевидно, они представляют собой лемехи. Такого рода лемехи должны были весьма успешно применяться для вспахивания мягкой аллювиальной почвы долины Инда. Серпы в виде кремневой пластины, вставленной в рукоятку, встречающиеся на местах ранних поселений в Египте и Шумере, здесь неизвестны — возможно, вследствие изобилия и дешевизны меди. Два незаконченных кривых медных лезвия, найденные в Мохенджо-Даро, служили, вероятно, серпами.

Одной из основных отраслей хозяйства было, повидному, земледелие, так как много больших городов и бесчисленные мелкие поселения нуждались в снабжении пищей. Имеются неоспоримые свидетельства того, что в долине Инда выращивали хлопок, ячмень, дыни и финики: семена четырех последних культур были найдены и определены, а кусочки хлопчатобумажной ткани были обнаружены, как уже упоминалось, в одном из кладов с драгоценностями. В изобилии произрастали, вероятно, и другие растения, например лотос; его семенные коробочки служили образцом для изготовления головок для булавок; корень этого растения до сих пор идет в пищу в некоторых районах Индии. Что касается орошения, то страна, повидному, зависела от ежегодных разливов рек; не было обнаружено никаких следов каналов для распределения воды. Явное отсутствие каких-либо приготовлений на случай засушливых лет, а также распространение на печатях изображений лесных животных указывают на то, что в то время в Синде и Пенджабе выпало значительно больше осадков, чем теперь.

Поскольку главный интерес людей культуры Хараппы заключался в торговле, а цветущий город Мохенджо-Даро был расположен возле большой судоходной реки, одним из распространенных ремесел являлось судостроение. Судно, вырезанное на одной из печатей-амулетов, представлено без мачты, с острым, загибающимся кверху носом и кормой; в середине имеется каюта, а на корме сидит рулевой (табл. XVII, 14). Некоторые шероховатости на корпусе судна заставляют предполагать, что он был сделан из связанных между собой стеблей тростника — способ, применявшийся в древнем Египте даже при строительстве довольно крупных судов. Другое изображение судна грубо нацарапано на глиняном черепке; как и на первом, на нем имеются высокий нос, корма и рулевой, но вместо палубной каюты посередине возвышается мачта, повидному с двумя реями. Возможно, что первый тип судна применялся исключительно для плавания по рекам, а второй — для плавания и по рекам и по морю; однако до сих пор мы не имеем никаких данных, свидетельствующих о том, что жители городов долины Инда были мореплавателями, так как та торговля, которая велась между Индией и Шумером, могла вестись с помощью кораблей, принадлежавших какому-нибудь третьему народу.

Глава VII

ОБЫЧАИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Интересно, что во всех трех городах долины Инда, где производились раскопки, было обнаружено большое количество игрушек и принадлежностей игр. То, что сохранилось, сделано из обожженной глины, раковины и слоновой кости; широко должно было применяться для этой цели и дерево, но оно, конечно, уже давно истлело. Судя по количеству найденных предметов, любимыми игрушками были маленькие глиняные тележки (табл. XXIX, 1), встречающиеся обычно в сильно поврежденном виде. Эти крошечные тележки в миниатюре почти полностью соответствуют по конструкции деревенским телегам (табл. XXIX, 2), которые можно видеть в наши дни в селениях вокруг Мохенджо-Даро; наличие этих игрушек в древних городах служит достаточным доказательством того, что такие же повозки натуральной величины были хорошо известны и постоянно применялись в долине Инда. До сих пор не было обнаружено ни одной модели боевой колесницы или чего-либо подобного — новое подтверждение того, что люди эти не были воинственными и столкнулись с угрозой нападения врагов только тогда, когда их культура начала склоняться к упадку.

Дети в те дни, повидимому, так же любили лепить из глины, как и теперь. Были найдены многочисленные статуэтки животных (табл. XXV, 3) и людей, вылепленные и обожженные так плохо, что они могли являться изделиями только детских рук. Обнаружены также маленькие статуэтки быков, некоторые из них вместе с игрушечными тележками — явление, свидетельствующее, что даже в те ранние времена бык уже применялся в качестве тяглового животного. Попадающиеся время от времени маленькие глиняные сидящие статуэтки употреблялись, вероятно, вечно популярной игре в «дом». До сих пор не было найдено ни одной куклы — возможно потому, что они делались из какого-то плохо сохраняющегося материала. Обычные явления представляют погремушки (табл. XX, 1) в виде полых глиняных шаров с маленькими шариками внутри; особенно широко они распространены в Чанху-Даро, который, повидимому, специализировался на изготовлении игрушек. Неко-

торые погремушки ярко разрисованы полосами красной краски. Тому же назначению служили и полые статуэтки животных, но они, повидимому, были менее популярны, чем круглые погремушки, — вероятно, вследствие меньшей прочности.

Хорошо известны игрушечные птички; некоторые из них были пестро раскрашены и имели сделанные из палочек ножки, а фигурка маленькой птички с раскрытым клювом — очевидно поощей — в сопоставлении с несколькими миниатюрными клетками, указывает, повидимому, на обычай держать в домах певчих птиц. Эти клетки встречаются во всех городах; в одной из них птица, очевидно ручная, изображена выпархивающей из дверцы. Другие клетки могли предназначаться для сверчков или каких-нибудь других стрекочущих насекомых. Большой популярностью пользовался, повидимому, свисток в форме птицы (табл. XX, 2, 3), с помощью которого можно было подражать голосам различных птиц. Другой излюбленной игрушкой был какой-то маленький зверок, взбирающийся вверх по шесту; что это за зверок, до сих пор не определено, но, вероятно, таких зверков было принято держать в домах для забавы.

В Хараппе и в Мохенджо-Даро были найдены маленькие глиняные чашечки для весов, с проткнутыми по краям отверстиями для подвешивания; судя по неумелой работе, они, повидимому, были также сделаны детьми. Любимым занятием детей было изготовление игрушечной посуды; на некоторых образцах остались неизгладимые после обжига отпечатки пальцев любителей-гончаров.

Из более замысловатых игрушек имеется бык с кивающей головой, приводившейся в движение при помощи туго натянутой нити, и забавное животное с подвижными руками, напоминающее обезьяну. Известны были, очевидно, фигурки, бегающие вверх и вниз по веревочке, скорость движения которых можно по желанию регулировать при помощи веревки, так как были найдены фигурки с проделанными в них для этой цели многоугольными отверстиями. Большая часть этих более сложных игрушек является, очевидно, изделием не детей, а профессиональных мастеров.

Некоторые игры, распространенные в городах долины Инда, требовали применения игральных костей. Были найдены кости как кубической формы, так и в форме табличек. Первые, похожие на современные кости, только значительно более крупные, изготовлялись из обожженной глины или из камня, причем лучшие из них обнаруживают поистине высокое мастерство (табл. XXIV, 6). С каждой стороны у них обозначены ямочками числа — от одного до шести; расположение их отлично от современного, при котором сумма каждой пары противоположных чисел равна семи. Некоторые экземпляры глиняных костей сильно стертые по углам, но все же следует предполагать,

что их бросали всегда на что-нибудь мягкое, так как они были слишком хрупки для грубого обращения. Иногда ямки, обозначающие числа, были инкрустированы. Кости в виде табличек, сделанные всегда из слоновой кости, помечены с трех сторон числами 1, 2 и 3; четвертая сторона иногда украшена продольными линиями. Другой способ помечать стороны заключался в вырезывании на каждой из них различных узоров или, реже, нероглифических знаков, значение которых пока остается неизвестным.

По знакам на некоторых табличках можно заключить, что они служили игральными костями; но были найдены и другие предметы такой же формы, а иногда трехсторонние или цилиндрические, назначение которых до сих пор неясно. Эти предметы, несомненно, не могли быть костями, так как у них со всех сторон или с двух противоположных вырезан один и тот же узор; судя по этому, они предназначались для метания; смысл игры заключался, повидимому, не в том, какой значок окажется сверху, а в том, как упадет сам предмет. Эти предметы для метания (если действительно таково было их назначение) встречаются так же часто, как кости; в нескольких случаях они были найдены по три вместе.

Неизвестно, составляло ли метание костей у жителей городов долины Инда какую-то игру; но если даже это было и так, кости, повидимому, использовались и для других целей; в обоих городах было найдено некоторое количество предметов, явно служивших фишками в какой-то настольной игре, в которой, повидимому, нельзя было обойтись без костей. Эти фишки весьма разнообразны по внешнему виду; некоторые грубо вылеплены из глины, тогда как лучшие образцы сделаны из таких твердых пород камня, как агат и халцедон, и отличаются тончайшей работой. Иногда они имеют форму современных фишек для игры в гальму, иногда же коническую форму с гладкой округлой верхушкой и покатыми боковыми сторонами. Интересно отметить, что до сих пор из каменных игровых фишек последнего типа не найдено хотя бы двух совершенно одинаковой величины; на этом основании можно также предположить, что они применялись совсем не для игры, а представляли собой *линги* — фаллические эмблемы, описанные в главе III. Что же касается предметов типа фишек для гальмы, то в одном случае их было обнаружено четыре вместе, одинаковых по форме, цвету и величине; другая группа состояла из трех красных, двух темносерых и одного желтовато-розового. Четырехгранные фишки, сделанные обычно из фаянса, представляют особенный интерес в том отношении, что аналогичные предметы были найдены в одном из ранних слоев Ура.

Доски, на которых передвигались фишки, изготовлялись, должно быть, из дерева, так как ни одной из них не сохрани-

лось, а различные деления на них могли быть обозначены инкрустацией из раковины, отдельные пластинки которой были найдены в некоторых домах. Много досок было найдено в ранних слоях Ура, но трудно определить, существовали ли те же самые настольные игры и в городах долины Инда, хотя весьма вероятно, что это было именно так.

В Мохенджо-Даро, однако, посчастливилось найти кирпич с тремя рядами вырезанных на нем прямоугольников, по четыре в каждом ряду; вероятно, этот кирпич представлял собой игральную доску или часть доски, так как он, повидимому, находился в мощеном полу. Одна из клеток на этом кирпиче отмечена перекрестными линиями, что могло обозначать «дом», и если предположить, что отсутствующие соседние кирпичи были размечены таким же образом и что первоначально имелось десять рядов клеток, по три в каждом, игра, в которую играли на этой доске, могла напоминать древнеегипетскую игру «сент». С другой стороны, если первоначально имелось двадцать шесть отделений, расположенных в три ряда по двенадцать с одного конца и в два ряда по двадцать — с другого, это напоминало бы шумерийскую доску, найденную Вуллеем в Уре. Выложенный кирпичом пол в доме или мощеный двор могли являться вполне подходящим местом для устройства игровой доски, и вырезавшие ее слуги, без сомнения, проводили за ней немало часов.

Был обнаружен другой кирпич, с отбитым концом, размеченный, повидимому, для игры, в которой применялись камешки или бобы. На одной стороне этого кирпича выдолблено четыре ряда небольших углублений; ряд, сохранившийся лучше других, имеет пятнадцать таких углублений. Каждая ямка ничем не отличается от другой, и все это устройство в высшей степени напоминает игральную доску, распространенную у различных африканских племен. Некоторые африканские доски, очень похожие друг на друга и отличающиеся только числом ямок, имеют специальное отделение для «взятых» фишек; четыре ямки, имеющиеся на кирпиче из Мохенджо-Даро, служили, вероятно, той же цели. Этот кирпич также, возможно, происходит из мощеного двора или пола комнаты.

Игра в шарики была также распространена в городах долины Инда. Некоторые из найденных экземпляров, сделанные из таких твердых пород камня, как яшма и агат, и отличающиеся исключительно тонкой работой, слишком хороши, чтобы их можно было считать детскими игрушками. Неизвестно, состояла ли игра из одних шариков или в ней употреблялись также небольшие ворота, как это бывало иногда еще в глубокой древности в Египте; до сих пор с ними не было найдено никаких других предметов. Шарiki из раковины с вырезанным на них рельефным циркульным орнаментом могли также применяться в игре; владельцы, очевидно, очень ценили их, так

как один такой шарик был найден вместе с кладом драгоценностей, погребенным в металлическом сосуде под кирпичным полом одного из домов.

Трудно объяснить назначение найденных в большом количестве малейших конусов из сильно прокаленной глины, раковины или, реже, камня; но судя по тому, что у многих из них когда-то острые концы в настоящее время отсутствуют, они представляют собой, повидимому, какие-то инструменты или принадлежности игр. Эти конусы слишком малы, чтобы они могли употребляться в качестве украшений, подобно глиняным конусам из Шумера. Было высказано предположение, что это маленькие кегли и что найденные шарики служили для их сшибания. Так как многие из этих предметов довольно неустойчивы, это объяснение весьма правдоподобно.

В главе III было высказано предположение, что танец мог входить в религиозный ритуал; но весьма вероятно, что наряду с этим он носил также и светский характер. Танцевали, несомненно, под музыку, о чем свидетельствует имеющееся на двух печатях изображение продолговатого барабана с натянутой на него с двух сторон кожей. Повидимому, другого рода барабан или тамбурин висит на шее одной глиняной мужской статуэтки. Было найдено нечто вроде пары кастанбет, которые могли служить для отщелкивания ритма при танце, как это принято и поныне у странствующих арабских актеров. Если мы не ошибаемся, усматривая в некоторых письменных знаках изображения арфы и лиры, можно высказать догадку, что по крайней мере один из этих музыкальных инструментов был распространен так же широко, как и в Шумере, где Вуллей в нескольких местах обнаружил остатки подобных инструментов.

Население городов долины Инда, во всяком случае большая его часть, несомненно, питалось мясом, так как в Мохенджо-Даро были найдены кости оленя, буйвола, свиньи, черепахи, козы, быка и различных видов рыбы; возможно, что рога оленя и буйвола применялись в перемолотом виде в качестве лечебного средства. Судя по тому, что в городах долины Инда были найдены кости птиц, уже появилась домашняя птица. Неизвестно, изображает ли один из пиктографических знаков на печатях эту самую домашнюю птицу или какую-нибудь из диких лесных птиц, которые, без сомнения, водились в те времена в джунглях Синда. Кости быка, овцы и козы были обнаружены главным образом в больших сосудах, применявшихся иногда в качестве хранилищ продовольствия, но нельзя сказать, было ли мясо повседневным блюдом или сохранялось для особых случаев. Изображения многих животных, кости которых нам удалось найти, встречаются на печатях, из чего можно заключить, что они были священными; это, однако, не исключает возможности того, что мясо их иногда ели во время религиозных празднеств. Брон-

звая статуэтка козы, привязанной за шею к пню, изображает, несомненно, жертвенное животное; как уже говорилось, коза до сих пор широко используется для жертвоприношений в современной Индии.

Жители долины Инда, по крайней мере некоторые из них, увлекались охотой, хотя, быть может, лишь немногие из горожан могли позволить себе это развлечение. На двух амулетах изображены люди, стреляющие из лука в большую антилопу и дикого козла. Судя по большому количеству медных наконечников для стрел (табл. XXI, 1), которые встречаются особенно часто в Мохенджо-Даро, был широко распространен лук; он изображен также в руках у некоторых фигурок, представляющих собой знаки пиктографического письма, и у странного рогатого божества на одной из медных табличек. Найденные при раскопках маленькие шарики из обожженной глины могли использоваться для пращи или для специального лука, из которого стреляли камнями или глиняными шариками; современные жители Синда употребляют такой лук для охоты на птиц.

Неизвестно, применялись ли на охоте собаки; среди статуэток животных встречаются три совершенно различные породы собак: одна — с закрученным на спину хвостом и висячими ушами, другая — с прямым, торчащим вверх хвостом и острыми ушами и третья — с очень короткой мордой, почти как у бульдога; поскольку задняя половина этой статуэтки отсутствует, мы не знаем, какой у нее был хвост. Было найдено несколько грубо вылепленных глиняных статуэток, изображающих привязанную к столбу сторожевую собаку; другие фигурки представляют такую же собаку с ошейником. Одно время в Синде распространенным видом спорта была охота с собаками на диких кабанов; поскольку изображение подобной сцены имеется на некоторых очень ранних печатях из Элама, есть основания предполагать, что таким же образом охотились на кабанов и в долине Инда — упомянутая выше порода собак с короткой мордой была бы весьма пригодна для этой цели.

Возможно, что одним из развлечений были петушьи бои; об этом говорит имеющееся на одной из печатей-амулетов изображение двух лесных птиц, о которых уже говорилось выше, в боевых позах. Не было бы ничего удивительного, если бы оказалось, что домашних петухов также приучали к драке, потому что даже и теперь в Синде их держат в клетках для этой цели. Владельцы часто приносили их на место раскопок в клетках, разукрашенных синими бусами, представляющими собой талисман против дурного глаза; с тех пор боевой клич петухов неизменно ассоциируется у автора и его жены с Мохенджо-Даро. Вполне возможно, что попадающиеся нам изредка глиняные модели клеток, в дверце одной из которых изображена какая-то птица, имитируют клетки не для певчих птиц, а

для боевых петухов. Употреблялись, несомненно, западни; так, в Мохенджо-Даро были найдены две глиняные ловушки. Большое количество рыболовных крючков указывает на то, что одним из обычных занятий была ловля рыбы как в Инде, который, вероятно, протекал тогда близ самого города, так и в больших прудах, оставшихся после ежегодных разливов рек.

За едой жители долины Инда сидели, вероятно, вокруг блюда с пищей на циновках; впрочем, некоторые из более богатых людей, возможно, пользовались стульями и столами. Изображение последних двух предметов имеется, повидимому, среди пиктографических знаков. Возможно, однако, что стулья и столы применялись только в торжественных случаях, так как даже в наши дни в Индии вполне состоятельные люди предпочитают сидеть на полу. Неизвестно, применялись ли за столом ножи, хотя среди найденных ножей имеется много таких, которые были бы вполне пригодны для этой цели. Вилки, вероятно, заменялись пальцами. Вместо ложек употреблялись своеобразные медные и глиняные предметы, по форме имитирующие половинки двустворчатых раковин; вероятно, такие же предметы делались из дерева, следов которого не сохранилось. Для питья пользовались различной формы глиняными чашками, а также, возможно, специальными черпаками из раковины. Многие яства на пирах могли подаваться в глиняных вазах, состоящих из блюда на высокой ножке с широким основанием.

В древности Синд, вероятно, был так же богат фруктами, как и сейчас. Излюбленными блюдами были, несомненно, всевозможные курри, так как камни для растирания необходимых пряностей представляют в городах долины Инда самое обычное явление. Уже упоминалось о глиняных формах для печения и маленьких скалках для вафельного теста; повидимому, мы не ошибемся, если скажем, что люди культуры Хараппы имели такой обширный выбор блюд, какой только был возможен в столь глубокой древности.

Пиршества имели, повидимому, свои неизбежные последствия для здоровья участников; едва ли мы ошибемся, предположив, что жители древних городов постоянно страдали от несварения желудка. Помимо «домашних» средств, которые были известны, без сомнения, почти каждой хозяйке, применялись и другие способы лечения. В Мохенджо-Даро было найдено большое количество рогов самбура, причем около них не обнаружено других костей этого животного. Сьюэл высказал предположение, что из них приготавливали порошок, который употреблялся в качестве лечебного средства; толченые рога оленя служат в Индии для этой цели и теперь. Черное вещество, которое было определено как *силайит*, до сих пор применяется в Индии в качестве специфического средства против диспепсии и болез-

ней печени и селезенки. Оно добывается в Гималаях, откуда горные жители доставляют его вниз, в Индию. На месте поселения Отхманджо-Бутхи в Синде, относящегося к периоду Хараппы или к несколько более раннему времени, Маджумдар нашел несколько щитков каракатицы, хранившихся в глиняных сосудах. В системе Аюр-Веды¹ это вещество имеет множество применений; как объяснил нам доктор Прасад, оно входит в состав различных способствующих пищеварению солей, а также применяется при ушных, глазных, горловых и кожных заболеваниях.

¹ Аюр-Веда — одна из восемнадцати священных книг индуизма, посвященная медицине. (*Прим ред.*)

Глава VIII

ХРОНОЛОГИЯ И СВЯЗИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ

Так как у читателя, без сомнения, должен возникнуть вопрос, возможно ли отнести цивилизацию долины Инда к какому-либо определенному времени, было бы интересно несколько углубиться в тему, поверхностно затронутую уже в главе I, и разъяснить, каким образом раскопки последних двадцати пяти лет в Месопотамии могут служить ключом к древнеиндийской хронологии.

При раскопках в Уре и Кише в 1922/23 г. с самого начала в различных местах было найдено несколько печатей-амулетов несомненно индийского изготовления, но, к сожалению, места находок не имели точной датировки. Наконец, Франкфорт при раскопках в Телль-Асмаре обнаружил одну такую печать в слое, относящемся, по общему признанию, примерно, к 2400 г. до н. э. Незадолго до этого открытия автор сопоставил орнаментированную бусину из карнелиана (табл. XXIV, 5), найденную в Мохенджо-Даро, с несколькими бусинами из того же материала, такой же формы и с такого же рода орнаментом, извлеченными Вуллеем из царских гробниц в Уре. В то время сам Вуллей считал, что эти гробницы относятся ко времени несколько более раннему, чем 3000 г. до н. э., но теперь их датируют примерно 2500 г. до н. э.

Датировать бусы бывает иногда довольно трудно, так как они могут передаваться из одного поколения в другое или даже в результате размыва могил вновь оказаться на поверхности земли и использоваться в значительно более позднее время; но такое предположение едва ли будет справедливо в отношении бусин из Ура, если принять во внимание, что они были найдены в могилах очень знатных лиц. Наиболее достоверным из всех имеющихся в нашем распоряжении свидетельств для датирования Харапты и Мохенджо-Даро продолжает, однако, оставаться печать Франкфорта.

Эта печать имеет цилиндрическую форму, совершенно отличную от формы большинства печатей, найденных в городах долины Инда; но так как в Мохенджо-Даро были все же найдены три цилиндрические печати (все, следует отметить, в верх-

них слоях города), вполне вероятно, что жители иногда пользовались печатями и такого типа (табл. XVII, 10, 12). Печать из Телль-Асмара, вне всякого сомнения, представляет собой индийскую работу. Не только изображенные на ней звери: слон, носорог и питающийся рыбой крокодил гавиал являются индийскими животными и никогда не встречаются на шумерийских или аккадских печатях, но и самая резьба выполнена в бесспорно индийском стиле.

Как уже упоминалось, Франкфорт нашел в Телль-Асмаре фрагменты керамики, поверхность которых орнаментирована глиняными шишечками; керамика такого типа не была обнаружена еще ни в одном из древних поселений Месопотамии и, несомненно, не является местным производством. Украшенные шишечками сосуды встречаются также в Мохенджо-Даро; несомненно, они сделаны руками местных мастеров; один из них представляет собой по форме уменьшенную копию широко применявшихся в городе сосудов для хранения продуктов (табл. XXVI, 4). Таким образом, имеются веские основания предполагать, что найденные в Телль-Асмаре экземпляры были привезены из Индии. Правда, по форме месопотамские образцы не имеют сходства с найденной до сих пор керамикой из Мохенджо-Даро, но, поскольку последняя очень разнообразна, вполне вероятно, что сосуды, соответствующие по форме керамике из Телль-Асмара, еще могут быть открыты. Подобно печатям, орнаментированную шишечками керамику обоих поселений следует отнести примерно к 2400 г. до н. э. Своеобразные сердцевидные костяные пластинки для инкрустации, найденные в Телль-Асмаре, также соответствуют датированной тем же временем инкрустации из раковины, распространенной как в Хараппе, так и в Мохенджо-Даро (табл. XXIV, 7).

Другим интересным свидетельством является обломок сосуда из светлозеленого стеатита (табл. XXVI, 2), найденный в одном из ранних слоев в Мохенджо-Даро. Резьба на нем представляет собой необычный плетеный орнамент, встречающийся на шумерийских сосудах, находимых в Телль-Асмаре, Кише и, дальше на восток, в Персии и Сузах (табл. XXVI, 1); так как материал и цвет этого черепка также соответствуют шумерийским изделиям, создается определенное впечатление, что экземпляр, найденный в долине Инда, был привезен из Шумера или из Элама.

Таким образом, найденные в Телль-Асмаре предметы явно индийского происхождения могут быть датированы довольно определенно, а именно — самым началом второй половины третьего тысячелетия до н. э.; примерно тем же периодом датируются аналогичные предметы из Киша и Суз.

Теперь, когда, как уже упоминалось в главе I, все археологи единодушно склонны датировать верхние слои Мохенджо-

Даро XVII в. до н. э., вопрос о продолжительности существования города приобретает особенно большое значение. Промежуток времени между двумя установленными датами составляет приблизительно 800 лет¹. Мы уже указывали на удивительное единообразие предметов, найденных в самых нижних и самых верхних слоях города: в характере искусства, в технике и даже в форме пиктографических знаков поздних слоев не заметно больших усовершенствований и изменений по сравнению с так называемыми ранними слоями. Археологический материал из слоев, лежащих непосредственно над уровнем подпочвенных вод, свидетельствует, что люди городов культуры Хараппы к тому времени прошли уже долгий путь культурного развития. Это развитие могло протекать и не в долине Инда, но вполне возможно также, что слои, содержащие предметы, сходные с теми, которые были найдены в Телль-Асмаре, лежат в настоящее время под уровнем подпочвенных вод, еще глубже древнейших достигнутых раскопками культурных слоев. В действительности может, вероятно, оказаться, что древние города долины Инда существовали и более восьмисот лет. Вся эта проблема настоятельно требует скорейшего возобновления раскопок в долине Инда в столь же широких масштабах, как и прежде, и предпочтительно на местах древних поселений, расположенных в некотором отдалении от современного русла реки Инда.

Другие предметы, найденные в Мохенджо-Даро и Хараппе, например необычайной формы бусы, могут свидетельствовать о существовании связей со странами, расположенными еще дальше на запад, такими как Египет, Крит и Греция. В настоящее время, однако, не установлено, имела ли Индия еще в третьем тысячелетии до н. э. какие-либо непосредственные торговые связи с этими странами, расположенными далеко к западу от нее. Возможно, что жители городов долины Инда в те времена не знали даже об их существовании, хотя индийские товары изредка туда и доходили. На одной датированной очень ранним временем печати из северо-восточной Греции изображен обведенный по контуру греческий крест с линейным крестом посередине, который, если не считать дополнительных украшений, напоминает крест на одной из печатей из Мохенджо-Даро. Такие обведенные по контуру кресты известны также в Эламе, но не ранее, чем в Индии, и, судя по их значительно более широкому распространению в городах долины Инда, следует предполагать, что они происходят именно оттуда. Своеобразная разновидность того же самого креста со ступенчатым краем хорошо известна в Мохенджо-Даро, а также в Шумере и на Крите, где он применялся в инкрустации на деревянной мебели. Найденный Франкфортом в Телль-Асмаре орнамент в виде концентрических квадратов, имевший, возможно,

¹ См. предисловие, стр. 12—14.

магическое значение, полностью соответствует орнаменту, встречающемуся на древних печатях из долины Инда. Переплетающийся орнамент был также популярен в Индии, Шумере и Египте; повидимому, во всех трех странах он имел магическое значение.

Большой интерес представляет рисунок в виде кружков, который заполняет пустые пространства на печати с изображением обведенного по контуру греческого креста: Гэд указывает, что именно таким образом орнаментированы и индийские печати, найденные в Уре, но только не с лицевой, а с обратной стороны, и хотя не все эти печати могут быть точно датированы на основании слоев, в которых они были найдены, все же значительное количество их было раскопано в слоях эпохи Саргона или более ранних, и, таким образом, они относятся к тому же периоду, что и наш материал из Хараппы. Гэд высказывает предположение, что эти печати были сделаны в каком-то другом городе долины Инда; действительно, вполне вероятно, что местом их изготовления являлся Чанху-Даро или какое-либо другое из покинутых поселений культуры Хараппы.

До сих пор в Шумере не было найдено параллелей медным и золотым скреплениям в форме полушарий на некоторых нитях бус из Мохенджо-Даро и Хараппы (табл. XIX, 2). Однако аналогичные скрепления были известны в Египте, но только во времена Древнего царства — период, соответствующий примерно нижним слоям Мохенджо-Даро. Глиняный подсвечник также имеет параллель в Египте в виде нескольких экземпляров такой же формы, относящихся к тому же времени (табл. XXVI, 5).

Можно привести еще одно очень интересное сопоставление: в Египте были в употреблении предметы из шифера и арагонита, подражающие по форме двустворчатым раковинам, тогда как в Индии имитации раковин изготавливались из меди и глины. Эти предметы служили, повидимому, в качестве ложек; все они имеют с краю отверстие для продевания шнура или для прикрепления ручки.

Между скульптурой Шумера и Мохенджо-Даро также наблюдается некоторое сходство. Мужские статуи имеют одинаковые прически — волосы их собраны пучком на затылке и перехвачены проходящей вокруг лба лентой либо серебряной или золотой перевязью, а у одной головы из Мохенджо-Даро, представляющей собой, как предполагают, портрет, пучок изображен заколотым булавкой. Головы статуй из городов долины Инда имеют выбритую верхнюю губу — обычай, распространенный также в Шумере (табл. XVI, 1).

До сих пор единственной находкой, позволяющей предположить, что продукция городов долины Инда вывозилась на запад морским путем, является нацарапанное на черепке изображение судна с мачтой, хотя, подобно изображению на печати (табл. XVII, 14), это могло быть и просто речное судно.

Однако, несмотря на отсутствие соответствующих данных, вполне вероятно, что жители городов долины Инда широко пользовались морским путем в Шумер; на негостеприимных берегах Белуджистана есть все же несколько мест, куда можно было бы заходить для пополнения запасов воды. В наше время значительная часть торговых сношений осуществляется с помощью судов, плавающих от различных западных портов Индии до Персидского залива и даже до Адена. Такие же путешествия могли совершаться и в древности, так как едва ли корабли, которыми пользовались в те времена, были значительно меньше или примитивнее, чем некоторые корабли, совершающие эти рейсы теперь. Известно, что египетские корабли плавали в восточной части Средиземного моря еще в период Древнего царства, и нет оснований сомневаться, что в тот же самый период, соответствующий по времени культуре долины Инда, иноземные парусники и даже галеры могли посещать северо-западное побережье Индии. Трудно сказать, какие именно народы принимали участие в этой морской торговле. Возможно, это были жители Индии, а возможно — также и жители Вавилонии, так как предполагают, что они были хорошими моряками, во всяком случае в более позднее время. В настоящее время большая часть каботажной торговли находится в руках арабов; вполне допустимо, что они были главными мореплавателями на Индийском океане уже в древности.

С другой стороны, есть основание думать, что для торговых целей широко использовались различные пути сушей через Белуджистан. О. Штейн ясно показал, что население этой страны было когда-то гораздо многочисленнее, чем теперь. В современных засушливых условиях Белуджистан может прокормить только очень ограниченное количество жителей; однако многочисленные покинутые поселения свидетельствуют о том, что в древности эта долина была заселена значительно гуще. По уже указанным причинам, люди культуры Хараппы, возможно, не имели никакого или почти никакого политического влияния на Белуджистан; однако они могли брать проводников в отдельных племенах, которые, естественно, были хорошо знакомы с этой труднопроходимой местностью.

Судя по ввозу в города долины Инда товаров из других областей Индии, жители этих городов если и не распространяли свою власть на всю страну, то, во всяком случае, торговали с большей ее частью. Например, оленьи рога привозились из Кашмира, полудрагоценный амазонский камень доставлялся оттуда же или из далеких гор Нильгири, жадеит, по предположению Эдвина Пэско, указывает на связи с Центральной Азией, а золото — на связи с Южной Индией. Мизор поставлял красивый зеленый камень (в Мохенджо-Даро была найдена чаша, сделанная из этого камня), а ляпис-лазурь

и, возможно, свинцовая руда, содержащая серебро, привозились из отдаленных областей Афганистана. Можно представить себе караваны, то и дело прибывающие и отбывающие из этих богатых городов долины Инда, нагруженные не только товарами повседневного потребления, но также материалами для изготовления предметов роскоши, услаждавших купцов и их клиентов.

Как это и вполне естественно в городе, главным занятием которого была торговля, население Мохенджо-Даро имело, по видимому, весьма смешанный характер. Количество раскопанных скелетов невелико; к тому же большая часть людей не была, очевидно, погребена надлежащим образом, так как покойники обоего пола и всех возрастов были найдены в неестественных позах. Несмотря на это, Сьюэл и Гуха определили по крайней мере четыре различных антропологических типа: протоавстралоидный, средиземноморский, монголоидный и альпийский; два последних типа представлены каждый всего лишь одним черепом. Все черепа как протоавстралоидного, так и средиземноморского типа (последние встречаются чаще всего) — долихоцефальные и обнаруживают сходство с черепами, найденными Вуллеем в Эль-Обейде, автором в Кише, а также в Анау, Нале и других местах.

Единственный череп, обнаруженный в течение рабочего сезона в Чанху-Даро, находился в большом сосуде, возле которого лежала раковина, а ниже несколько изделий из меди и бронзы (табл. XXX, 2). При черепе не было обнаружено никаких других костей, даже нижней челюсти. Очевидно, покойник был похоронен уже по истечении некоторого времени после смерти. Этот череп — долихоцефальный — принадлежит молодой женщине с широким плоским лицом и широким носом, что говорит о смешении средиземноморских и негроидных этнических черт. Форма сосуда и характер предметов, погребенных вместе с черепом, указывают на то, что он относится к периоду культуры Хараппы. Больше не было найдено никаких останков людей ни культуры Хараппы, ни культуры Джхукара, ни малоизвестной культуры Джангара.

Единственный монголоидный череп из Мохенджо-Даро представляет несомненный интерес при сопоставлении его с несколькими найденными в этом городе терракотовыми статуэтками, часть которых увенчана рогами. Эти статуэтки имеют явно монголоидную внешность и резко отличаются по типу лица от обычных образцов. Они были обнаружены в одном из самых нижних слоев города и свидетельствуют о том, что его население могло иметь примесь монгольской крови, внесенную, возможно, пришельцами с северо-запада, быть может с Иранского нагорья, где при раскопках в Тепе Гиссаре в Дамгхане было обнаружено несколько очень ранних монголоидных

черепов. С другой стороны, не следует переоценивать значение находки одного черепа и даже статуэток, так как последние были все обнаружены в одной и той же части города, которая могла быть просто местом жительства небольшой монгольской общины. Однако вполне вероятно, что обширная торговля велась с некоторыми народами Центральной Азии, так же как и с более близкими странами.

Прежде чем закончить эту главу, следует упомянуть, что на основании обмеров найденных в Мохенджо-Даро скелетов средиземноморского типа было установлено, что один мужчина при жизни имел рост около 1 м 64 см, а две женщины — одна 1 м 45 см, другая 1 м 33 см. Обмер одного из скелетов протоавстралоидного типа показал, что рост этого человека равнялся 1 м 55 см; как указывает Сьюэл, это является примерно средним ростом для представителей этой расы. До получения новых данных нельзя решительно утверждать, что все население города было таким малорослым; однако в пользу этого говорит тот факт, что многие дома построены, несомненно, с расчетом на невысоких людей. Там, где сохранились пазы от балок, в большинстве случаев можно заметить, что они находятся на расстоянии менее 180 см от пола; многие двери также слишком низки для современных людей среднего роста.

В этом кратком очерке, посвященном древним культурам долины Инда, поневоле ставится больше вопросов, чем дается на них ответов. Наиболее серьезным препятствием к изучению развития и организации этих городов, имевших, несомненно, большое политическое и торговое значение, является отсутствие текстов, за исключением кратких надписей на каменных печатях и табличках, а также на нескольких медных и бронзовых орудиях. Поэтому настоящая книга может быть закончена лишь пожеланием, чтобы раскопки в долине Инда были продолжены и в тех местах, где это возможно, доведены до материка.

ДОПОЛНЕНИЕ

В тексте настоящей книги был сделан ряд вставок, имевших целью познакомить читателя с результатами полевых работ, которые велись уже после того, как книга была написана. Здесь же мы попытаемся дать обобщение предварительных выводов, сделанных учеными на основании исследования археологического материала, и сопоставить их с уже имеющимися сведениями.

Два основных вопроса, привлекающие к себе внимание ученых, это, во-первых, датировка культуры Хараппы — вопрос, имеющий большое значение для определения роли, которая принадлежит ей в культурном развитии Востока, и, во-вторых, истолкование письма на печатях древних городов долины Инда, а также на медных и глиняных пластинках и на некоторых инструментах.

Как уже сообщалось, датировка культуры Хараппы тесно связана с хронологией Месопотамии, поскольку при раскопках шумерийских поселений были найдены такие предметы, как печати, бусины, керамика и инкрустация явно индийского характера или происхождения, а в городах долины Инда, особенно в Мохенджо-Даро, было обнаружено небольшое количество предметов шумерийского или сузского типа. Таким образом, всякое уточнение наших представлений о хронологии Месопотамии неизбежно влечет за собой изменение и датировки культуры Хараппы. В 1940 г. профессор Сидней Смит в результате дальнейшего исследования цикла Венеры (ср. Langdon and Fotheringham, «The Venus Tablets of Ammizaduga») в своей книге «Alalakh and Chronology» сделал попытку понизить дату вступления на престол Хаммурапи — главный ориентир для всей истории Месопотамии — до начала XVIII в. до н. э.¹ Это, в свою очередь, означало снижение даты конца правления I Вавилонской династии и оставления древних городов долины Инда их населением примерно до конца XVII в. до н. э. Однако не

¹ Как уже отмечалось (см. прим. на стр. 31), Хаммурапи правил с 1792 по 1750 г. до н. э., а правление I Вавилонской династии продолжалось до 1595 г. до н. э. (Прим. ред.)

так давно Олбрайт на основании царского списка, найденного при раскопках в Хорсабаде, датировал вступление на престол великого вавилонского монарха концом XVIII в. до н. э., что должно было бы передвинуть конец существования городов культуры Хараппы в XVI в. до н. э. При такой датировке эпоха культуры Джхукара, сменившей культуру Хараппы и Мохенджо-Даро, должна была бы придвинуться почти вплотную к моменту прихода в северо-западную Индию народов, говоривших на языке ариев.

Более поздняя датировка падения культуры Хараппы указывает на то, что период ее существования был значительно более продолжительным, чем предполагалось ранее; в связи с этим интересен один вывод Вуллея, сделанный им на основании собственных раскопок в Атчана-Алалахе. Несколько раз упоминалось о том, что находки одинаковых предметов в самых ранних и самых поздних слоях Мохенджо-Даро доказывают, что изменения были ничтожны. В Атчана-Алалахе мы находим интересную параллель этому наблюдению. В своем предварительном сообщении о работах истекшего сезона на месте этого города («Таймс», 4 августа, 1947 г.) Вуллей говорит: «Между VIII и XVI слоями наблюдается удивительно мало различия, в особенности в керамике — как простой, так и расписной. Материалы свидетельствуют о том, что за пятнадцать, если не больше, столетий, на протяжении которых размеры и богатство Алалаха непрерывно возрастали, ровное течение его истории не нарушалось никакими резкими переломами». Другой пример поразительной устойчивости дают химьяритские надписи Южной Аравии, формы знаков которых за период более тысячи лет не претерпели почти никаких изменений.

Большой интерес представляет письмо на печатях; было сделано много остроумных попыток его дешифровки. Одним из первых, кто взялся за это дело, был патер Герас, рассматривавший его как протодравидское. Письмо людей культуры Хараппы состояло из силлабических знаков с идеограммами, а также, возможно, и детерминативами; это было довольно быстро установлено Смитом и Гэдом, но успех дешифровки этого письма зависит от того, будет ли найдена двуязычная надпись (вероятнее всего, такая надпись может быть обнаружена в Шумере) или, по крайней мере, хотя бы несколько надписей, более длинных, чем те, которые мы имеем сейчас. Первоначально общим мнением всех исследователей было, что надписи на печатях обозначают имена их владельцев, возможно вместе с титулами. Но это могли быть и названия товаров, уложенных в тюки и снабженных для надежности глиняными пломбами с оттисками печатей. Скучное — в отличие от Шумера того же периода — количество глиняных отпечатков, найденных в городах долины Инда, побудило многих археологов,

в том числе и Э. Маккея, высказать догадку, что квадратные печати-штампы, помимо практического применения, имели также какое-то религиозное значение. Недавно, однако, Хаттен высказал мнение, что печати «в первую очередь применялись для торговых целей, так как в одном доисторическом поселении в Ираке был найден клочок хлопчатобумажной ткани с клеймом, носящим оттиск одной печати из долины Инда» (Hutton, «Caste in India», стр. 135). Во всяком случае, едва ли глиняные отпечатки могли сохраниться в довольно влажном климате Синда так хорошо, как они сохранились в Ираке. Животные, которым индийские и другие авторы приписывали какое-то религиозное значение, могли быть символами как религиозных, так и торговых корпораций. На ярлыках, прикрепленных к современным индийским товарам и к товарам, изготовленным в других местах для продажи в Индии, поразительно часто встречаются изображения различных животных и всевозможные другие символы.

Большой интерес представляет высказанное патером Герасом предположение, что какой-нибудь другой город, расположенный на побережье к югу от устья Инда, мог служить центром, через который велась торговля между людьми культуры Хараппы и шумерийцами, причем в этом городе цилиндрические печати были больше распространены, чем квадратные печати-штампы, столь характерные для Мохенджо-Даро и Хараппы. По мнению Смита таким центром мог служить Броач, расположенный на правом берегу реки Нарбады, чуть выше ее устья, и имеющий хороший причал для небольших судов; в пользу такого предположения говорит и большое значение, которое имел этот город в качестве торгового порта в более позднее время (Баригаза Птоломея). Он упоминается также в Джатаках, как очень древний порт, через который велась торговля с Вавилоном.

Другие авторы, в том числе Смит и Уолш, обратили внимание на некоторое сходство между знаками на хараппских печатях и на более поздних монетах с отверстиями, употреблявшимися в северо-западной Индии. Группа индийских авторов (см. Вага, «The Indus Script and the Tantric Code») усматривает в изображениях животных на хараппских печатях символы фонетического значения — род письма, который, по их словам, применяется в Тантрах. В области антропологии Хаттен указывает также на то, что охота на быков с собаками как особое сакральное действие до сих пор распространена в Южной Индии.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К. Маркс. Британское владычество в Индии. Сочинения, т. IX, стр. 346 след.
К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, 1940.
Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1949 г.
И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950.

II. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- В. И. Авдиев. История древнего Востока, Москва, 1948.
Б. Л. Богаевский. Восток и Запад в их древнейших связях (по поводу новейших открытий в Индии). «Новый Восток», 1926, № 11, стр. 214—229.
Т. В. Бородина. Раскопки в Чанху-Даро. «Вестник древней истории», 1946, № 1 стр. 115—117.
А. В. Мишулин. Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда. Там же, 1938, № 1, стр. 121—123 (рецензия на первое издание книги Э. Маккея).
А. Осипов. Краткий очерк истории Индии до X века, Москва, 1948.
В. В. Струве. История древнего Востока, М.—Л., 1941.
В. В. Струве. Датировка I Вавилонской династии. «Вестник древней истории», 1947, № 1, стр. 9—35.
В. В. Струве. Дешифровка протоиндийских писем. «Вестник Академии Наук СССР», 1947, № 8, стр. 51—58.
В. В. Струве. Протоиндийские надписи. Общее собрание Академии Наук СССР 10—13 июня 1947 г., М.—Л., 1948, стр. 111—121.
Н. А. Шолпо. К проблеме «арийского» завоевания древней Индии. «Вестник древней истории», 1939, № 3 стр. 40—48.
Древнейшая Индия в свете последних археологических раскопок. Там же, 1940, № 2, стр. 155—168.
Древний Восток. Атлас по древней истории под редакцией акад. В. В. Струве, Ленинград, 1937.
Б. Гровный. Протоиндийские письмена и их расшифровка. «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 3—14.
В. Ф. Олбрайт. Третий пересмотр древней хронологии Передней Азии. Там же, 1946, № 4, стр. 26—32.

III. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Allan, J. Coins of ancient India. British Museum Catalogue, 1936.
- Alsdorf, L. Рецензия на книгу Е. Маскау. *Orientalistische Literaturzeitung*, 1940, p. 122. (Указания на связи между древней Индией и Критом.)
- Annual Bibliography of Indian Archaeology. Kern Institute Leyden, Leyden (выходит с 1940 г.).
- Annual Report of the Archaeological Survey of India (выходит с 1923—1924 гг.).
- Aravamutham, J. G. A link between India and Crete, Man, 1939, vol. XXXIX, p. 190—192.
- Aravamutham, J. G. Some survivals of the Harappa Culture, Bombay, 1942.
- Aravamutham, J. G. More gods of Harappa. Journal of the Bihar research society. Patna, 1948, vol. 34, p. 31—82.
- Arkell, A. J. Combay and the Bead Trade. *Antiquity*, vol. X, 1936.
- Bandyopadhyaya, N. M. Economic life and progress in Ancient India. Vol. I, Calcutta, 1945.
- Barna, B. M. The Indus Script and the Tantric Code. *Indo-Iranica*, 1946, vol. I.
- Beck, H. C. Etched Carnelian Beads. *Journal of the Society of Antiquities*, vol. XII, 1933.
- Beck, H. C. Notes on Glased Stones, Ancient Egypt and the East. Dec. 1934, June, 1935.
- Billimorio, N. M. Worship of the Mother Goddess and Bull in Mohenjo-Daro and Beluchistan. *Journal of the Sind Historical Society*, vol. III, p. 84.
- Briggs, G. W. The Indian Rhinoceros as a Sacred Animal. *Journal of the American Oriental Society*, vol. LI, 276.
- Brown, W. N. The Beginnings of Civilization in India. *Journal of American Oriental Society*. 1933. (Приложение к «The Beginnings of Oriental Civilization».)
- Chaudhury, N. C. Mohenjo-Daro and the civilization of Ancient India with references to agriculture, Calcutta.
- Childe, V. G. Notes on some Indian and Iranian Pottery. *Ancient Egypt and East*, 1933. Part 1—2.
- Childe, V. G. New Light on the Most Ancient East. London, 1934.
- Childe, V. G. What Happened in History. Pelican Books. London, 1942.
- Combaz, G. L'Inde et l'Orient Classique. Paris, 1937. Publications du Musée Guimet. Documents d'art et d'archéologie.
- Courtillier, G. Les anciennes civilisations de l'Inde. Paris, 1930.
- Dange, S. A. India from primitive communism to slavery. Bombay, 1949.
- Das Gupta, C. C. Affinity between Mohenjo-Daro and Kish Figurines. *Indian Culture*, vol. III, 1936 f.
- Dumont, P. E. and Albright, W. F. A Parallel between Indian and Babylonian Sacrificial Ritual. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. LIV, 1934, p. 107 f.
- Ehrenfels, O. R. The Indus Civilization and Ethnographic Research in the Mediterranean Basin. *Journal of the Sind Historical Society*. Vol. IV, p. 96.

- Fabri, L. C. The Punch-Marked Coins. A Survival of the Indus Civilization. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1935, p. 307 f.
- Fabri, L. C. Babylonian Inscription discovered at Mohenjo-Daro. *Indian Culture*, 1937, III, p. 4.
- Fabri, L. C. Mesopotamian and Early Indian Art. *Etude d'Orient*, I, 1932, p. 203 f.
- Frankfort, H. The Indus Civilization and Near East. *Annual Bibliography of Indian Archaeology*, 1932.
- Frankfort, H. Archaeology and the Sumerian Problem. *Oriental Institute Communications*. Chicago, № 4, 1932.
- Frankfort, H. Tell Asmar, Khafaje and Khorsabad. *Oriental Institute Communications*. Chicago, № 16, 1933.
- Friedrichs, H. F. Die zoologische und kulturgeschichtliche Bedeutung der Tierdarstellungen von Mohenjo-Daro and Indus. *Der Alte Orient*. Bd. 32, Heft 3/4, 1933.
- Gadd, C. J. Seals of Ancient Indian Style found at Ur, *Proceedings of the British Academy*. Vol. XVIII, 1933.
- Guha, B. S. Racial Affinities of the Peoples of India. *Census of India*. 1931. Vol. I, Part. III (Government of India Press, 1935).
- Hargreaves, F. M. Excavations in Beluchistan. *Memoirs of the Indian Archaeological Survey*, № 35, 1929.
- Hertz, A. Die persische Golfkultur. *Klio* XX, Beiheft, p. 63.
- Hrozny, B. Die älteste Völkerwanderung und die protoindische Zivilisation. *Prag*, 1939.
- Hrozny, B. Die älteste Geschichte Vorderasiens. *Prag*, 1940.
- Hrozny, B. Inschriften und Kultur der Proto-Indier von Mohenjo-Daro und Harappa. *Archiv Orientalni*, vol. 12, 1941, vol. 13, 1942, № 1—2, p. 1—102.
- Hunter, G. R. *Script of Harappa and Mohenjo-Daro*. London, 1934.
- Hutton, L. H. *Caste in India*. Cambridge University Press, 1946.
- Joseph, P. Extent and influence of Indus Valley Civilization. *Journal of Oriental Research*, Madras, vol. XI, p. 246.
- Law, N. N. Mohenjo-Daro and the Indus Valley Civilization. *Indian Historical Quarterly*, vol. VIII, p. 121.
- Lucas, A. Glazed ware in Egypt, India and Mesopotamia. *Journal of Egyptian Archaeology*, vol. XXII, 1936, p. 141.
- Mackay, D. Ancient River Beds and Dead Cities. *Antiquity*, vol. XIX, 1945.
- Mackay, E. Chanchu-Daro Excavations 1935—1936. *American Oriental Society*, № 20, New Haven Conn. 1943.
- Mackay, E. Further Excavations at Mohenjo-Daro, 1927—1931. 2 vols. *Government of India Press*. New Delhi, 1938.
- Mackay, E. Excavations at Chanchu-Daro by the American School of Indian and Iranian Studies and Museum of Fine Arts. Boston, season 1935—1936. *Bulletin of the Museum of Fine Arts*. Boston, October, 1936. *Annual Report of the Smithsonian Institution*. Washington. 1937.
- Mackay, E. The Indus Civilization—some connections with Sumer, Elam and the West. *Journal of the Royal Central Asiatic Society*. Vol. XXI, 1934.

- Mackay, E. Further Excavations at Mohenjo-Daro. *Journal of the Royal Society of Arts*, vol. LXXXII, 1934.
- Mackay, E. Decorated Carnelian Beads. *Man*, vol. XXVIII, 1932 (§ 15C).
- Mackay, E. Painted Pottery in Modern Sind. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1930.
- Mackay, E. Sumerian Connections with Ancient India. *Journal of Royal Asiatic Society*, 1925.
- McCown, D. E. *The Comparative Stratigraphy of Early Iran*. Chicago, 1932.
- Majumdar, A. C. *Explorations in Sind*. Archaeological Survey of India. *Memoir* № 48, 1934.
- Marchall, J., Mackey E. and others. *Mohenjo-Daro and the Indus Civilization*. London, 1931, vv. I—III.
- Masson-Oursel, Grabowska and Stern, *Ancient India and Indian Civilization*. London, 1934.
- von Meriggi, P. *Zum Indus Schrift*. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1934.
- Mode, H. *Indische Frühkulturen und ihre Beziehungen zum Westen*. Basel, 1944.
- Petrie, Fl. *Mohenjo-Daro*. *Ancient Egypt*, 1932. Part 2.
- Picard, Ch. *De l'Indus aux Pays Sumeriens*. *Revue archéologique*, t. VI, Serie 10, 1937, p. 253 f.
- Piggot, S. *Dating the Hissar Sequence — the Indian Evidence*. *Antiquity*, vol. XVII, 1943.
- Piggot, S. *Notes on certain metal pins and a macehead in the Harappa Culture*. *Ancient India*, Calcutta, 1947/48, № 4, 26—40.
- Piggot, S. *Some Ancient Cities of India*. Oxford University Press, 1946.
- Piggot, S. *The Chronology of Prehistoric North West India*. *Ancient India*, Calcutta, 1946, January.
- Poebel, A. *The Assyrian King List from Kharsabad*. *Journal of Near Eastern Studies*, vol. I, p. 24 f, 460 f. Vol. II, p. 56 f.
- Pran Nath, D. *The decipherment of the inscriptions of Harappa and Mohenjo-Daro. The discovery of bilingual inscriptions*. Benares, 1946.
- Prasad, B. *Animal Remains from Harappa*. Archaeological Survey of India. *Memoir* № 51, 1936.
- Ross, A. S. C. *The «Numerical Signs» of the Mohenjo-Daro Script*. Archaeological Survey of India. *Memoir* № 5.
- Semper, M. *Das Alter der Induskultur*. *Orientalistische Literaturzeitschrift*, 1938, p. 273.
- Smith, S. *Alalakh and Chronology*. London, 1940.
- Smith, S. *Middle Minoan I—II and Babylonian Chronology*, *American Journal of Archaeology*, 1945.
- Speiser, E. A. *The Beginnings of Civilization in Mesopotamia*. *Antiquity*, vol. XV, 1941.
- Starr, R. F. S. *Indus Valley Painted Pottery*. Princeton University Press, 1941.
- Stein, A. *An Archaeological Tour in Waziristan and Northern Beluchistan*. Archaeological Survey of India. *Memoir* № 3, 1929.

- Stein, A. An Archaeological Tour in Gedrozia. Archaeological Survey of India. Memoir № 43, 1941.
- Stein, A. An Archaeological Tour of the Ancient Persia. Iraque, vol. III, 1936.
- Stein, A. Archaeological Reconnaissances in North-West India and South-West Iran. London, 1937.
- Stone, J. F. S. A second fixed point in the Chronology of the Harappa Culture. *Antiquity*, vol. XXIII, 1949, p. 201—204.
- Thomas, E. J. Mohenjo-Daro and the Aryans. *Indian Historical Quarterly*, 1938, p. 327.
- Thureau-Dangin, F. Sceaux de Telloh et d'Harappa. *Revue assyriologique*, vol. XXII, p. 99.
- Vats, M. S. Excavations at Harappa. Government of India Press. New-Delhi, 1940.
- Vats, M. S. Harappa. Annual Bibliography of Indian Art and Archaeology, 1937.
- Walsh, E. H. C. Punch-Marked Coins from Taxila. Archaeological Survey of India, Memoir № 59.
- Wheeler, R. E. M. Harappa, 1946: the Defencer and Cemetery R 37. *Ancient India*. Vol. III, 1947, January.
- Woolley, C. L. Excavations at Ur. *Antiquaries Journal*. Vol. VIII, 1928; vol. XII, 1932.
- Woolley, C. L. The Development of Sumerian Art. London, 1935.
- Woolley, C. L. The Royal Cemetery Excavations at Ur. II. Philadelphia and London, 1934.
- Woolley, C. L. Some problems of Indian Archaeology. *Journal of the Royal Society of Arts*. London, 1940. Vol. 88, № 4546, p. 183—197.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица I

1. Раскопки к юго-западу ст холма со ступой. Две полосы в стенках траншеи — слои отложенной всдой глины — подтверждают найденные в других местах свидетельства о том, что на протяжении своей истории город дважды подвергался разрушительным наводнениям.
2. Скелет женщины на лестнице, ведущей вниз к общественному колодезю. Поздний период.

Таблица II

1. Большой бассейн в Мохенджо-Даро с остатками окружавшей его аркады; вид с севера.
2. Комплекс небольших комнат для омовения, расположенных к северу от большого бассейна, по обе стороны коридора с восточным каналом; вид с запада.

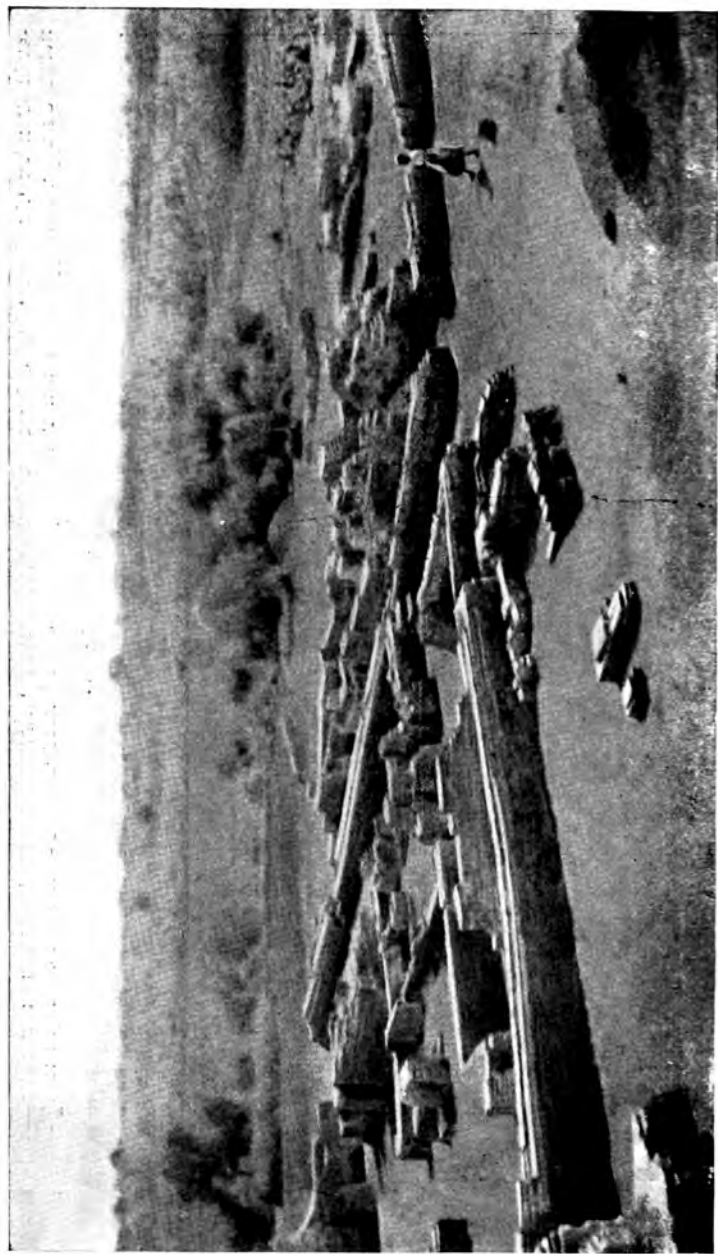

Таблица III

Чанху-Даро: здания первого периода культуры Харашпи и проходящие вдоль улиц круглые кирпичные столбы-каналы; вид с востока.

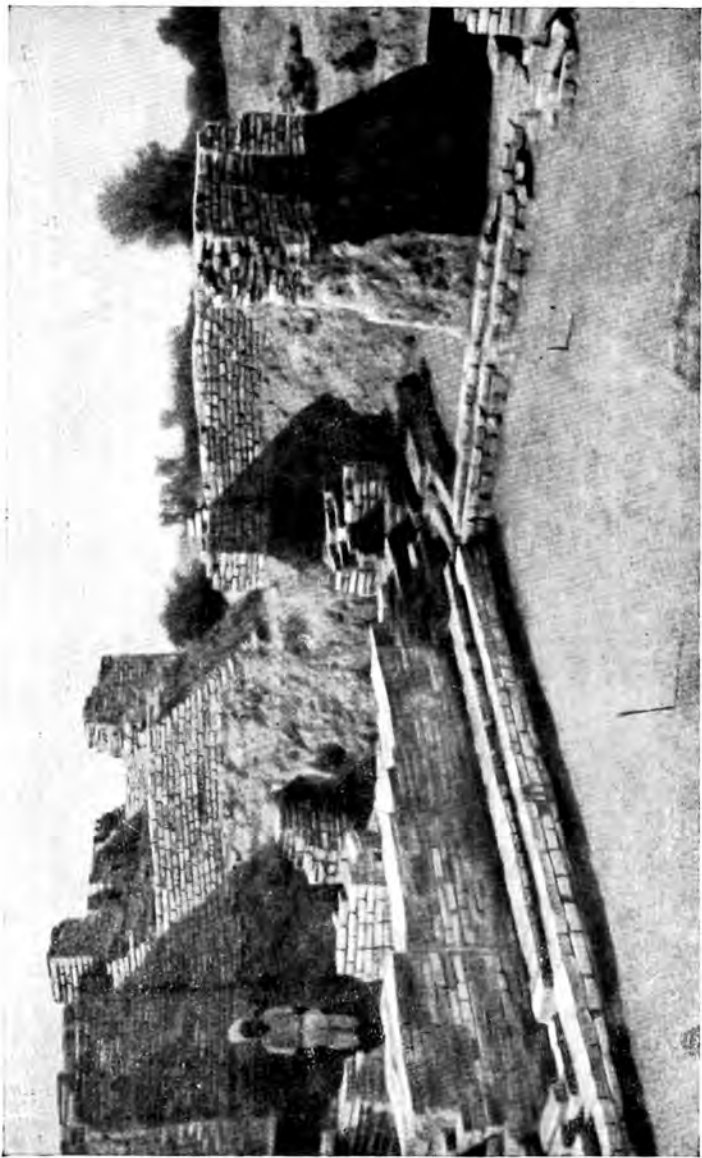

Таблица IV

Чанху-Даро: на заднем плане — здания, датированные последним периодом культуры Хараппы. На переднем плане — здания и канализационная проводка, относящиеся к предшествующему, второму, периоду культуры Хараппы; вид с востоко-юго-востока.

Таблица V

Чанху-Даро: раскопки в Глубокой траншее; вид с северо-востока.

Т а б л и ц а VI

1. Современные крестьяне со своими телегами на Первой улице Мохенджо-Даро; вид с юга.
2. Мохенджо-Даро: квартал № 2 и квартал № 3 в районе Ок; вид с юго-востока.

Таблица VII

1. Извилистый переулок в районе Dk, вскрытый до III слоя среднего периода. Стены носят следы надстройки, необходимость которой вызывалась повышением уровня улицы; вид с запада.
2. Мохенджо-Даро: водосток большого бассейна. Несмотря на то, что кирпичи клиновидной формы применялись для облицовки колодезя, истинный свод, повидимому, был неизвестен; найдены лишь ступенчатые арки.

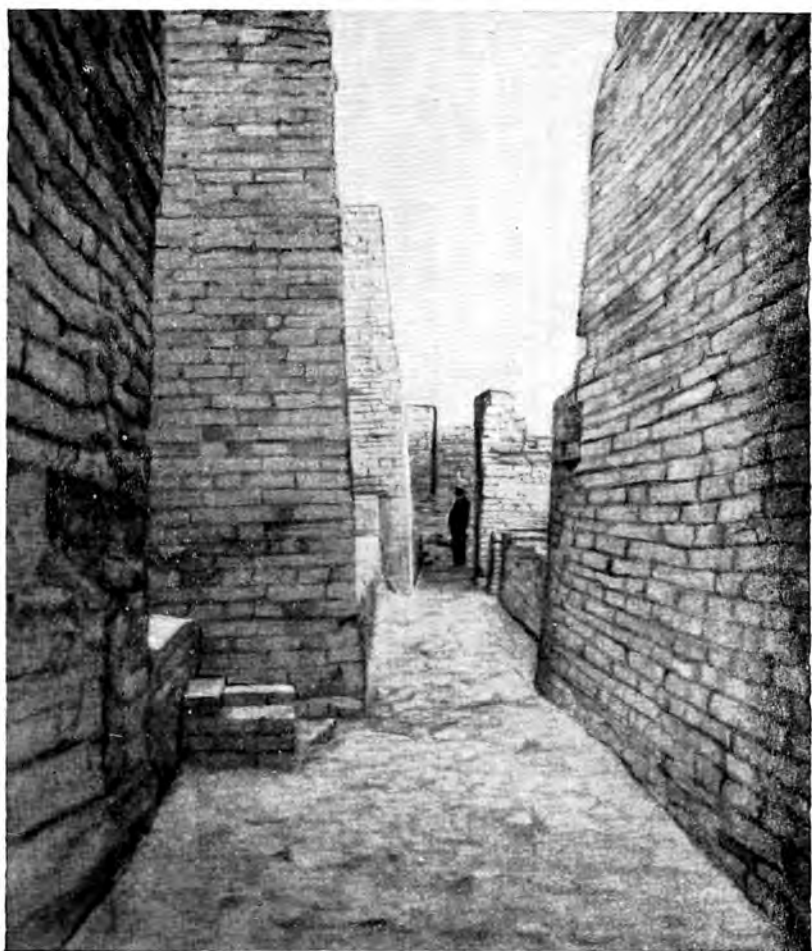

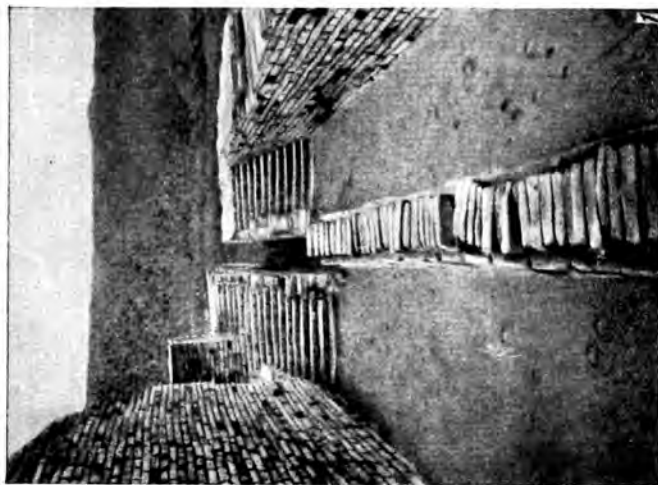
Таблица VIII

Мохенджо-Даро: длинный переулоч, вскрытый до III слоя среднего периода;
вид с востока.

Таблица IX

1. Мохенджо-Даро: фасад дома № 3 в районе Dk, расчищенного до III слоя среднего периода. Проемы, которые можно принять за окна, в действительности являются дверями более позднего времени; вид с запада.
2. Колодец, из которого черпали воду для небольших комнат для омовения, расположенных к северу от большого бассейна. В тех местах мощеного пола, куда постоянно ставили кувшины, образовались впадины, а на краях колодца видны борозды от веревок; вид с юга.

Т а б л и ц а X

1. Мохенджо-Даро: широкая лестница в III слое среднего периода и прорезающий ее крытый кирпичом сточный канал более позднего времени; вид с севера.
2. Мохенджо-Даро: лестница в доме. На одну из ступеней поставлена женская туфля, чтобы показать, насколько они были узки.

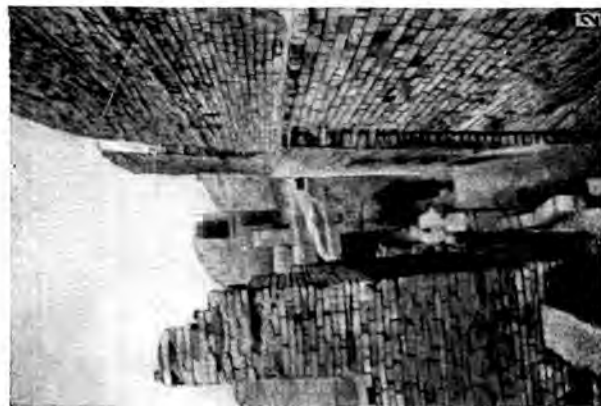

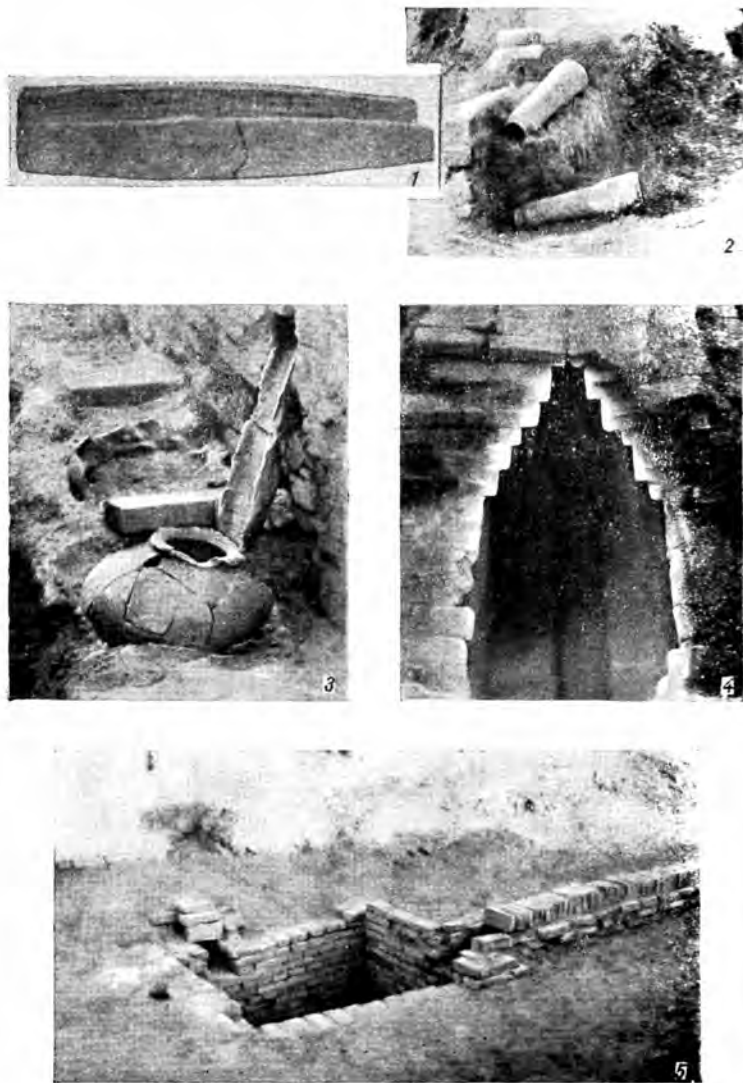
Таблица XI

1. Мохенджо-Даро: лестница во дворе с двумя маршами ступеней, расположенными под прямым углом один к другому; I слой среднего периода; вид с запада.
2. Передний переулок и выложенный кирпичом сточный канал, относящийся к раннему периоду; справа — стена двора; вид с запада.

Таблица XII

1. Мохенджо-Даро: выстроенный из кирпича сточный канал в Петлеобразном переулке; часть перекрытия удалена; вид с юга.
2. Мохенджо-Даро: комната для омовения с кирпичным полом и отверстием для стока воды, продольным в стене налево; III слой среднего периода; район Dk; вид с юга.

Т а б л и ц а XIII

1. Чанху-Даро: глиняный жолоб.
2. Чанху-Даро: глиняные канализационные трубы.
3. Мохенджо-Даро: сточный жолоб в стене дома.
4. Мохенджо-Даро: сток для дождевой воды.
5. Мохенджо-Даро: отстойник в южном конце Первой улицы.

Т а б л и ц а XIV

Мохенджо-Даро: раскопанный колодезь, стены которого оставлены без изменений, чтобы показать последовательное повышение уровня полов и стен.

Таблица XV

1. Пол в харчевне, снабженный углублениями, в которые вставлялись большие сосуды для хранения продуктов.
2. Укрепление (?) на городской стене; налево — верхние ступени лестницы, напоминающей гхат.

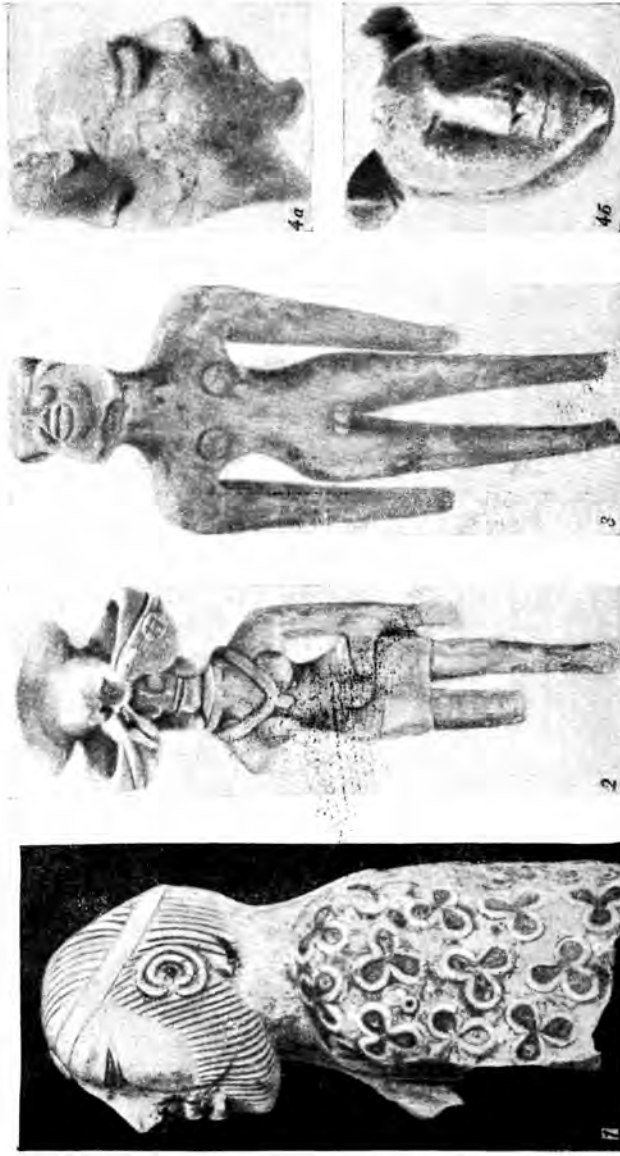

Таблица XVI

1. Мохенджо-Даро: стеатитовый бюст, изображающий божество в плаще со священным узором в виде трилистников. 2. Глиняная статуэтка богини-матери. 3. Мужская статуэтка: глина. 4. Глиняная маска божества, сделанная в специальной форме; рога и уши, в настоящее время отколотые, были, вероятно, бычьи.

Таблица XVII

1—8, 11, 13, 15. Мохенджо-Даро: печати-амулеты.
 9. Мохенджо-Даро: печать-амулет с изображением Пасупати, «Владыки зверей». 10. Цилиндрическая печать из стеатита. 12. Оттиск цилиндрической печати. 14. Изображение судна, вырезанное на печати-амулете.

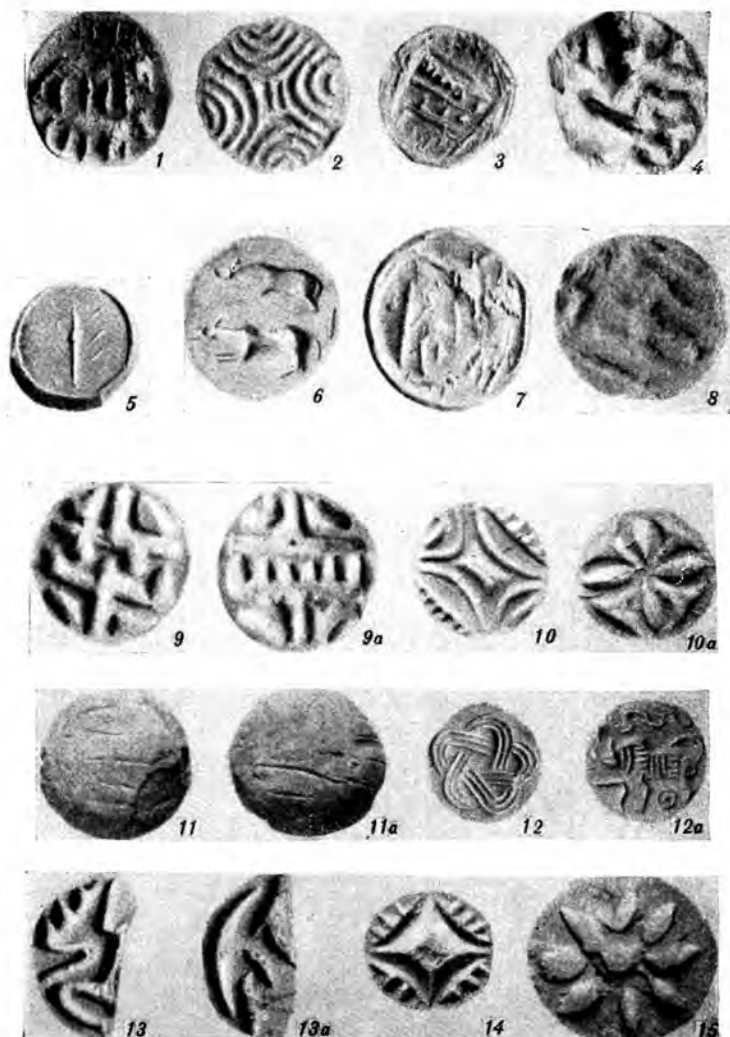
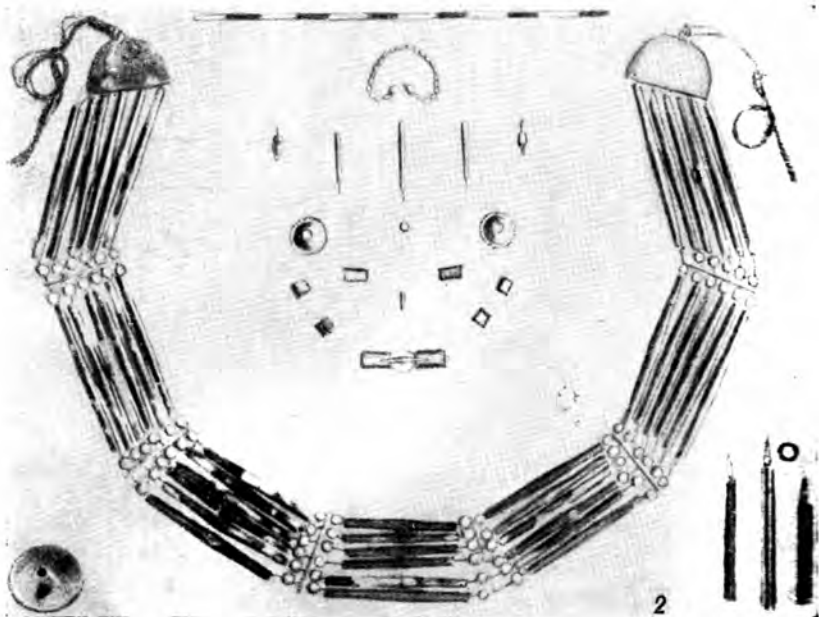

Таблица XVIII

1—8. Чанху-Даро: печати-амулеты культуры Джхукара, имеющие сзади выпуклый выступ с проходящим через него отверстием; у печати 7 отверстие проходит насквозь через самую печать; 2 и 4 сделаны из фаянса, 5 из меди, а остальные — из обожженной глины.

9—15. Чанху-Даро: бусины-амулеты периода культуры Джхукара; 12 — из камня, 9 и 15 — из обожженной глины, 10, 11, 13 и 14 — из фаянса.

Т а б л и ц а XIX

1. Мохенджо-Даро: клад медных и бронзовых орудий, оружия и хозяйственной утвари, найденный под полом одного небольшого дома. Было отчищено и разъединено не менее 40 сросшихся вследствие коррозии предметов.
2. Пояс из длинных карнелиановых бус, отделенных друг от друга пронизями и небольшими бусинами из первоначально позолоченной бронзы. Набор из трех золотых иголок.

Таблица XX

1. Глиняная погремушка из Мохенджо-Даро.
- 2, 3. Свистки в форме птиц из Чанху-Даро.
- 4, 5, 6, 7. Нелюделанные бусины из карнелиана.
8. Наконечники сверл из сланца для просверливания длинных каменных бусин. 9. Медные орудия.
10. Камень для полировки бус; песчаник.
- 11, 12, 13. Сосуды и большая глиняная бусина периода культуры Джхангара.

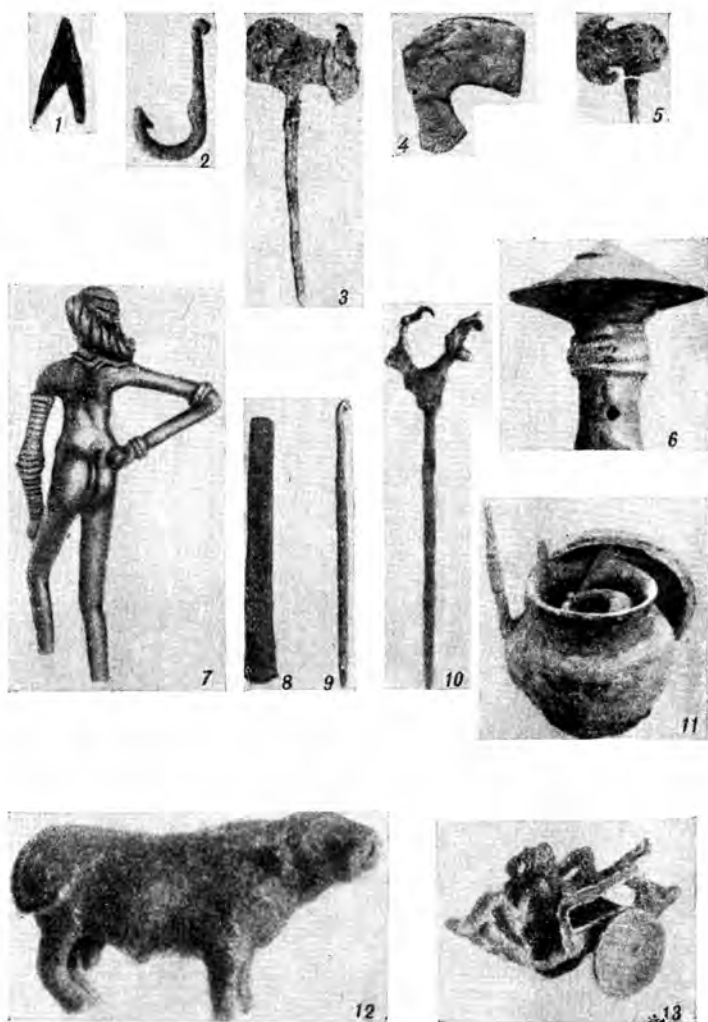

Таблица XXI

1—5 и 11. Чанху-Даро: различные изделия из меди и бронзы. 6. Чанху-Даро: наконечник жезла. 7. Мохенджо-Даро: бронзовая статуэтка танцовщицы. 8, 9. Чанху-Даро: долото и булавка периода культуры Джжукара. 10. Мохенджо-Даро: медная булавка. 12. Мохенджо-Даро: бронзовая статуэтка буйвола. 13. Чанху-Даро: модель повозки с возницей.

Т а б л и ц а XXII

1. Чанху-Даро: проушной топор.
2. Бронзовый клиновидный топор с пиктографической надписью.
3. Бронзовое зеркало.
4. Бронзовый проушной топор-тесло.

Таблица XXIII

1. Мохенджо-Даро: пила с зубьями и волнистым краем. Пила первоначально имела деревянную ручку.
2. Бронзовый меч.
3. Бронзовый сосуд; высота 17,2 см.
4. Бронзовый сосуд; высота 17,5 см.

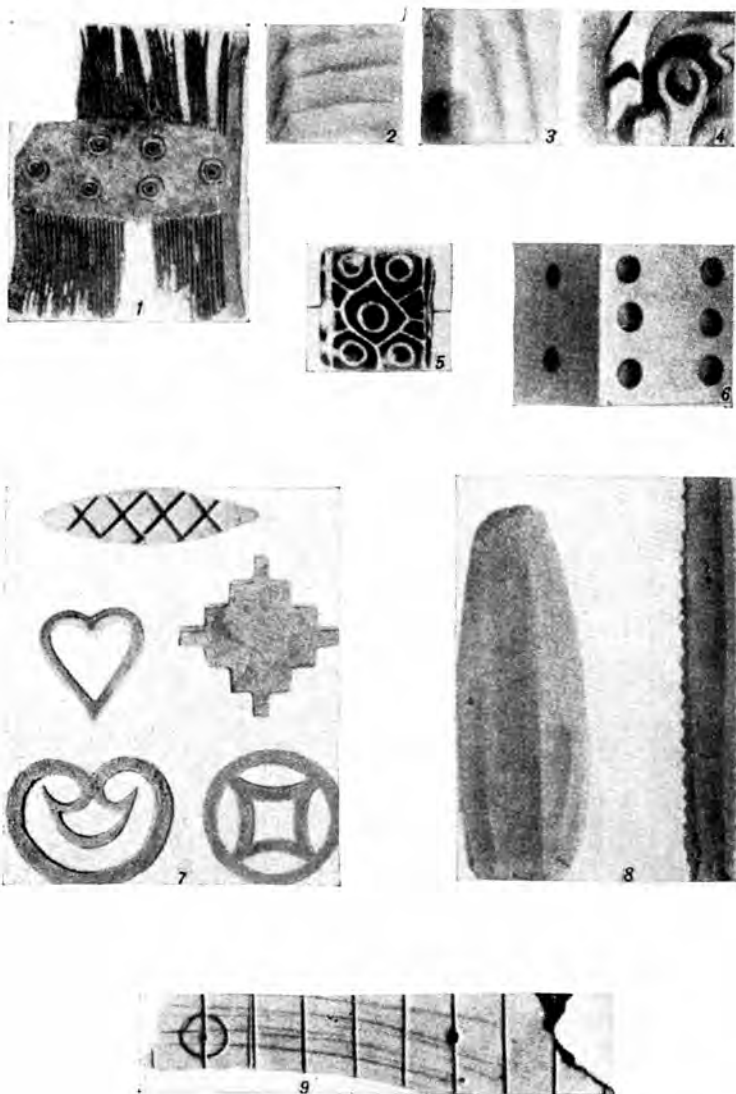

Таблица XXIV

1. Гребень из слоновой кости.
- 2, 3, 4. Чанху-Даро: гири из сланца.
5. Бусина из травленого карнегиана.
6. Каменная игральная кость.
7. Пластины для инкрустации; раковина и фаянс.
8. Чанху-Даро: пластина и нуклеус из сланца.
9. Обломок линейки с делением, основанным на десятичной системе; раковина.

Т а б л и ц а XXV

1. Чанху-Даро: глиняная ложка.
2. Чанху-Даро: глиняная чернильница.
3. Чанху-Даро: глиняная фигурка англопы.
4. Головка для булавки, изображающая двух обнимающихся обезьянок (стеатит). 5. Глиняная статуэтка обезьянки.
6. Нагрудное украшение из стеатита, некогда оправленное в металл и инкрустированное.
7. Незаконченная статуэтка обезьяны с детенышем.

1

2

3

4

5

Таблица XXVI

1. Стеатитовый сосуд из Суз.
2. Мохенджо-Даро: фрагмент стеатитового сосуда раннего периода.
3. Расписной сосуд с орнаментом, представляющим собой разработку мотива находящих друг на друга кружков.
4. Небольшой сосуд, орнаментированный шишечками.
5. Глиняный подсвечник.

Таблица XXVII

Образцы керамики культуры Хараппы: 1—6, 8, 9 и 11—из Чанху-Даро, 7, 10, 12 и 13—из Мохенджо-Даро.

Таблица XXVIII

1—12. Чанху-Даро: образцы керамики периода культуры Джжукара.

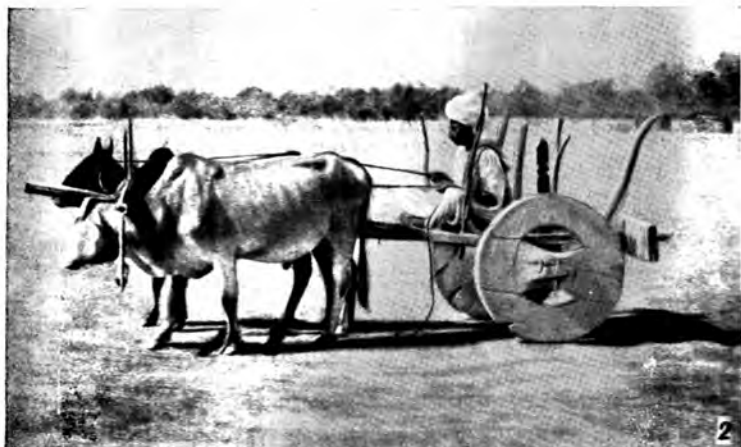
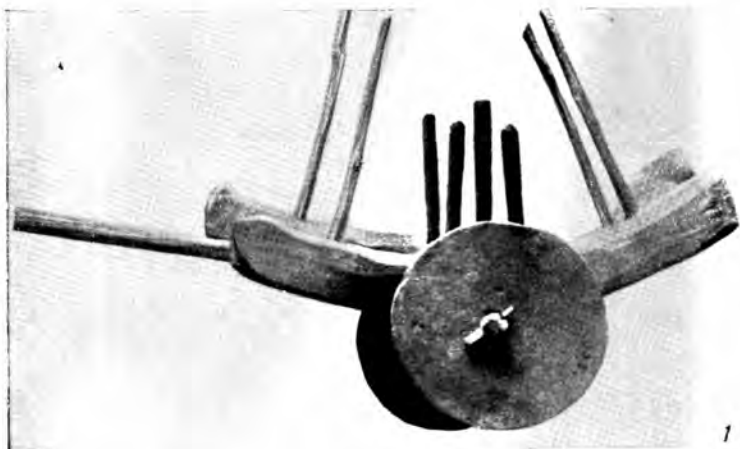

Таблица XXIX

1. Чанху-Даро: глиняная модель повозки. Деревянные колья и дышло прибавлены для того, чтобы подчеркнуть ее сходство с телегами, которыми пользуются в Синде в наши дни.
2. Синдская телега, употребляющаяся для перевозки сельскохозяйственных продуктов.

Таблица XXX

1. Чанху-Даро: просеивание земли в поисках бусин и других мелких предметов. 2. Чанху-Даро: череп, погребенный в большом сосуде с раковинной, медным кольцом и другими предметами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Древние города долины Инда	29
Глава II. Архитектура и строительство	40
Глава III. Религия	64
Глава IV. Одежда и украшения	81
Глава V. Медь и бронза: домашняя утварь, орудия и оружие	92
Глава VI. Искусства и ремесла	102
Глава VII. Обычаи и развлечения	120
Глава VIII. Хронология и связи с другими странами	128
Дополнение	135
Библиография	138
Иллюстрации	143

Редактор *Н. Соболева*

Техн. редакторы: *Н. Печникова* и *А. Дроков*. Кorrектср *О. Малых*

Сдано в производство 12/X 1950 г. Подписано к печати 14 XII 1950 г. А 09279. Фумага 60×92¹/₁₆=6,1 бум. л. 12,2 печ. л. в т.ч. фото 2 л. и 4 вкл. Уч.-издат. л. 11,6. Изд. № 6.944.
Цена 10 р. 55 к. Зак. 2827. Тираж 3 000.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
8	19 снизу	В самом деле, отмечалось соответствующих доказывающих ближайшей ошутимой XXXI—XXXIV)	В самом деле, отмечались соответствующим что доказывает ближайшей, ошутимой планы I—IV на стр. 38—40)
20	2 сверху		
20	18 сверху		
21	2 сверху		
38	22 сверху		
41	5—4 снизу	(табл. XXXIII—XXXIV)	(планы III—IV на стр. 40—41)
55	10 сверху	лишь значительная (табл. XXXIV), Кносского дворца Journal 1936 f. of the Amerikan Oriental Institute Literaturzeitschrift of Sumerian район ОК следствие	лишь незначительная (план IV на стр. 41) Кносского дворца Journal 1936. of the Amerikan Oriental Institute Literaturzeitung of Sumerian район DK вследствие
60	7 сверху		
89	6 снизу		
139	21 снизу		
139	7 снизу		
139	5 снизу		
140	9 сверху		
141	10 снизу		
142	5 снизу		
в подписи под табл. VI			
в подписи под табл. XIX			

Маккей.